

R ¹²¹/₆₂₀

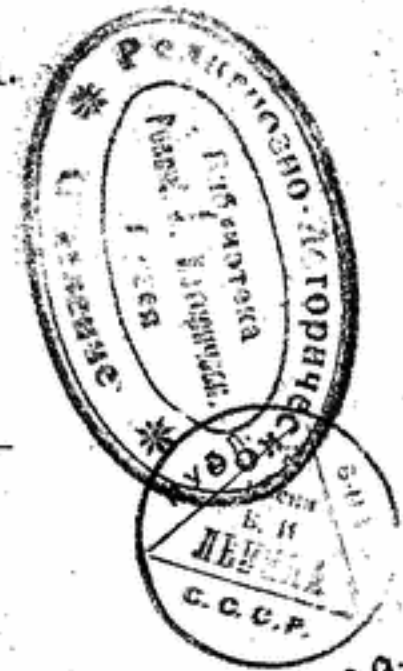
11/182

НА ВЕРЬЛЮДАХЪ.

Воспоминанія изъ жизни въ Средней Азіи.

Н. Уралова.

сп. 29-240

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Соѣкина, Стремянная, д. № 12.
1897

№ 326

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Ноября 1896 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ молодости я обладалъ безпечнымъ умомъ... Я не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ: стремленіе къ дѣятельности, жажда приключеній и заманчивыя картины безконечнаго шатанія по горамъ и лѣсамъ Азіи имѣли для меня невыразимо притягательную силу, а такъ какъ свойство моей службы не только позволяло, но даже обязывало перекочевывать съ одного мѣста на другое то, благодаря этому обстоятельству, мнѣ пришлось побывать и на Хивинской границѣ, и въ Бухарѣ, и въ Срединномъ царствѣ Чжунъ-го (какъ называютъ его китайцы). Не мало поѣздилъ я и караванными путями на верблюдахъ, и дикими ущельями Тянь-Шаня (Небесныя горы) на цѣпконогихъ, горбоносыхъ киргизскихъ моштахъ, чрезъ кряжистый хребтъ Нарынскій, — на сартовскихъ двухколесныхъ арбахъ и, наконецъ, даже на камышевыхъ плотахъ (салы) по Сыру, этой живописнѣйшей, хотя совершенно дикой рѣкѣ всего Туркестанскаго края.

Какихъ-нибудь двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а какъ далеко-далеко кажется мнѣ это невозвратное время!! Словно мимолетный сонъ кануло оно въ вѣчность и оставило послѣ себя лишь одно воспоминаніе да щемящую боль въ сердцѣ,—и невольно приходятъ на память чудныя строки поэта:

«Гдѣ моя юность съ чарующей лаской,
«Отваги и вѣры года?
«Гдѣ сердце, что было волшебною сказкой
«Заслушаться радо всегда?
«И гдѣ эти сказки, что слушаль охотно?
«Ихъ пѣтъ--только эхо твердить:
«Все въ жизни непрочно, какъ сонъ мимолетно,
«Все мимо, все мимо летать!»

Да и какъ не болѣть сердцу о прошломъ? Тогда я былъ юный, здоровый, ни отъ кого независимый человѣкъ, смотрѣвшій на Божій міръ сквозь розовыя стекла. Безшабашная удалъ духъ захватывала и просилась наружу; ни страху, ни боязни—все было тринтъ-трава! Бывало, верхомъ на лошади, съ драннымъ револьверишкомъ, годнымъ только для вколачиванія гвоздей, рыскалъ я по горамъ и ущельямъ,—и не страшны были встрѣчи ни съ двуногими хищниками-барантачами, способными за мѣдный чайникъ выпустить своимъ кривымъ ножомъ кишки, ни съ четвероногими—кlyкастыми кабанамъ-сѣкачами (*Sus scrofa*) и хитрыми барсами (*Felis irbis*). Не то теперь! Пустое урчанье въ желудкѣ порождаетъ смертельный страхъ (батьшки, не холера-ли!),—а встрѣча съ „Его Превосходительствомъ“ приостанавливаетъ даже бѣженіе сердца, которое прячется въ эти минуты если не совсѣмъ въ пятки, то навѣрное очень неподалеку отъ нихъ. Прежняя независимая, полная поэзіи жизнь замѣнилась пошлымъ мыканьемъ по канцеляріямъ; вмѣсто чудной природы—затхлый воздухъ архивовъ; мѣсто ежеминутныхъ приключеній—рапорты, доклады, отношенія и донесенія; вмѣсто друзей—киргизовъ, этихъ наивно-добродушныхъ, скуластыхъ дѣтей природы—геморроидальныя сослуживцы-чиновники съ перегорѣлымъ сивушнымъ запахомъ, и вмѣсто свѣтлыхъ южныхъ ночей подъ открытымъ небомъ—шатаніе по дымнымъ и душнымъ ресторанамъ, театрамъ и кафе-шантанамъ...

Измѣнилась и внѣшняя сторона былого, да такъ, что и слѣдовъ отъ прежняго не осталось.

Цивилизація, быстро шагая впередъ, разбудила дремавшую Русь. Поднялся сѣверный колоссъ и, движимый мощной силой прогресса, быстро принялся догонять Европу... Скоро ему стало тѣсно въ своихъ предѣлахъ и началъ онъ свое поступательное движеніе на востокъ. Повалились чалмоносныя головы хигинцевъ, какъ мячи, подъ ударами русскихъ сабель,—и вскорѣ подъ державную руку Бѣлаго Царя покорены были новыя громаднѣйшія территоріи степей;

забѣлѣлся двухглавый орелъ надъ минаретами ханскихъ ставокъ, а русскіе двигались себѣ все дальше и дальше въ центральную Азію, сопровождая свой путь такими блестящими предпріятіями, какъ взятіе славнаго въ лѣтописяхъ Востока города Самарканда, Хивинскій походъ, завоеваніе Ферганы и, наконецъ, занятіе всей Арало-Каспійской котловины. Много мѣста захватила Русь. Раскинулась она, по словамъ поэта, отъ

Хладныхъ Финскихъ береговъ

До пламенной Колхиды

Заблестѣлъ русскій крестъ „на далекихъ окраинахъ“ и церковный благовѣстъ возвѣстаетъ, что эта вновь покоренная земля принадлежитъ намъ. Благорастворенный климатъ и сокровища новыхъ провинцій привлекаютъ къ себѣ предпріимчивыхъ людей. И вотъ различные смѣльчаки, ежегодно забирающіеся отъ своихъ насиженныхъ Ярославскихъ, Владимірскихъ, Тверскихъ и другихъ родныхъ очаговъ за снѣжный хребетъ Алтая, въ долины Грузіи, къ берегамъ каменистаго Свеаборга, даже къ ледяному Архангельску—широкой волной хлынули во вновь покоренный край, а за этими смѣльчаками-піонерами двинулись и промышленники-капиталисты... Вскорѣ желѣзныя дороги опоясали теперь по всѣмъ направленіямъ тѣ дикія мѣста, гдѣ еще только два десятка лѣтъ назадъ рыскали полосатые красавцы тигры, да въ болотахъ камышахъ сопѣли и хрюкали, отфыркиваясь отъ міриадъ комаровъ и разныхъ болотныхъ мошекъ, щетинистые кабаны. А теперь узкоглазый туземецъ съ суевѣрнымъ ужасомъ смотритъ на „шайтановы телѣги“ и съ трепетомъ шепчетъ про себя молитву, для избавленія себя отъ злаго духа. Жалко кочевнику мивушаго; тоскливо сжимается у него сердце и съ грустью воспоминаетъ онъ „доброе старое время“, словно нашъ завзятый крѣпостникъ—блаженное для него, но позорное для народа время барщины...

Томителемъ песчаный, трудный путь,
И не на чемъ тутъ взору отдохнуть:
Нигдѣ ни кустика, ни пестренькой
поляны...
Песокъ, песокъ, песчаные барханы,
Да гладь степная...

I. Мое путешествіе по пустынямъ и степямъ.

Итакъ, этому минуло уже двадцать лѣтъ. Я служилъ тогда у купца Огнева *) и на обязанности моей, между прочимъ, лежала закупка и отправка въ Сибирь нѣкоторыхъ жировыхъ товаровъ и въ Нижній—хлопка.

До начала шестидесятыхъ годовъ хлопчатая бумага доставлялась въ Россію преимущественно изъ Америки, такъ что бухарскій хлопокъ не имѣлъ почти никакого сбыта и бухарцы продавали его по четыре рубля за пудъ въ то время, какъ имъ самимъ онъ стоилъ пять. Да при этомъ еще надо принять во вниманіе, что русскіе купцы платили четыре-то рубля не деньгами, а практиковали мѣну товара; слѣдовательно, цѣна на хлопокъ была ниже и 4-хъ рублей. Но съ 1862 года, когда загорѣлась въ Америкѣ ожесточенная междоусобная война, подвозъ хлопчатой бумаги все уменьшался, уменьшался и, наконецъ, совсѣмъ прекратился. По мѣрѣ уменьшенія привоза изъ Америки, спросъ въ Бухару увеличился, цѣна на хлопокъ возвысилась и дошла до 22-хъ рублей за пудъ. Сборъ и вывозъ поглотилъ въ

*. Фамилія мною измѣнена. Фирма этого достойнѣйшаго въ своемъ родѣ человека существуетъ благополучно въ наши дни и есть самая богатая въ Туркестанскомъ краѣ: годовой оборотъ ея простирается на сумму свыше 8 милліоновъ рублей серебромъ.

Бухарѣ всю ея прежнюю производительность, замѣнивъ почти весь вывозной товаръ: канаусъ, сусу, выбойку, готовые халаты и даже фрукты. Хлопокъ, хлопокъ и хлопокъ—вотъ единственный почти товаръ, какой теперь приносятъ на себѣ верблюды.

Въ 1872 году мнѣ надо было по торговымъ дѣламъ лично побывать въ городахъ Петропавловскѣ и Акмолинскѣ. Въ настоящее время такое путешествіе не представляетъ ничего не только труднаго, но и особеннаго, такъ какъ начиная отъ самаго Ташкента, чрезъ города Чимкентъ, Аулія-Ата, Вѣрный, Капаль и Сергіополь до Семипалатинска отлично можно добраться на лошадяхъ, и далѣе до Тобольска на пароходѣ, откуда до Акмолинска рукой подать. Но такая комфортабельная дорога не входила въ мои расчеты: мнѣ надо было сопровождать до Орска большую партію хлопка и потому направиться караваннымъ путемъ чрезъ Чулакъ (Тургайской области) на Акъ-Тау и чрезъ кряжъ Кокче-Тау; въ Акколы же отъ Орска—на лошадяхъ.

II. „Корабль пустыни“.

Въ степи всѣ тяжести возятся не иначе, какъ на верблюдахъ, частію потому, что два десятка лѣтъ назадъ пресловутый, блаженной памяти Кузнецова, почтовый трактъ былъ идеально плохъ, такъ что коммерческій людъ всегда почти избѣгалъ путешествія по нему, предпочитая хотя и медленный, но за то вѣрный способъ передвиженія „на кораблѣ пустыни“.

Въ областяхъ Туркестанскаго округа верблюды встрѣчаются двухъ породъ: одногорбые „наръ-тюэ“ и двугорбые „аиръ-тюэ“. Первая порода, происшедшая отъ верблюдовъ южныхъ странъ Азіи, считается лучшею по силѣ и росту, но плохо выноситъ сѣверные холода; вторая, тюрско-монгольская порода, происходитъ изъ сѣверныхъ степей; она слабѣе „нара“, но привычнѣе къ болѣе холодному климату. Негреобавительность верблюда въ отношеніи пищи

и питья—общеизвестна. Избѣгая горныхъ мѣстностей и рѣчныхъ долинъ съ сочною травою, верблюдъ находитъ всѣ благопріятныя для себя условія въ открытыхъ, сухихъ и знойныхъ степяхъ и пустыняхъ, каковы Аравія и Монголія, доставившія въ Среднюю Азію своихъ представителей въ видѣ двухъ породъ. Западные уѣзды Сыръ-Дарьинской области обладаютъ многими мѣстностями, сходными по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ съ указанными странами и потому весьма благопріятны для разведенія верблюдовъ. Кромѣ службы вьючнаго животного при перекочевкахъ киргизъ и перевозкѣ тяжестей, верблюдъ доставляетъ хозяину густое и питательное молоко и шерсть идущую на выдѣлку особой ткани (армячины) для одежды, а также на мѣшки, приготовленіе тесьмы, веревокъ (арканъ) и проч.; мясо верблюда употребляется въ пищу.

Видъ верблюда характеренъ и живописенъ въ высокой степени. Пусть понимаютъ это какъ хотятъ, но мнѣ этотъ уродъ кажется красавцемъ: рѣдко что удовлетворяетъ такъ созерцанію, какъ видъ верблюда. Онъ художественъ по полнотѣ своихъ признаковъ, по ихъ строгому соотвѣтствію съ цѣлымъ, по выразительности идеи, проникающей весь его организмъ.

Это „сѣдло—звѣрь“, „вьюкъ—человѣкъ“; вы сразу прочитываете эту основную идею верблюда въ его горбахъ, въ его шеѣ, въ его ступнѣ. Передъ вами живое, неутомимое движущееся сѣдло на четырехъ ногахъ. Только безграничная пустыня могла породить этого работника, не знающего усталости. Верблюдъ рожденъ работникомъ.

Работа—его органическое призваніе и его гордость. Стоитъ только разсмотрѣть наружность верблюда, чтобы убѣдиться въ этомъ. Не знаю, такимъ-ли вышелъ верблюдъ изъ рукъ Творца, или тысячелѣтняя борьба съ нимъ человѣка обработала его въ такую неуклюжую и вмѣстѣ безцѣльную машину, въ такого удобнаго урода.

Силища, не мѣряющая себя, не считающаяся, глядитъ во всякомъ членѣ; размѣры все какіе-то чудовищные. Вспомните

глазъ какъ будто не привыкъ къ звѣрямъ подобнаго калibra и невольно видитъ въ нихъ запоздавшихъ собратьевъ тѣхъ мастодонтовъ, мамонтовъ, мегалотеріевъ и разныхъ другихъ исполиновъ, колоссальные останки которыхъ мы открываемъ иногда въ геологическихъ могилахъ. Верблюдъ въ одно и то же время напоминаетъ овцу и медвѣдя. Его шерсть и неуклюжесть медвѣжьей, лицо—овечье: оно совсѣмъ голое; уши и волоса какъ у человѣка. Есть что-то древнеегипетское въ умномъ и сурово-равнодушномъ взглядѣ верблюжьяго лица. Кажется, будто онъ все понимаетъ и будто презираетъ васъ. Кажется, что онъ сознаетъ свою силу, свою пользу, свою незамѣнимость; сознаетъ, что исполняетъ свой священный долгъ. Оттого, можетъ быть, такъ презрительнъ его взглядъ, такъ величественны и неторопливы его движенія. Вы видите не невольника, а фанатика работы. Мнѣ кажется, въ восточномъ рабствѣ есть частичка этого фанатическаго взгляда на долгъ, на послушаніе...

Ранней весной, на худые и костлявые горбы верблюда, на это естественное его сѣдло, словно наброшена косматая, медвѣжья шуба: такъ обросъ онъ за зиму шерстью. Такіе же тулупы мотаются у него подъ шейю и на переднихъ ногахъ, закрывая колѣна. Они придаютъ верблюду нѣсколько звѣрскій видъ.

Шея страшной силы и длины просто устроена для ярма; она спущена глубоко внизъ на самой серединѣ. То положеніе, которое даетъ шею всякое животное и человѣкъ, усиливается тащить тяжесть, заранѣе дано верблюду самою природою: ему незачѣмъ больше нагибаться. Онъ, такъ сказать, застылъ въ работающей позѣ. Какъ горбы его просятъ вьюка, такъ шея его проситъ ярма. Но при этомъ устройствѣ вѣчнаго работника, голова верблюда сохраняетъ полную самостоятельность. Ярмомъ согнутая шея не препятствуетъ глазамъ смотрѣть прямо и свободно впередъ, ушамъ слышать, длиннымъ ноздрямъ—обонять. Верблюдъ не поглощенъ весь своею работою, не подавленъ своею ношею; на ходу онъ озирается съ достоинствомъ независимости и съ

философскимъ спокойствіемъ наблюдаетъ суетный міръ, обратившій его въ машину для перевозки.

Но въ чемъ особенно выказывается страшная рабочая сила верблюда—это въ его ногахъ. Переднія ноги, обросшія космами шерсти, мозолистыя, корявыя—не ноги, а просто толкачи для мѣсенія песка. Копыта на нихъ—цѣлыя бляды. Не знаю, чего не раздавить такая пара ногъ и когда она утсмится! Заднія ноги худѣе и выше. Онѣ толкаютъ, какъ рессоры, высокоподобранный задъ, весьма усиливая этимъ размѣръ и быстроту шага. Переднія, лямовыя, тащутъ; заднія подталкиваютъ. Вся снасть верблюда подходящая къ ногамъ: языкъ и губы, жесткіе какъ мозоли, способны съ наслажденіемъ жевать тѣ колючки и рѣпы, которыя бы въ кровь изодрали пасть всякаго другаго животного; такой же терпкій желудокъ. Обшить верблюда тепло и дешево, не промокаетъ отъ дождя; крѣпко сколоченъ и свѣнченъ. Машина надежная, заведенная надолго: шагать—прошагаетъ не останавливаясь двое сутокъ; голодать—проголодаетъ хоть шестеро; телѣгу подавайте въ двѣ сажени длиной, возъ сѣна на телѣгу—цѣлый стогъ. Этотъ горбатый уродъ—спартанецъ по рожденію, безъ Ликурговыхъ пособій; онъ охотникъ только до жесткаго, до тяжелаго; онъ, по своему странному праву, любитъ все то, что составляетъ мѣку остальному живущему. Въ этомъ—неоцѣнимое достоинство верблюдовъ.

Любо смотрѣть, какъ проходятъ они мимо, одинъ за другимъ: дружно, серьезно и увѣренно поднимаютъ они свои могучія лапы, безучастно поглядывая ветхозавѣтными фізіономіями на проѣзжихъ, а за ними легко, какъ пустая телѣжка, катится огромнѣйшій возъ.

Верблюдъ можетъ нести на себѣ отъ 14 до 18-ти пудовъ, такъ что средняя норма нагрузки принята въ 16 пудовъ. Одного горбый верблюдъ, „наръ“, выносить и 20 слишкомъ, но такихъ верблюдовъ немного. Товаръ навьючивается на верблюда равномерно на обѣ стороны черезъ сѣдло (особаго устройства; для всадниковъ дѣлается съ высокой лукой);

каждая такая половина вѣситъ немного больше или меньше восьми пудовъ и называется „тай“. Въ количество вѣса „тая“ включаются и веревки, которыя—на одного верблюда—вѣсятъ около 13 фунтовъ. Вѣсъ товара опредѣляютъ количествомъ везущихъ его верблюдовъ и, живя въ Туркестанѣ, вы будете не мало удивлены, если вамъ скажутъ, что пришелъ товаръ вѣсомъ въ сто съ половиною верблюдовъ; эту половину составляютъ молодые и малосильные верблюды, которые больше двухъ „полу-тайковъ“ нести не могутъ. Кромѣ половины, есть еще и три четверти. Вообще же принято нормой считать верблюда за 16 пудовъ товару.

Возчики-киргизы („лаучи“) выходятъ партіями въ нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ верблюдовъ, смотря по готовности товара къ отпавкѣ. Съ каждой такой партіей идетъ „караванъ-банъ“ (караванный начальникъ, въ просторечномъ переводѣ—глава каравана), приказчикъ купца, отправляющаго товаръ, а иногда еще и переводчикъ (толмачъ). Этотъ послѣдній, впрочемъ,—въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ присутствіе его нужно, главнымъ образомъ, въ таможенныхъ, а тамъ почти всегда есть свой, развѣ отлучится въ степь съ таможенными чиновниками („закетчи“) по дѣламъ службы. Что касается присутствія прикащика, то оно необходимо вотъ почему: киргизъ-возчикъ получаетъ, положимъ, два „тая“ по $8\frac{1}{2}$ пудовъ каждый, полпуда съ „тая“ сбрасывается ему на усущку. Киргизъ отправляется по на пути заѣзжаетъ въ аулъ; здѣсь онъ развьючиваетъ верблюдовъ и гоститъ два-три дня, а иногда и болѣе. Событиса-ли онъ или грѣхъ этотъ обуяетъ его сосѣда, только мѣшокъ съ хлопкомъ распарывается, изъ него вынимается нѣсколько фунтовъ, а на ихъ мѣсто, для вѣса, вкладывается въ середину „тая“ хорошій кусокъ глины; потомъ мѣшокъ зашивается снова и возчикъ преспокойно отправляется дальше. Начинаются степныя жары, доходящія нерѣдко до $+48^{\circ}\text{R}$, хлопокъ сильно усыхаетъ, такъ что по прибытіи на мѣсто не оказывается цѣлаго пуда. Во избѣжаніе недостатка въ вѣсѣ, киргизы-возчики верстахъ

въ 150-ти отъ пункта сдачи обливаютъ „тай“ водой; вода отъ жары понемногу испаряется, но вмѣстѣ съ тѣмъ хлопокъ начинаетъ гнить, перегорать, сѣмя, или „орѣшокъ“ разбухаетъ, а вата принимаетъ желтый оттѣнокъ. Такъ или иначе, а хозяинъ терпитъ убытокъ. Ни обязательствъ, ни контракта, ни условій—ничего нѣтъ *).

Вотъ во избѣжаніе подобныхъ то безпорядковъ, обыкновенно, и отправляется приказчикъ, въ присутствіи котораго возчики уже не смѣютъ отлучаться, или сворачивать караванъ въ сторону, а если и дѣлаютъ это съ его разрѣшенія, то уже безъ всякаго поползновенія на ввѣренные имъ товары.

III. Сборъ каравана.

Стояли первые дни іюня. Медлить болѣе было невозможно и я, высунувъ языкъ, бѣгалъ по кишлакамъ и ауламъ, чтобы собрать необходимое (по числу пудовъ товара) количество верблюдовъ. Возчики дорожились, выставя какія-то крайне неопредѣленные причины, вѣрить въ которыя просто не хотѣлось. Въ особенности долго тянулъ меня мулла таджикъ Казанджиковъ.

— Что-жъ, мулла, нанимаешься что-ли? говори прямо, а то тянешь-тянешь, только время съ тобой теряю?!—спросилъ я его.

— Ни знай!—лаконически отвѣтилъ сѣдобородый таджикъ, а хитрые глаза совсѣмъ сощурились: хорошо зналъ, бестія, что конкурентовъ ему не очень много,—что хотѣлъ, то и просилъ.

— Вотъ те нѣ! если ты не знаешь, такъ кто-же знать-то будетъ, свинья, что-ли?—озлобился я.

— Цы, цы!.. зачѣмъ скверна слова скажишь...

*) Въ 70-хъ годахъ былъ случай, что одинъ изъ богатѣйшихъ бухарскихъ собственниковъ, Шарифъ-Ходжа, отправившій изъ Бухары въ Россію 73,000 пуд. хлопка, потерялъ слишкомъ 60,000 рубл. серебра въ одинъ разъ.

— Ничего тутъ сквернаго нѣтъ, вѣдь ты хоть самого черта такъ изъ терѣнія выведешь!! Что ты мотаешься-то, словно бѣсъ въ рукомойникѣ, э-эхъ! а еще мулла, акъ-сакаль (бѣлая борода)!—укорялъ я его.

— Бульна опасно... Алимкулка бунтуетъ!—увильнувшись снова мулла Казанджиковъ, намекая на разбой славившагося въ тѣ времена батыря Алимкула.

Этотъ маневръ однако-жъ только болѣе поддалъ мнѣ задору: ужъ очень много слыхалъ я про подвиги степного разбойника, хотя и плохо вѣрилъ въ этого, почти сказочнаго киргиза.

— Ну такъ что-жъ Алимкулъ,—эка птица какая! вамъ это онъ страшенъ, а для меня тьфу!—вотъ и все!—задорно возражалъ я.

— Алимкулка-то?! ой, ой! бульна сердить; она многа шиновна рѣзилъ! такъ мелко-мелко, совсимъ чучь-паръ *) дѣлалъ!—объяснялъ почтенный мулла, а глаза его такъ и искрились отъ восторга.

Я отлично понималъ, что хитрый таджикъ всю эту механику подводилъ не для чего иного, какъ выторговать лишній рубль. Однако дѣлать было нечего, кромѣ его верблюдовъ другихъ пожалуй что и не найти, да и отправляться было давно пора.

— Неужели ты нисколько не уступишь, вѣдь твоя цѣна совсѣмъ несуразная! побойся Бога-то!—началъ я было увѣщевать Казанджикова. Но онъ понесъ опять какую-то ахиною про Алимкулку, а потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего привелъ новую причину: „Зима балшой былъ!“

Я не сталъ болѣе торговаться, видя совершенную невозможность побѣдить упрямство „проклятаго дикаря“, и сразу надбавилъ цѣну почти въ полтора раза, послѣ чего пріятель мой немедленно согласился и въ видѣ вѣщаго

*) Тоже что и русскіе пильмени, только гораздо больше и защипываются вродѣ пирожковъ; варятся не въ водѣ, а посредствомъ пара. Очень вкусное кушанье, сильно впрочемъ приправленное перцемъ.

удостоверенія въ своей благонадежности, сильно шлепнул ладонью своей руки объ мою, что, кстати сказать, составляет необходимѣйшій у киргизовъ, сартовъ и другихъ туземныхъ обитателей актъ при всякихъ купляхъ-продажахъ и иныхъ подобныхъ сдѣлкахъ, замѣняя нотаріальное условіе.

— Утромъ, чимъ свѣтъ, берблюдъ будетъ!—пообѣщавъ онъ и мы разстались.

Хлопокъ у меня былъ давно приготовленъ, т. е. упакованъ и дѣло стояло только за верблюдами.

IV. Мои спутники.

Кромѣ меня, въ нашемъ караванѣ было еще двое русскихъ: переводчикъ, яицкій казакъ-линеецъ Иванъ Левашевъ, давно впрочемъ утратившій свое русское имя и извѣстный на сотни верстъ подъ полу-русскимъ, полу-киргизскимъ титуломъ Иванъ-бай *). Это былъ сѣдовласый старикъ, чисто казачкаго покроя, высокій, широкоплечій, съ затылкомъ вола, съ большою бородой, раздѣлявшею его темное огрубѣлое лицо на двѣ половины, и съ большими красивыми глазами, изъ-подъ которыхъ скуловатые кости сильно выступали впередъ. Этотъ наружный видъ, а равно костюмъ (Левашевъ одѣвался въ киргизскій халатъ и малахай) и, наконецъ, постоянный разговоръ на туземномъ нарѣчій, которымъ Левашевъ владѣлъ въ совершенствѣ,—заставляли многихъ принимать Иванъ-бая за чистокровнаго номада.

Онъ обладалъ колоссальными кулаками, но никто не могъ пожаловаться на то, чтобъ кулаки эти причинили когда-либо кому-нибудь вредъ. За то ругаться Левашевъ любилъ до страсти. И, странное дѣло, въ этихъ случаяхъ

*) Бай—трудно переводимое слово, нѣчто вродѣ «хозяина», или «господина». Туземцы почти къ каждому имени прибавляютъ эту частицу, желая вѣроятно выразить болѣе почтеніе: Мурза-бай, Хакимъ-бай, Наурузъ-бай и проч.

онъ прибѣгалъ уже исключительно къ родному діалекту, находя, вѣроятно, что на этомъ языкѣ можно болѣе подобрать крѣпкихъ словъ, особенно если упоминаются родители оппонента...

Левашевъ служилъ у одного со мной хозяина въ качествѣ переводчика и извѣздилъ буквально весь Туркестанскій край; въ общемъ онъ представлялъ чрезвычайно любопытнаго субъекта съ темнымъ, загадочнымъ прошлымъ. Вопреки всякимъ ожиданіямъ, водки Иванъ-бай совершенно не пилъ, за то табакъ не только курилъ и нюхалъ, но даже постоянно клалъ изрядную щепоть его за щеку, что вообще, къ слову сказать, въ большомъ употребленіи въ Туркестанскомъ краѣ. Кисеть съ табакомъ-махоркой и особая изъ тыквы бутылочка для «носоваго» висѣли у него за поясомъ, а трубка была вѣчно въ зубахъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Иванъ-бай хотѣлъ ругаться, онъ не вынималъ ее, а только особымъ движеніемъ губъ сдвигалъ къ одному углу рта и съ такой яростью нападалъ на соперника, что тотъ, обыкновенно, всегда оставался побѣжденнымъ.

Другой мой соплеменникъ былъ нѣкто Семенъ Никитичъ Телѣжниковъ, выходецъ изъ Великаго Устюга; жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ташкентѣ приказчикомъ, понакопилъ денегъ и возвращался во свояси, чтобы на родинѣ заняться «своимъ дѣломъ», по его выраженію. Хотя точно онъ и не опредѣлялъ, что это за «свое дѣло», но съ перваго же раза можно было безошибочно заключить, что этотъ пронырливый молодецъ ни на что болѣе не способенъ, какъ стоять за прилавкомъ съ аршиномъ въ рукахъ и спрашивать со сладкой улыбкой: «Чего изволите-съ? Что покупаете-съ?» Типъ извѣстный и на Руси довольно распространенный. Если прибавить къ этому, что Семенъ Никитичъ былъ весьма набоженъ и въ разговорѣ любилъ ссылаться на различные тексты изъ Священнаго Писанія, то портретъ его будетъ совершенно готовъ. Любилъ онъ также почти къ каждой фразѣ прибавлять слова: «это», «знаете», «того» и проч.; въ разговорѣ не то заикался, не то торопился скорѣе выска-

заться, для чего и прибѣгалъ къ означеннымъ выше словечкамъ, поясняя въ тоже время свою рѣчь отчаянной жестикуляціей рукъ и даже всего корпуса.

Довольно любопытенъ былъ первый его визитъ ко мнѣ. Какъ-то однажды по утру я сидѣлъ въ конторскомъ кабинетѣ и пилъ чай, вдругъ въ передней кто-то осторожно кашлянулъ, затѣмъ потопалъ ногами и вообще различно выражалъ свое присутствіе.

— Кто тамъ? Войдите!—пригласилъ я.

Дверь осторожно отворилась и маленькая, плюгавенькая фигурка перешагнула высокій порогъ кабинета, затѣмъ робко, бочкомъ, какъ-то по воробыному, подошла къ столу.

— Здра-сте, Николай Ивановичъ! я знаете это... потому какъ получивши это извѣстіе... того, знаете... наслышались... Павла Кондратьича Густолѣсова изволите знать? — вдругъ задала мнѣ фигурка вопросъ, путаясь и заикаясь.

Я чуть не покотился со смѣху. Смѣшнѣе этого лица и вообще всей этой несчастной фигурки я еще ничего не видывалъ: вошедшій былъ маленькій, юркій человѣчекъ съ выпученными какъ у рака и въ то же время шмыгающими глазками, красной, словно выкрашенной сурикомъ, бороденкой и съ лицомъ, сильно изрытымъ оспой. Онъ размахивалъ руками, кивалъ головой, скалилъ зубы, какъ-то вилялъ и вообще чрезвычайно походилъ на собаченку, которая ластится около ногъ, боясь, чтобъ ее не пнули, не ударили, и желаетъ своимъ рабскимъ, униженнымъ видомъ расположить въ свою пользу.

Одѣтъ былъ Телѣжниковъ въ коротенькій, бумазейный горохового цвѣта „спилжакъ“, красные изъ козьей кожи штаны, заправленные за порывѣвшія голенища сапогъ и громаднѣйшую, не менѣе аршина въ діаметрѣ, дунганскую шляпу. Весь этотъ костюмъ и самъ владѣлецъ его прежде всего возбуждали самое веселое настроеніе. Однако, едва сдерживая себя я отвѣчалъ по возможности серьезно.

— Ни Павла Кондратьевича, ни васъ—извините—не имѣю чести знать. Съ кѣмъ, позвольте спросить...

— Помилуйте-съ! это даже удивительно-съ, знаете... ови, Павелъ Кондратьичъ весьма очень извѣстные коммерсанты, знаете... это, того, какъ его...—перебилъ меня плюгавенькій человѣкъ, приходя въ неописанное изумленіе, какъ это я не знаю извѣстнаго коммерсанта Густолѣсова.

— Не слыхалъ!.. Такъ собственно вамъ-то я чѣмъ могу быть полезенъ?—снова спросилъ я.

— А мы ихъ, это, приказчикъ, знаете того, этого... на отчетѣ лавку, знаете, содержали; а нынѣ возымѣли это того, знаете, желаніе повидать свою родительницу, знаете...

Я окончательно ничего не понималъ. Приходилось задавать категорическіе вопросы:

— Ваша фамилія какъ?

— Телѣжниковъ, Семенъ Никитичъ Телѣжниковъ... проживали мы, знаете, того этого, какъ его... по паспорту въ городѣ Ташкентѣ, а нынѣ, знаете, это очинно хотимъ родительницу свою повидать, потому знаете какъ это, того... въ Писаніи отъ святыхъ отецъ сказано: чти отца твоего и мать... родительница у насъ старушка весьма даже престарѣлая... повидать желательно...

— Очень похвальное намѣреніе, но я то при чемъ тутъ? Что вамъ отъ меня угодно?

— Потому какъ, знаете, извѣстились мы... это, что вы Николай Ивановичъ, въ патюшество это изволите вояжировать... съ караваномъ.

— Да-а! Вотъ что! Дѣйствительно я на дняхъ думаю отправляться, давно уже пора да вотъ верблюдовъ все не могъ подыскать. Цѣны такія лунять, что просто слышать страшно... Такъ вы со мной желаете ѣхать? Да садитесь пожалуйста, что-жъ вы стоите-то!..

— Извѣстно, мошенники! это, знаете, мы ихъ, можно сказать, буквально понимаемъ... И въ Писаніи сказано: не мечите бисера!..

Я только ротъ отъ удивленія разинулъ.

— Т. е. кто мошенники? вы о комъ говорите?

— Эти самые верблюжники. Мы, знаете, это, Николай

на ривадакъ.

Иванычъ, тоже дѣла съ ними всяческія происходили, довольно знаемъ...

Оказывалось, что гость хотѣлъ мнѣ посочувствовать, что вотъ, молъ, какъ трудно найги караванныхъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ и попалъ въ самую чувствительную струну. Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ сочувствіе посторонняго къ вашему горю. Вы, обиженные какой-нибудь житейской неудачей, чрезвычайно обрадуетесь, когда встрѣтите человѣка понимающаго и раздѣляющаго ваше горе. Я, по крайней мѣрѣ, сталъ смотрѣть на своего гостя совсѣмъ иными глазами.

При дальнѣйшей бесѣдѣ выяснилось, что онъ желалъ въ караванѣ вмѣстѣ со мной доѣхать до Орска, гдѣ у него было какое-то „первѣющей важности“ дѣло, чтобы оттуда отправиться на родину въ Великій Устюгъ. Лишній человѣкъ, да еще русскій, не только не могъ помѣшать мнѣ, но былъ даже весьма желателенъ: все же веселѣе скучать въ такомъ долгомъ пути.

— Только вотъ что, господинъ Телѣжниковъ, вы можете не скоро еще соберетесь, а вѣдь я положительно на дняхъ ѣду, рѣшилъ ужъ и за цѣной не стоять: хоть и дорого, а ничего не подѣлаешь.

— Помилуйте-съ, весьма очинно пріятно даже... знаете, и это и расчетъ получилъ отъ Павла Кондратыча... можно сказать, совсѣмъ, знаете, собрался, только...

Видя, что господинъ Телѣжниковъ замаялся, я спросилъ:

— Что только?

— Извольте видѣть... можетъ обидно покажется, но это... какъ передъ Истиннымъ Богомъ... не при деньгахъ... этого того, какъ его... касательно напимѣрно, цѣны? то ись, значить за провозъ сколь положите?

— Такъ я то при чемъ тутъ? вы попросите арбакаша Казаиджикова,—я у него нанимаю верблюдовъ,—ему вѣдь все равно, по пути; лишній человѣкъ не будетъ въ тягость.

Гость вдругъ какъ-то сжался, съѣжился, сдѣлался еще меньше и завилалъ всею фигуркой.

— Нѣтъ, Николай Иванычъ, знаете, явите это Божескую милость! потому какъ намъ не сподручно... при тоже не при деньгахъ-съ!.. Сами извольте видѣть-съ, дорога весьма очень пространственная, при томъ же хотѣлось родительницѣ что нинаестъ привезти, знаете, въ домъ, то ись это... того... я, Николай Иванычъ, знаете, дорогой помогу вамъ, въ случаѣ, этого того...

— Да мнѣ, въ сущности, все равно, конечно... Ну, а сколько же вы можете дать за дорогу?—спросилъ я совсѣмъ ужъ скорчившагося при этомъ вопросѣ Телѣжникова.

— Девять рублей-съ, знаете, извольте получить это, напимѣрно...

— Да онъ положительно идиотъ! За такую дорогу предлагаетъ девять рублей и почему именно девять?! — подумалъ я,—право, идиотъ!

Прежде чѣмъ мы покончили и условились относительно платы, прошло еще добрыхъ полчаса. Телѣжниковъ божился, распинался, вилялъ всею фигурой и торговался такъ отчаянно, словно онъ отстаивалъ собственную жизнь. Наконецъ, въ виду усиленныхъ просьбъ, вѣря, что онъ дѣйствительно „не при деньгахъ“, я согласился взять его съ собой за двѣнадцать рублей.

— Ну, вотъ и очинно расприкрасно! Знаете, вамъ Богъ поможетъ за это, Николай Иванычъ, того этого... да и ѣхать, напимѣрно, вдвоемъ совсѣмъ другой коленкоръ выходить-съ, знаете... а теperча извольте это, задатокъ того этого получить!..

При этомъ Телѣжниковъ отвернулся въ сторону, вытащилъ изъ кармана большой красный платокъ и, предварительно порывшись среди кипы какихъ-то бумагъ, извлекъ три рубля и обратился ко мнѣ:

— Зелененькую гумажку извольте получить, знаете, по обнаковенію, этого того...

Я взялъ и еще разъ предупредилъ, что скоро намѣренъ выѣхать и потому, чтобы онъ былъ готовъ.

— Въ самую глухую полночь хошь сегодня, знаете, это

*

расположенъ буду, потому какъ мы, значить, расчетъ получили и завсегда въ аккуратѣ это...

— Хорошо, хорошо! ну, а теперь, извините, мнѣ надо къ хозяину по дѣламъ сходить.

— До пріятнаго свиданія, Николай Ивановичъ, знаете, того, въ добрый часъ, это...

Мы разстались.

Казанджиковъ собственно былъ содержатель верблюдовъ, а можетъ и подрядчикъ; начальникомъ же нанятаго мною каравана явился киргизецъ Нысанъ-Кебековъ, олицетворявшій собою типъ настоящего степняка: длинная, рѣдкая, сѣдая борода обрамляла скуластое лицо, узкіе наискось разрѣзанные глаза свѣтились природнымъ умомъ и отъ всей фигуры муллы Нысанъ-бая вѣяло почтенностію. Кебековъ довольно хорошо говорилъ по-русски, хотя конечно съ акцентомъ; караваны сопровождалъ почти во всѣ стороны: бывалъ въ Бухарѣ, бывалъ въ Оренбургѣ и даже не разъ заглядывалъ въ Нижній-Новгородъ; однимъ словомъ, тертый калачъ былъ караванъ-башъ Нысанъ бай Кебековъ.

Верблюдовъ въ нашемъ караванѣ насчитывалось тридцать семь, да двое киргизовъ ѣхали на лошадяхъ. Кромѣ того, два наманганскихъ сарта имѣли ишаковъ (ословъ); сарты эти впрочемъ ѣхали до перваго караванъ-сарая, откуда путь имъ лежалъ совсѣмъ въ другую сторону. Левашевъ также явился на своемъ „карабаирѣ“ *). Эта была совсѣмъ ворона, безъ отмѣтки, лошадь, какъ будто покрытая чернымъ атласомъ, съ черными же, искрящимися глазами и сухой типичной горбоносой головой. За спиной Иванъ-бая висѣла винтовка въ чехлѣ изъ мохнатаго бурочнаго сукна, черезъ плечо—шашка въ потрескавшихся кожаныхъ ножнахъ, а за поясомъ торчали два кремневыхъ пистолета, да на ремнѣ болтался кривой, отточенный какъ бритва, ножикъ.

Я долженъ еще отмѣтить повара Кулпашку и мальчугана узбека Козюгана Басантіева. Всего же нашъ караванъ состо-

*) Помѣсь отъ туркменскаго производителя и киргизской матки.

ялъ изъ 16 киргизовъ, насъ троихъ русскихъ и таджика-муллы Саидъ-Басмана.

Душой этого небольшого каравана являлся Басантіевъ. Это былъ всего лѣтъ четырнадцати мальчикъ, обладавшій необычной живостью ума и подвижностью тѣла. Всякое его слово и всякое движеніе вызывали смѣхъ и вообще онъ являлся въ караванѣ самымъ неистощимымъ источникомъ веселости и остроумія. Но объ немъ, впрочемъ, послѣ.

V. Начало пути.

7-го іюня 1872 года, въ шестомъ часу утра мы оставили городъ.

Прощай, Ташкентъ! часто я покидалъ тебя; казалось, могъ бы и свыкнуться съ той разлукой, а все-таки каждый разъ, когда я оставлялъ позади себя золотой крестъ церкви, а затѣмъ пестрый шлагбаумъ, бывало какъ то неловко въ груди, а на этотъ разъ сердце щемило еще больше обыкновеннаго ..

Миновавъ русскую часть города, мы въѣхали въ узкія Улицы Стараго Ташкента. Потянулись чужалы (глинобитные заборы), почти сплошь залитые яркою зеленою тополей, ветль, карагачей, айлантусовъ, кленовъ, акацій, глицій, бигоній и проч. Домовъ не было видно совсѣмъ: они затѣрялись въ лабиринтѣ маленькихъ дворовъ и ни одно окно не выходило на улицу изъ-за стѣнъ этихъ послѣднихъ. Совершенный востокъ, гдѣ внутренняя жизнь человѣка глубоко сокрыта отъ постороннихъ взоровъ и гдѣ всего яснѣе опредѣляется раздѣленіе общества на семейства, какъ было во времена патриархальныхъ.

Стѣны, окружающія дома, сдѣланы не столько для защиты отъ воровъ, сколько для огражденія отъ любовныхъ подмигиваній сосѣдей, вѣчно злоумышляющихъ въ этомъ отношеніи (въ Туркестанѣ вообще взгляды на женщину, даже на нѣкоторомъ разстояніи, считается безчестіемъ).

Вскорѣ мы попали на базаръ. Толпы туземцевъ буквально загроутили площадь. Несмотря на ранній часъ утра, уличная жизнь была уже въ полномъ разгарѣ: неумолчный шумъ, трескотня, отрывистые звуки гортаннаго сартовскаго нарѣчія рѣзко поражали ухо. У нѣкоторыхъ лавокъ, тутъ же на улицѣ, были устроены небольшія кузницы, гдѣ выдѣлывались разныя мелкія вещи. Самые товары расположены въ строго систематическомъ порядкѣ: тутъ тянулся рядъ исключительно мѣдныхъ, блестящихъ кумгановъ*), далѣе цѣлая коллекція фаянсовыхъ чашекъ, тамъ пестрѣли различныя восточныя ткани, а рядомъ—арсеналъ холоднаго оружія различнаго образца и размѣра, начиная отъ длиннаго, тяжелаго, великолѣпной чеканки, хороссанскаго**) клинка, и кончая небольшимъ кривымъ, стальнымъ ножикомъ. Груды фруктовъ: персиковъ, винограду, яблокъ, грушъ, гранатовъ, дынь, арбузовъ и проч. наполняли воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Но всего интереснѣе былъ отдѣлъ войлочныхъ издѣлій: поистинѣ надо было удивляться, чего-чего не выдѣлываетъ сартовскій кустарь изъ верблюжьей шерсти. „Развѣ только каши не варить!“ — какъ справедливо замѣтилъ Левашевъ. Между тѣмъ какъ толпа глухо шумѣла и гудѣла, продавцы разныхъ разностей какъ будто силились заглушить и ее, и другъ друга, и ревъ верблюдовъ, и пронзительное ржаніе муловъ. Кто звенѣлъ въ тазъ, кто гудѣлъ въ рогъ, кто щелкалъ желѣзными плитками, кто ревѣлъ своимъ и не своимъ голосомъ. Какой-то нищій, растянувшись во все тѣло подлѣ одной лавки, стоналъ что есть силъ, желая обратить на себя вниманіе. Это—дувона (юродивый). И все это тѣснилось, шумѣло, сталкивалось другъ съ другомъ, путалось въ стадѣ прогоняемыхъ тутъ же барановъ; собаки шныряли между народомъ, голодные, взломаченныя, понутивъ головы и жалобно завывая.

*) Мѣдный, высокій кувшинъ, чеканной работы, служащій главнымъ образомъ для омовенія.

**) Хороссанъ — сѣверная провинція въ Персіи, извѣстная по выдѣлкѣ дорогихъ шапекъ.

Мы едва выбрались изъ этого ада. Съ удаленіемъ отъ базарной площади, улицы становились все пустыннѣе и пустыннѣе; но вотъ кончились дворы и только изрѣдка попадались отдѣльные кишлаки — признакъ, что городъ миновали. Поля, разстилавшіяся между кишлаками и дорогой, были покрыты сѣтью небольшихъ арыковъ и пересѣчены множествомъ глинобитныхъ стѣнокъ, отдѣлявшихъ одинъ владѣльческій участокъ отъ другаго.

Немного далѣе мы поѣхали низменными долинами, сплошь засѣянными рисомъ (шалы), ежеминутно стоняя черногузокъ*), которыя, сильно хлопая крыльями, взлетали кверху и съ унылымъ клетаньемъ кружились надъ нами. Наконецъ, кончилась и болотистая мѣстность, за ней мертвые солончаки и степь (чуль) съ мѣстной флорой (бижгунъ, кукпекъ, жусланъ) раскинулись на сотни верстъ. Гдѣ только глазъ могъ окинуть пространство, все степь и степь, производящая самое безотрадное впечатлѣніе мертвой пустыни. Впрочемъ, въ первый день признаки близости города еще не совсѣмъ исчезли: то и дѣло попадались верховые всадники, арбакеши; временами слышалось мѣрное звяканье бубенчиковъ и на дорогѣ показывался медленно двигавшійся на тощемъ ишакѣ загорѣлый, убого одѣтый киргизъ, или сартовскій мулла. Гдѣ-то далеко впереди раздавался странный, рѣжущій ухо скрипъ — такъ кричатъ журавли, когда тянутъ высоко надъ землею, — а въ скоромъ времени показался и источникъ этого страннаго звука — азіатская, двухколесная несмазанная арба, высоко нагруженная снопами клевера.

Мы поравнялись. Арбакешъ, заидѣвъ русскаго „тюру“ привѣтливо раскланялся.

— Это можетъ быть послѣдняя арба! — почему-то подумалось мнѣ, и я съ любопытствомъ принялся ее разглядывать, какъ будто до этого времени никогда и въ глаза не видѣлъ подобнаго экипажа. Въ самомъ дѣлѣ, было любопытно: несмотря на небольшой размѣръ прилаженной надъ

*) Ансты—священный для магометанъ птица.

осью платформы, она была так ловко нагружена, что вмѣстала не менѣе сноповъ, чѣмъ и нашъ обыкновенный, крестьянскій возъ. Снопы далеко свѣшивались назадъ, а впередъ выступали настолько, что закрывали впряженную въ арбу лошадь почти до самой головы, поддерживаясь искусно придѣланными къ платформѣ жердями. Вслѣдствіе этого издали, покуда еще ничего нельзя было разсмотрѣть кромѣ массы наваленныхъ сноповъ, громадныхъ колесъ арбы, да двигающихся подъ снопами прикрытыхъ ими ногъ лошади, получался очень странный видъ: точно какое-то исполинское наѣзкомое, скрипя, двигалось по степи...

Мы разѣхались, а я все продолжалъ глядѣть вслѣдъ удалявшейся арбѣ, но вотъ она исчезла, а вскорѣ замолкъ и скрипъ,—и снова предъ глазами безбрежные пески. Въ первые три дня путешествія величественное, безпредѣльное безмолвіе степи—безмолвіе могильное—произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, не сводя глазъ, въ пространство предъ собою, и такъ какъ спутники мои—киргизы воображали меня погруженнымъ въ религіозныя созерцанія, то меня очень рѣдко тревожили. Будто сквозь сонъ я видѣлъ, какъ во время пути нѣкоторые изъ членовъ нашего каравана дремали, покачиваясь на верблюжьихъ спинахъ, и доставляли и своими движеніями и тревожными вздрагиваніями, время отъ времени, крайнее удовольствіе остальной нашей бодрствовавшей компаніи. Желавшіе поспать налегали обѣими руками на высокую сѣдѣльную шишку, но это не мѣшало имъ весьма частенько стучаться подбородкомъ о сѣдло съ такою силою, что даже зубы щелкали, а не то — и сами сѣдоки при сильныхъ толчкахъ, стремглавъ, летѣли съ сѣдла на раскаленный песокъ. Эта эквилибристика вызывала всегда искренній хохотъ въ компаніи. Упавшій долженъ былъ въ продолженіе дня выносить перекрестный огонь насмѣшекъ и шутокъ. Въ особенности это потѣшало мальчугана Басантіева, который, несмотря на то, что подъ его вѣдѣніемъ находился одинъ навьюченный верблюдъ, но большей части шелъ пѣшкомъ

и, бѣгалъ вправо и влево, пугалъ криками табуны дикихъ ословъ (ишаковъ) и муловъ (хачиръ) показывавшихся по временамъ на окраинахъ дороги.

Ишаки въ дикомъ видѣ встрѣчаются преимущественно въ окрестностяхъ Ташкента. Киргизы Казалинскаго уѣзда, какъ наиболѣе земледѣльческаго района, ловятъ ихъ, приручаютъ и разводятъ въ изрядномъ количествѣ. Несмотря на свой маленький ростъ (до 6 четвертей) ишаки очень сильны и легко несутъ грузъ въ восемь пудовъ, почему въ домашнемъ хозяйствѣ употребляются какъ верховыя и вьючныя животныя, представляющія ту выгоду, что чрезвычайно нетребовательны въ пищѣ, приближаясь въ этомъ къ верблюдамъ. Наибольшую пользу ишаки приносятъ горнымъ жителямъ, которые формируютъ изъ нихъ караваны для перевозки товаровъ и хлѣба по узкимъ горнымъ тропамъ, идущимъ по карнизамъ скалъ и ущелій.

VI. Первый ночлегъ.

Дрожитъ прозрачный воздухъ надъ раскаленною полуденнымъ солнцемъ пустынею, бѣжитъ легкою, волнистою струйкою по буграмъ отдаленныхъ песковъ... Выше и выше солнце, сильнѣе сухой жаръ, въ воздухѣ не шелохнетъ, замерло все. Но вотъ шелохнулся горячій воздухъ, закрутился маленький вертунецъ, собралъ легкую пыль и быстро побѣжалъ спиральнымъ столбикомъ... Черезъ минуту вихрь уже далеко, разросся въ рѣзко очерченный, упругій столбъ съ круглымъ облакомъ сѣрой пыли на верху,—и опять тишина; отдаетъ жаромъ раскаленная почва, спитъ молчаливая степь подъ томительнымъ зноемъ...

Изъ небольшой ложбинки, среди степи, показалось какое-то животное. Остановилось, посмотрѣло, затѣмъ пронало на минуту за изгибомъ мѣстности и вдругъ снова бойко вынеслось на ровную степь. „Это ишакъ!“—закричалъ Басантіевъ, молча до сего всматривавшійся своими узкими, невѣроятно зоркими глазами, и съ дикимъ гикомъ понесся на

встрѣчу. Ишакъ совершенно спокойно и даже нѣсколько удивленно смотрѣлъ на насъ, затѣмъ круто повернулъ, надалѣ задомъ и моментально исчезъ за бархавами.

— Что, другъ, не поймалъ?—спросилъ я вернушагося мальченку. Тотъ разсмѣлся, показавъ при этомъ бѣлые перламутровые зубы и что-то быстро-быстро залопоталъ по своему.

Выше поднималось солнце на яркo-синемъ небѣ, сильнѣе разгорался зной надъ степью, дремота начала одолевать меня съ такой силой, что я не помню, какъ свернулся кубаремъ полетѣлъ въ песокъ...

Къ вечеру первого дня мы остановились въ караванъ-сарай наманганскаго сарта Хусайна-Ширъ-Маметова.

Караванъ-сарай—это постоянные дворы для проходящихъ каравановъ, такъ сказать, степныя гостиницы самаго примитивнаго устройства. Представьте себѣ саклю, выведенную изъ сухихъ комковъ глины, смѣшанной съ саманомъ (мелко-рубленой соломой), сахою, которая огорожена на цѣлыя пять десятинъ высокимъ чуваломъ, образующимъ дворъ. Окно въ такихъ сакляхъ совсѣмъ нѣтъ, а свѣтъ проникаетъ черезъ дверь, постоянно открытую настежь, пробитую въ лицевой части, выходящей на дорогу. У одной изъ стѣнъ каждаго такого помѣщенія находится широкая труба или пробитая въ самой стѣнѣ, если послѣдняя достаточно толста, или, если стѣна тонка, то выѣленная изъ алебаstra съ внутренней ея стороны. Тутъ практикуется кипяченіе чайниковъ и варится пловъ и кавардакъ *), словомъ, это кухня. Посреди каждаго сакли находится вырытое въ землѣ, часто выложенное жженымъ кирпичемъ, небольшое, аршина полтора въ діаметрѣ, четырехугольное углубленіе; въ холодное время сюда насыпаются горячіе угли, надъ ними ставятъ большую квадратную скамью, которую покрываютъ ватнымъ одѣяломъ, спускающимся до земли и задерживающимъ тепло, исходящее отъ углей. Сюда-то

*) Жареное изрѣзанное мелкими кусками мясо

ерезябшіе туземцы, въ зимніе холода, усѣвшись вокругъ, прячутъ свои ноги и кисти рукъ, защищая остальное тѣло отъ холода толстыми ватными халатами. Низкій потолокъ сакли, представляющій снаружи плоскую крышу, состоитъ изъ нѣсколькихъ балокъ, положенныхъ поперекъ продольныхъ стѣнъ сакли, покрытыхъ камышевыми плетенками и смазанныхъ сверху болѣе или менѣе толстымъ слоемъ глины все съ тѣмъ же саманомъ.

Передъ самой саклей дѣлается обыкновенно терраса, полъ которой застилается камышевыми плетенками. Наружныя стѣны Хусайнова караванъ-сарая были покрыты арабскими надписями и узорами, сдѣланными не то изъ кафельнаго кирпича, не то изъ чего-то особеннаго. На плоской крышѣ сложены были пирамиды сноповъ *дженушки* *); на особо сдѣланномъ возвышеніи стояли рядомъ нѣсколько мѣдныхъ чистыхъ кумгановъ съ острыми рыльцами и фигурными ручками и крышками, наполненныхъ горячей водой, а на террасѣ, готовый къ услугамъ желающихъ, дымился чилимъ (среднеазиатскій кальянъ). Чилимъ дѣлается, обыкновенно, изъ особаго рода тыквы (чилима-каду), форма коей напоминаетъ длинноватый, грушеобразный флаконъ. Такіе флаконы вставляются въ мѣдную оправу и посятъ на себѣ иногда очень изящныя украшенія изъ бирюзы, граната, сердолика и серебряныхъ инкрустацій.

Скоро верблюды были развьючены и отпущены во дворъ, а мы, въ ожиданіи плова, попивали изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ зеленый индійскій чай. Киргизы о чемъ-то горячо разговаривали съ хозяиномъ, должно быть сообщали ему городскія новости, а Иванъ-бай, растянувшись на наласѣ, отчаянно затыгивался изъ чилима. Послѣ ужина я улегся спать. Гостепріимный хозяинъ приготовилъ мнѣ постель на славу: на террасѣ, подъ открытымъ небомъ, постлалъ нѣсколько войлоковъ, покрылъ ихъ ватнымъ одѣяломъ, а въ головы положилъ матакъ (подушка-валець ци-

*) Луцерна.

линдрической формы), — и я заснул как убитый. На следующее утро, едва лишь заалела на восток небольшая полоска горизонта, мы оставили караван-сарай и отправились в путь.

Я далеко от мысли вести читателя день за днем, переѣзд за переѣздом, по всему пути от Ташкента до Орска, описывать направление дороги, расстояние между привалами и другие подробности, слишком однообразны и для него, и для путешественника. Благо, если путешественник любит природу, если он понимает ее величие и красоту и в состоянии увлечься ими. Но если его не интересуют ни скудное степное растение, ни обломок какого-нибудь камня, ни гряда облаков, ни брошенная тень от них, — то скучно будет ему, бедному, в этой обширной пустыне: каждый день все одно и то же, одно и то же; поневоле, сидя и покачиваясь между двух горбов верблюда, спишь до одурения...

VII. Бесѣды въ пустынь.

Совершенно чистый, бѣлый, слегка переходящий в желтизну, песок, как саваном покрыл печальную, безжизненную равнину; начались значительные наносы, постоянно увеличиваясь и заполняя собою окрестность. Барханы *) становились чаще и выше, но мы, несмотря на сыпучий песок, подвигались довольно быстро. Верблюды плавно шагали, ритмически позванивая бубенцами; впереди ѣхал Иванъ-бай, а в хвостъ каравана гарцовали таджикъ Саидъ-Басманъ и поваръ Кулиашка верхом на лошадяхъ. Сарты, владѣльцы ишаковъ, остались в караван-сарай.

День прошел безъ особенныхъ приключеній, а ночью мы останавливались часа на полтора, даже не развьючивая верблюдовъ.

На третій день нашего путешествія, часамъ къ двѣнад-

*) Бугры изъ песка, напоминающіе извѣстныя дюны.

цати дня, жара достигла такой степени, что дышать становилось трудно. Куда ни кинешь взглядъ, всюду одни только мелкіе желтые пески (сары-кумы) и ничего болѣе. Выгорѣла жалкая трава, изъ песка тамъ и сямъ торчатъ такая-то щетина, — сверху синее безоблачное небо: совершенно какъ в морѣ. Я вынулъ было изъ хурджины (такъ называется переметная сума) взятую съ собой книгу, одинъ изъ тѣхъ наполненныхъ уголовщиной романовъ, коихъ госпожа Ахматова издала сотни, но на первыхъ-же строкахъ оставилъ явившееся намѣреніе почитать: мозгъ совершенно пересталъ функционировать, да и мѣрное покачиваніе верблюда, на которомъ я ѣхалъ, отчасти мѣшало процессу чтенія. Книга была положена на прежнее мѣсто, а я самъ началъ какъ-то неестественно покачиваться на сѣдлѣ, обнаруживая желаніе вздремнуть; въ глазахъ все стало какъ бы застилаться туманомъ, голова невольно склонялась и сознание оставляло меня... Но что это движется тамъ впереди? Да это верблюды... вонъ они тянутся одинъ за другимъ, качая своими длинными шеями, то опуская внизъ головы, какъ будто скусывая что-то по дорогѣ, то высоко ихъ поднимая, поглядываютъ по сторонамъ... какъ плавно шагаютъ, убаюкивая меня словно въ люлькѣ...

Спалъ я довольно долго, какъ убитый и когда проснулся, то было уже часовъ 8 вечера. Солнце медленно опускалось за горизонтъ, обливая пурпуромъ синѣвшіе вдали гребни горъ (то были отроги Акъ-Уйрекского хребта — какъ объяснилъ мнѣ Нысанъ Кебековъ). Караванъ по прежнему медленно подвигался по безбрежному морю песковъ, но было замѣтно общее утомленіе и глаза всѣхъ нѣтъ-нѣтъ да и посмотрятъ на караванъ-баша. Онъ, въ свою очередь, высматривалъ во всѣхъ направленіяхъ мѣсто, удобное для остановки и отдыха, т. е. мѣсто съ наибольшимъ количествомъ корма для верблюдовъ.

Но вотъ опытный глазъ Кебекова отыскалъ, что было нужно, онъ молча поворотилъ своего верблюда въ сторону, молодые члены нашего каравана тотчасъ-же, какъ-бы по

взаимному соглашенію, съ радостными криками разсѣялись направо и налево собирать сухіе корни, аргаль (жизякъ) и другое горючее.

Слѣзть съ сѣделъ, разобраться и раскинуться на покой—дѣло нѣсколькихъ минутъ: веревки проворно развязываются, тяжелые тюки товаровъ снимаются съ верблюдовъ и складываются въ высокія груды и бивуакъ готовъ.

Я въ особенности ясно помню эту третью ночевку нашего каравана, отдохавшаго въ Азіатской степи за сотню слишкомъ верстъ отъ всякаго цивилизованнаго міра. Во вторую ночь, какъ сказано выше, мы останавливались не надолго, но теперь верблюдамъ надо было дать болѣе продолжительный отдыхъ.

Скоро верблюды были связаны по 4 и по 5 вмѣстѣ. Дѣлается это обыкновенно такъ, что веревка, продѣтая сквозь верхнюю губу одного, привязывается къ хвосту другого и такимъ образомъ составляется кружокъ; отойдя на нѣкоторое разстояніе, но однако не теряясь изъ вида, „корабли пустыни“ весело жевали бижгунъ и жусканъ и сосали сочный волчець. Левашевъ, принявъ на себя роль распорядителя, грозно покрикивалъ на киргизовъ:

— Кульчиганъ, ташши, сучій ты сынъ, скорѣе турсукъ-то *) су керекъ, ну живва!

— Хазыръ, Иванъ-бай, хазыръ булады! (сейчасъ, сейчасъ будетъ!) и услужливый Кульчиганъ стремительно бросался исполнять приказаніе, побуждаемый не столько грознымъ окрикомъ Иванъ-бая, сколько надеждой, что авось и ему перепадетъ чашка-другая чаю, до котораго онъ былъ большой охотникъ.

— Николай Ивановичъ, это, не желаете-ли ромпу хватить, знаете, съ устатку?—обратился ко мнѣ Телѣжниковъ, предупредительно протягивая посудину.

*) Турсукъ—большой, часто въ нѣсколько ведеръ объема, изъ тонкой бараньей или козлиной цѣлой шкуры мѣшокъ; въ немъ перевозится вода (су). Керекъ—значить надо.

— Спасибо, Семенъ Никитичъ; не хочется пока, по позже развѣ.

— Напрасно, это... а я, признаться, давеча, знаете, хватилъ того этого... да всю почитай дорогу это и спалъ знаете, какъ сурокъ, слюни даже потекли это, знаете...

— И я спалъ все время... Подсаживайтесь сюда!—пригласилъ я его и мы растянулись на паласъ *), разостланномъ на пескѣ.

Между тѣмъ, большой мѣдный чайникъ привѣтливо закипѣлъ и всѣ съ наслажденіемъ ждали момента, когда можно будетъ тянуть драгоцѣнную влагу. Эта драгоцѣнная влага, впрочемъ,—ничто иное, какъ зеленоватая, часто мутная водица; а между тѣмъ человѣческое искусство еще не открыло пиши, не изобрѣло нектара, который былъ бы такъ пріятенъ и дѣйствовалъ столь благотворно въ степи, какъ этотъ незатѣйливый напитокъ. Я помню его удивительное вліяніе: проглотишь, бывало, чашку-другую и чувствуешь въ жилахъ отрадную теплоту, какой-то живительный, восстанавлиющій огонь. Послѣдующія чашки дѣйствуютъ на сердце и на голову; глаза начинаютъ горѣть, блистать, чувствуется невыразимая нѣга, какая-то истома комфорта...

Подкрѣпивъ силы чаемъ, караванъ нашъ мало-по-малу становился дѣятельнѣе и шумнѣе. Киргизы разбились на нѣсколько кружковъ и въ каждомъ такомъ кружкѣ тотчасъ же отыскалось какое-нибудь дѣло: поваръ Кулпашка усердно мѣсилъ черное тѣсто, чтобы приготовить баурсаки **). Онъ позанился такимъ образомъ съ полчаса, а руки все еще оставались гризными, потому что массы тѣста недостаточно было, чтобы поглотить грязь, накопившуюся въ теченіе нѣсколькихъ дней. Старшіе занялись кто починкой, кто просто сидѣлъ и, въ ожиданіи ужина, съ любопытствомъ смотрѣлъ въ громадный котелъ, въ которомъ кипѣла какая-то бурда.

*) Паласъ—родъ ковра, только грубѣе.

**) Мелко изрѣзанное, крутое прѣсное тѣсто, сваренное въ бараньемъ салѣ.

Молодежь веселилась. Въ одномъ кружкѣ раздались звуки кобуза *) и полились заунывной, душу трогавшей нотой среди торжественной тишины чудной Азіатской ночи.

Спать никому не хотѣлось, благо днемъ чуть не восемь часовъ занимались этимъ дѣломъ. Къ ночи стало прохладнѣе. Темнота быстро наступила послѣ заката солнца и какая темнота—настоящая тропическая—хоть глазъ выколи! А на темномъ, почти черномъ небѣ ослѣпительно сверкали мириады брилліантовыхъ звѣздъ.

Семень Никитичъ, хвативши „ромцу“, началъ клевать носомъ, я же растянулся и наслаждался покоемъ; думать ни о чемъ не хотѣлось. Въ молодости часто бываютъ такіа минуты...

— Что за чудо эта гора Темирчи: ѣдешь, ѣдешь до нея и никогда нельзя доѣхать! — сказочнымъ тономъ, нѣсколько нараспѣвъ началъ какое-то повѣствованіе старшій Уразъ-Аталыкъ-Магома.

— Говорятъ, на ней, на самой вершинѣ чудеса-то бываютъ?..

— И еще какія! О, единый Аллахъ! настоящія чудеса...

Спрашивавшій подвинулся поближе и съ очевиднымъ любопытствомъ задалъ новый вопросъ.—А что же такое? Расскажи, бабай.

Бабай Магома немного подумалъ, заложилъ себѣ за губу **) нюхательнаго табаку и отвѣчалъ вопросомъ:

— А ты слыхалъ про кузницу Темеръ-Ленка? (такъ называютъ киргизы Тамерлана).

— Слышать-то слыхалъ... да что-жъ тутъ особеннаго? Наковальня, какъ наковальня, да еще и есть ли она тамъ?

*) Кобуза—музыкальный инструментъ въ видѣ небольшой виолончели съ двумя волосяными струнами. Есть и другой—саазъ, круглая, дынеобразная балалайка съ длиннымъ тонкимъ грифомъ и четырьмя струнами.

**) Киргизы и сарты любятъ жевать табакъ, закладывая его подъ языкъ или между щекой и десной. Въмѣсто табакерокъ употребляются маленькіе флакончики изъ тыквы-горлянки.

— Всѣ говорятъ...—вмѣшался лауча Насырка.

— Да говорятъ-то разное: иные сказываютъ, что она желѣзная, еще будто бы пополамъ съ мѣдью, а другіе—будто просто камень, похожій на наковальню. Ну а кто ее видѣлъ? Ужъ полно, есть ли она тамъ, говорю?!

— Есть ли она тамъ?.. Когда бы не было, такъ бы и не ковали на ней.

— Да кто же тамъ куетъ?

— А кто его знаетъ! Слышно только по ночамъ—тукъ, тукъ, тукъ!

— Вотъ что... ты слышалъ?

Мулла Уразъ-Аталыкъ-Магома немного замаялся, но, впрочемъ, отвѣчалъ утвердительно и, минуточку спустя, добавилъ:

— Жертвы бы не стали приносить даромъ горѣ, коли бы на ней не было этой наковальни.

Но слушатель должно быть былъ большой скептикъ: онъ презрительно улыбнулся и сказалъ:

— Жертвы! Какія-жъ это жертвы!? Сотни байгушей соберутся къ горѣ, заколютъ барана, да потомъ и поскачутъ на лошадяхъ; сдѣлятся бороться, а затѣмъ и разойдутся. Это на каждой байгѣ такъ-то бываетъ. Нѣтъ, вотъ у насъ другое дѣло...

— А у васъ что?

— А развѣ не слышали вы про гору Чингизъ-тау?

— Понятное дѣло не слышали!—вмѣшался опять лауча Насырка,—гдѣ-жъ имъ слышать про что-нибудь хорошее...

— А ты, пріятель, помолчи, когда старшіе разговариваютъ!—оборвалъ лаучу рассказчикъ Менды-бай.

— Я слыхалъ, да только въ толкъ не возьму, какъ было дѣло-то!—отвѣчалъ старшій Магома.—Расскажи!

— Чингизъ-ханъ около этой горы охотился; истомился, пить захотѣлъ, а чашки не было. Людишки гдѣ-то поотстали, должно быть въ лѣсу растерялись. Вотъ онъ и думаетъ, какъ ему быть! Смотритъ, а чаша предъ нимъ, готовая чаша и какъ разъ по немъ... и теперь эта чаша на горѣ Чингизъ-тау находится...

— Ты видѣлъ?—поинтересовался въ свою очередь мулла Уразъ-Аталыкъ.

— Видѣлъ!—не заикнувшись отвѣчалъ Менды-бай и началъ торопливо описывать свалившуюся съ неба чашу.

— Ведеръ въ пятнадцать будетъ; сдѣлана изъ смѣси желтой и красной мѣди и чугуна. Когда къ ней приносятъ жертвы, такъ самъ Магометъ присутствуетъ; настоящій Магометъ, а не то чтобы что-нибудь другое...

Кругомъ накопились слушатели и жадно ловили каждое слово рассказчика, а тотъ продолжать, сильно поощренный вниманіемъ:

— Да еще говорятъ, что не надо и жертвы нести: придутъ на гору, а чаша уже полна и молока, и чаю, и сластей, а кто наполняетъ ее—неизвѣстно! Только смотрятъ: на какую сторону перелется молоко, въ той сторонѣ и благодать въ тотъ годъ...

— Ахъ онъ собака!—ахъ, стерва ты этакая! о-о-о!—вдругъ пронзительно, на всю степь заоралъ Левашевъ.

Мы всѣ повскакали съ мѣстъ и бросились къ Иванъ-баю, раздались тревожные вопросы: что такое? кто его? Чего онъ закричалъ? и т. д.

Оказалось, что Левашевъ неосторожно легъ прямо на песокъ, не подставивъ паласа, и его ужалилъ скорпионъ.

Въ Туркестанскомъ краѣ отдѣлъ вредныхъ животныхъ представляетъ большое разнообразіе и наносимый ими вредъ весьма великъ. Къ нимъ принадлежатъ массы комаровъ и слѣпней, скорпионы, фаланги, тарантулы, каракурты, ришта, саранча и проч. Всю массу видовъ насѣкомыхъ нѣсколькими именами охарактеризовать невозможно. Укушеніе скорпионовъ и фалангъ не смертельно, хотя и причиняетъ мучительную боль (особенно если укушеніе произошло въ сильныя жары, обусловливающія наибольшее развитіе яда у этихъ насѣкомыхъ). Укушеніе „каракурта“ (*Ladrodectes lugubris*) этого небольшого чернаго паука, похожаго на тарантула, смертельно какъ для человѣка, такъ и для животного; даже рослый, здоровый верблюдъ, укушенный этимъ

ничтожнымъ насѣкомымъ, гибнетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Дѣйствіе яда, сопровождающееся судорогами, особенно сильно проявляется на шейныхъ мускулахъ.

„Ришта“, или гвинейскій червь (*Tilaria medunensis*) распространена въ Сыръ-Дарьинской области всюду. Находясь въ мелкихъ, безцвѣтныхъ животныхъ, наполняющихъ загрязненные воды, зародыши ришты попадаютъ въ желудокъ человѣка вмѣстѣ съ водою, развиваются въ кишечномъ каналѣ, чрезъ ткани тѣла идутъ подъ кожу, гдѣ по истеченіи года, принимаютъ видъ тонкаго червя, достигающаго иногда до полутора аршинъ длины. Извлеченіе червей изъ тѣла очень трудно и требуетъ много времени и искусства. Единственное средство избѣжать этого животнаго—не пить сырой воды, а непременно прокипяченную. Скорпионъ укусилъ Левашева въ локоть правой руки; страшная, рвущая боль заставила его простонать цѣлую ночь, къ утру же вся рука представляла безобразную, распухшую массу.

— И какъ это ты, Иванъ, не поберегся?! Вѣдь ужъ кому-кому, а тебѣ то слѣдовало бы знать, что зря на землю ложиться не годится!—укорялъ его Нысанъ-Кебековъ.

Левашевъ только зубами скрежеталъ да ругался на всю степь. За то Семенъ Никитичъ наострилъ, что называется, уши и обращался почти ко всѣмъ съ разспросами:

— Это, того... бай, какъ тебя... значить, средство какое-нибудь есть отъ гнуса; знаете, а?

— Какой гнусъ?

— По нашему, это... того, гнусъ, то ись значить на-примѣрно скорпионы, аль фаланки эти называются.., того, это, можно отъ нихъ уберечься, значить?

— Аллахъ на то человѣку и разумъ далъ, чтобъ онъ зналъ, какъ беречь себя...

— А того, какъ же это, значить?.. то ись на-примѣрно что же надо предпринять?—нетерпѣливо допытывался трусливый Семенъ Никитичъ.

— Средство самое простое: надо разжечь костеръ, а потомъ вымести это мѣсто на чисто, разослать палась и тогда

спи спокойно, лихманки не будетъ и ни одна мошка не заползетъ на волосяные паласы!—неожиданно посовѣтовалъ пострадавшій Левашевъ и выругался самой клейкой бранью. При этомъ мнѣ невольно вспомнилась пословица: русскій заднимъ умомъ крѣпокъ. О, милые, русскіе люди! Вездѣ-то вы одинаковы: авось, небось да какъ нибудь—вотъ вашъ вѣковѣчный девизъ.

Поговоривъ еще на тему о различныхъ насѣкомыхъ, всѣ мало-по-малу разошлись и вскорѣ караванъ нашъ погрузился въ сонъ. Слышались только стоны оплошавшаго Левашева, да лѣнивое чавканье полусонныхъ верблюдовъ, медленно жевавшихъ свою постоянную жвачу. Уже яркое созвѣздіе Оріона довольно высоко поднялось надъ головою на востокѣ протянулась свѣтлая полоска—первый предвѣстникъ скорого разсвѣта,—когда я заснулъ, завернувшись съ головой въ теплое адрассовое одѣяло.

VIII. Быть киргизовъ.

Киргизы *), какъ извѣстно, ведутъ кочевую жизнь. Перекочевки съ мѣста на мѣсто совершаются весьма часто, смотря по состоянію кормовыхъ травъ. Ауль останавливается на мѣстѣ мѣсяцъ, иногда меньше. Каждый киргизъ вообще старается распредѣлить свои кормы такъ, чтобы ихъ хватило его стадамъ въ теченіе года, причемъ вытравлять кормъ чужихъ ауловъ строго воспрещается.

Зимою степныя животныя сами часто разрываютъ снѣгъ копытами; киргизы этимъ пользуются, для чего пускаютъ сперва лошадей, а потомъ прочій скотъ. Это называется „тебеневкой“. Въ гололедицу, когда степь покрыта слоемъ льда, добываніе кормовыхъ травъ изъ-подъ снѣга становится труднымъ и скотъ отъ того худѣетъ **).

*) Кир—значить поле, гизъ или гез—происходитъ отъ корня глагола *измек*—странствовать. Слово *киргизъ* значитъ человѣкъ странствующій по полямъ, кочевникъ.

**) Въ 60-хъ годахъ, когда русскія войска подвигались въ глубь

Скотоводство составляетъ главное занятіе киргизовъ, за нимъ слѣдуютъ звѣринный, рыбный и соляной промыслы. Киргизы также любятъ охоту, но ружья еще и по настоящее время у нихъ не особенно распространены и, но большей части, они охотятся при помощи собакъ и нарочно къ тому обученныхъ хищныхъ птицъ (ястребовъ, соколовъ и беркутовъ). Точно опредѣлить количество охоты на всемъ пространствѣ степи невозможно; но, соображаясь съ данными таможенного вѣдомства, можно сказать, что этотъ промыселъ доставляетъ киргизамъ ежегодно по нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ рублей. Главные предметы промысла: лисица, горностай, выхухоль, куница, сайчакъ (родъ дикой козы) и проч. Изъ птицъ всѣ роды дичи: фазаны, лебеди, гуси и т. п. Рыболовство производится также въ громадныхъ размѣрахъ. Во многихъ рѣкахъ (Тургай, Эмба, Сыръ-Дарья, Или, Чу и друг.) и озерахъ (Аральское и Каспійское моря, Акъ-Суатъ, Челкаръ-Тенгизъ, Балкашъ, Иссыкъ-Куль и проч.) можно найти чуть не всѣ породы рыбъ, начиная отъ осетровъ *) до плотвы и головлей (*Leuciscus dobula*). Можно безошибочно сказать, что на Оренбургскую и Сибирскую линіи вывозится ежегодно разной рыбы на сумму свыше ста тысячъ рублей.

Солянымъ промысломъ занимаются также многіе изъ киргизовъ. Благодаря множеству степныхъ, самосадочныхъ озеръ, ежегодно сбывается на помянутыя выше линіи до 600,000 пудовъ соли.

Туркестана, покоряя по дорогѣ города, снѣгъ въ степи почти весь стоялъ и наступившими вѣтрами морозами сковало кара-кумы на сотни верстъ; скотъ погибалъ тысячами, не находя себѣ корму и азиатцы такое печальное явленіе прямо отнесли къ русскимъ, яко бы, занесшимъ съ собою «кару Божию». (Снѣгъ по киргизски—каръ) *Авт.*

Любопытно, что оригинальное мнѣніе, будто русскіе «приносятъ съ собою снѣгъ и зиму», приходилось и намъ слышать въ Туркменіи, а также въ Закавказьи. *Прим. ред.*

*) Въ рѣкѣ Чу встрѣчаются громадной величины сомы.

Сверхъ этихъ главныхъ занятій, киргизы промышляютъ, какъ мною и раньше замѣчено, извозомъ. Между киргизами уѣздовъ Казалинскаго, Перовскаго, Туркестанскаго и Чимкентскаго этотъ промыселъ развитъ особенно сильно, какъ дающій хозяевамъ верблюжьихъ стадъ большіе барыши. Въ прежнее время имъ болѣе другихъ киргизскихъ колѣнъ занимались чумекеевцы (Малой Орды), возившіе товары съ Оренбургской и Сибирской линій въ Бухару и Хиву; съ развитіемъ русской ввозной и вывозной торговли, послѣ занятія края, къ этому промыслу примкнули и другія колѣна Малой и Средней Ордъ, захвативъ въ свои руки, вслѣдствіе отсутствія конкуренціи со стороны осѣдлаго населенія, всю транспортировку кладей черезъ киргизскія степи, а также въ полосѣ осѣдлостей. Последнее обстоятельство объясняется исключительно отсутствіемъ сколько-нибудь спосныхъ путей сообщенія между многими торговыми пунктами Области. Хотя двухколесная туземная арба и не прихотлива на счетъ дороги, но и для нея требуется известная ширина дорожнаго полотна, мосты и проч., верблюды же проходятъ вездѣ: и по камышевымъ зарослямъ и по бугристой степи, изобилующей оврагами, и по зимней грязи. Не только въ степяхъ и пустыняхъ, куда извозчикъ саріъ (арбакешъ) не можетъ проникнуть со своею арбою и лошадыю, но и для сообщенія между осѣдлыми пунктами верблюды имѣютъ огромное значеніе. Кромѣ перевозки вьюкомъ, верблюды начали употребляться въ упряжку для перевозки громоздкихъ тяжестей. Раньше киргизы не имѣли объ этомъ никакого понятія и первые уроки получили на Орско-Казалинскомъ почтовомъ трактѣ, вслѣдствіе долговременнаго неустройства котораго проѣзжающимъ для перѣзда Кара-кумскихъ песковъ приходилось прибѣгать къ найму верблюдовъ и приспособлять ихъ къ запряжкѣ въ экипажи. Въ упряжкѣ (оглобли привязываются за горбы) верблюды идутъ ровно и можетъ везти отъ 40 до 50 пудовъ.

Земледѣліемъ прежде занимались исключительно байгуши,

имѣвшіе мало скота, а затѣмъ въ 60-хъ годахъ стало замѣчаться, что и богатые изъ киргизовъ, отправляя свои стада изъ кочевки, начали воздѣлывать поля, огороды и бахчи. Конечно, работы эти, требуя безпрестанной поливки, или искусственныхъ орошеній, составляютъ, при неусовершенствованіи земледѣльческихъ орудій, такъ сказать, египетскій трудъ, котораго такъ не любятъ и всячески избѣгаютъ номады...

Внутренняя торговля въ степи довольно обширна и производится кромѣ укрѣпленій Оренбургской степи и городовъ Сибирской Семипалатинской областей, а также Сыр-Дарьинскихъ фортовъ, во всѣхъ пограничныхъ форпостахъ и станицахъ. Какъ по преимуществу *мѣновая*, она имѣетъ мѣриломъ своей цѣнности *трехлѣтняго* барана, т. е. животнаго, достигшаго уже такого возраста, послѣ котораго цѣна его не быстро увеличивается. Конечно, такая мѣновая единица нѣсколько цѣннѣе на линіи, чѣмъ внутри степи, но это однако-жъ не мѣшаетъ киргизамъ сравнивать съ нею цѣнность прочихъ товаровъ. Вообще надо сказать, что киргизы, по природѣ ли своей, или отъ образа жизни, до сихъ поръ не выказали способностей къ коммерческимъ оборотамъ и далеко отстоятъ въ этомъ отношеніи отъ бухарцевъ, хивинцевъ и другихъ азіатцевъ. По этому торговля ихъ представляетъ пока лишь вымѣнъ избытка на необходимое.

Киргизы считаются магометанами Суннитской секты, но они такъ слабы въ своей религіи и такъ равнодушны къ ней, что составляютъ самый низшій разрядъ мусульманъ. Это однако-жъ не даетъ права заключать о томъ, чтобы они не были способны къ фанатизму: нѣтъ, напротивъ, исторія указываетъ, что этотъ нравственно-религіозный двигатель, общій всѣмъ восточнымъ народамъ, проявлялся весьма часто и между ними. Религіозныхъ обрядовъ у нихъ мало, по крайней мѣрѣ, таковые весьма мало соблюдаются. Напримеръ, въ Оренбургской степи нѣтъ ни установленныхъ отъ правительства муллъ, ни мечетей, но нѣкоторые

лица берутъ на себя обязанности богослуженія и называются въ народѣ муллами. Не многіе изъ таковыхъ получили религіозное образованіе въ Бухарѣ или Самаркандѣ, а большинство знаетъ только читать и писать по татарски, да на арабскомъ языкѣ нѣсколько молитвъ изъ корана. Пользуясь уваженіемъ къ своему сану, нѣкоторые изъ муллъ имѣютъ вліяніе на народъ, присутствуютъ при важнѣйшихъ домашнихъ и общественныхъ событіяхъ, но другіе совершаютъ только обряды при бракахъ, похоронахъ и т. п., что у киргизовъ весьма часто обходится и безъ муллъ. Народъ не любитъ постовъ, но молится весьма охотно. Изъ молитвъ соблюдаются, впрочемъ, только утренняя „Намазъ-баумдаты“ и вечерняя „Намазъ-хуфти“, остальные же, предписываемыя кораномъ, киргизы пропускаютъ. Въ числѣ постовъ у нихъ болѣе въ уваженіи „Уразы“, кончающаяся „курманъ-байрамъ“омъ (извѣстный магометанскій праздникъ). Но рѣзче всѣхъ праздничныхъ обрядовъ у киргизовъ „тризна“ (помины мертвыхъ), которая иногда становится народнымъ торжествомъ. На поминки по богатомъ и знатномъ киргизѣ стекается нѣсколько тысячъ единовѣрцевъ, а самое распоряженіе этимъ пиромъ поручается кому-нибудь изъ биевъ или султановъ. Гости такихъ пировъ раздѣляются на младшихъ и почетныхъ. Первые угощаютъ и даже кормятъ изъ собственныхъ рукъ послѣднихъ; прислуга же, байгуши, а также и женщины довольствуются объѣдками. Послѣ угощенія начинаются игры: джигитовка, стрѣльба, скачки, борьба силачей и проч. Самая забавная игра, въ которой участвуютъ оба пола, состоитъ въ томъ, что молодая дѣвушка скачетъ на конѣ отъ своихъ преслѣдователей, которые стараются еѣ догнать и поцѣловать. Если дѣвушка обладаетъ ловкостію смѣлой наѣздницы, то игра эта возбуждаетъ общій смѣхъ, когда степная амазонка, увертываясь отъ молодыхъ людей, осыпаетъ ихъ ударами ногайки. За джигитовку, скачки и искусную стрѣльбу выдаются призы.

Такія поминки бываютъ спустя сорокъ дней или черезъ

годъ послѣ смерти. Могилы дорогихъ сердцу родственниковъ или батырей насыпаются въ видѣ большихъ кургановъ, а скрываемыя ими останки почитаются нерѣдко святыми. Если покойный при жизни чѣмъ-нибудь славился — богатствомъ или удалствомъ, а по смерти оставилъ хорошее состояніе, то на могилѣ его совершаются жертвоприношенія, состоящія изъ разныхъ костей головъ и роговъ. Обративъ такимъ образомъ общее вниманіе на подобную могилу, причисляютъ потомъ усопшаго къ святымъ.

Похороны сопровождаются воемъ и плачемъ всей семьи умершаго. Покойника одѣваютъ въ лучшее платье и завертываютъ въ холстъ. Могильная яма устраивается такъ, чтобы земля не давила трупа, для чего яму покрываютъ накатникомъ или въ одной изъ сторонъ ея дѣлаютъ углубленіе, достаточное для помѣщенія покойника. Мулла читаетъ молитвы при выносѣ и погребеніи. Домашній вой и плачъ продолжаются по утрамъ и вечерамъ въ теченіе года.

Домашній бытъ киргизовъ незавиденъ по обстановкѣ. Живутъ въ юртахъ (желомейкахъ) какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Одежда ихъ состоитъ изъ „чапана“ (родъ халата изъ бумажной или другой матеріи) и „чембаръ“ (широкихъ шароваръ изъ бараньей кожи), часто расшитыхъ шелками или окрашенныхъ въ желтую краску. Только зажиточные носятъ рубашки, а байгуши (бѣдняки) надѣваютъ чапанъ прямо на голое тѣло. Бритая голова покрывается тубетейкой и остроконечной мѣховой высокой шапкой (малахай) съ широкою шинкою на затылкѣ. На ногахъ кожаные, съ острыми загнутыми носками и высокими каблуками, сапоги; иногда сверхъ того калоши (ичиги). Чапанъ перетягивается поясомъ (калта) съ разными привѣсками: огнивомъ, ножомъ, сумочкой для денегъ и проч.

Женщины одѣты почти въ такой-же чапанъ, только безъ разрѣза спереди. Голова ихъ обматывается холстомъ въ видѣ цилиндра, косы заплетаются и украшаются разными нобрякушками, въ числѣ которыхъ предпочтительнѣе монеты. Обувь и поясъ такіе-же, какъ у мужчинъ. Въ общемъ —

одежда киргизовъ некрасива и неопрятна и хотя богатые изъ нихъ одѣваются въ дорогіе бархатные чапаны, вышитые золотомъ, но безобразіе затмѣваетъ цѣнность такихъ нарядовъ.

Домашняя утварь немногочисленна и состоитъ изъ деревянныхъ, кожаныхъ и металлическихъ сосудовъ. Глиняная посуда не въ употребленіи, потому что скоро бьется. Нѣсколько стакановъ или чашекъ въ семьѣ—составляетъ роскошь. Кушанье варится въ котлѣ (казанѣ), который ставится по срединѣ кибитки, или выѣе на открытомъ мѣстѣ. Въ первомъ случаѣ дымъ улетаетъ въ широкое отверстіе (тюдюкъ), оставляемое въ вершинѣ юрты. Имущество хранится въ сундукахъ русскаго издѣлія, разставляемыхъ по бокамъ кибитки и застилаемыхъ коврами или кошмами, (войлоками).

Пища и питье не разнообразны: наиболѣе распространенное кушанье, это—„баламыкъ“, для приготовленія котораго берется мука или рожь, иногда просо или пшеница, поджаривается въ салѣ и разводится водой. Хлѣбъ (нанъ) киргизы любятъ, но сами не пекутъ. Въ праздники дѣлаютъ „башбармакъ“, поджаривая мелко изрѣзанные куски мяса въ салѣ. Кромѣ того, у киргизъ готовится еще „крутъ“—родъ сыра изъ овечьяго или другого молока. Главный и любимый напитокъ—кумысъ, который пьютъ въ большомъ количествѣ. Часто можно видѣть киргиза, жующаго измельченное просо, рисъ и т. п. прямо изъ горсти и, несмотря на свою прожорливость, многіе изъ нихъ, отправляясь въ путь, ничего не берутъ съ собой, кромѣ нѣсколькихъ горстей рису.

Домашнее хозяйство—въ рукахъ женщинъ, мужчина же, обыкновенно, ничего не хочетъ знать въ домѣ, кромѣ своего коня, да и того зачастую ловить ему въ табунѣ и осѣдлываетъ жена. Киргизъ лѣнивъ и безпеченъ и, если домашнія дѣла идутъ хорошо, рѣдко бываетъ дома. Обычай угощать прѣзжаго за хорошія вѣсти сильно распространенъ; вѣроятно дѣлать это заставляють любопытство и желаніе разузнать

какія-нибудь новости и сообщать ихъ одноаульцамъ. Черезъ это выходитъ, что едва выѣдетъ въ степь кто-либо изъ русскихъ военно-служащихъ съ линіи, какъ уже мгновенно отъ Урала до Сыръ-Дарьи начинается передача, какъ-бы по телеграфу, этого событія. Поэтому нельзя удивляться, что киргизы хорошо знаютъ о ходѣ дѣлъ не только въ Оренбургѣ, но въ Хивѣ, Бухарѣ и Коканѣ.

IX. Охота въ пустынѣ.

Нысанъ Кебековъ проснулся первый. Плеснувъ изъ мѣднаго кумгана воды себѣ на руки, онъ сдѣлалъ утреннее омовеніе, сотворилъ намазъ (молитву), оборотился лицомъ къ востоку и началъ громко поднимать караванъ.

Какъ приказаніе отдыхать было принято весело и радостно, такъ непріятно и печально отзывался на всѣхъ сигналъ къ продолженію пути. Верблюды однако-же первые явились на зовъ караванъ-баша, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ; они сами остановились возлѣ тѣхъ тюковъ съ товарами, которые были на нихъ навьючены. Черезъ какихъ-нибудь три четверти часа караванъ уже двинулся. На мѣстѣ стоянки, кромѣ нѣсколькихъ обглоданныхъ до чиста костей и обуглившихся остатковъ костровъ, ничего не осталось.

Скоро взошло солнце и озарило однообразную мертвую степь.

— А что же я не вижу горъ, которыя вчера были вонъ тамъ?—обратился я къ Кебекову.

— Онѣ влѣво остались, теперь горъ долго не встрѣтимъ.

— А намъ все-таки придется ѣхать черезъ горы?

— Не одинъ разъ. Этотъ же хребетъ, который теперь уклонился, пересѣчемъ дважды: подъ Басъ-Фарабутакомъ и Джалтырь-Бузомъ. Только это еще не скоро будетъ.

— Неужели же до тѣхъ поръ все степью поѣдемъ?

— Все степью. На-дняхъ, впрочемъ, на колодцы Тендерли прѣдемъ, такъ около ихъ сопка небольшая есть—Бакбау называется...

Мы замолчали. У Ивана должно быть унялась боль, онъ бодро ѣхалъ на своемъ ворономъ красавцѣ и даже затянулъ было: — „высота-ль, высота поднебесная“, да сейчасъ же оборвалъ: лѣнь одолѣла.

— Тюра, ей, тюра! гляди-ка... — подбѣжалъ ко мнѣ мальчуганъ Басантіевъ. — Ну-ка, достань его своимъ мултукомъ!

Я взглянулъ по указанію вытянутого пальца, и увидѣлъ, какъ высоко надо мною, распластавъ крылья, почти недвижно стоялъ въ воздухѣ большой орелъ (стервятникъ — какъ зовутъ его въ степи).

— Падалъ гдѣ-нибудь лежить! — замѣтилъ какъ-то сумрачно караванъ-башъ и мнѣ показалась какая-то тревожная нота въ его голосѣ.

— Пожалста, тюра, достань! — приставалъ мальченка.

У меня былъ отличный англійскій нарѣзной фальконетъ, да и мишень-то ужъ очень соблазняла; я соскочилъ съ верблюда, прицѣлился, — и сухой, обрывистый выстрѣлъ, можетъ быть въ первый разъ огласилъ эту безконечную песчаную степь. Орелъ дрогнулъ, судорожно взмахнулъ крыльями и, какъ-то бокомъ, быстро сталъ опускаться на землю. Пролетѣвъ такимъ образомъ нѣсколько сажень, онъ вдругъ, сложивъ крылья и перекувыркнувшись раза два, тяжело шлепнулся, — въ ясокъ. Басантіевъ гикнулъ и понесся къ нему; оказалось, что пуля перебила орлу шею. Птица была весьма основательной величины, какого-то темнобураго цвѣта съ острымъ и горбатымъ клювомъ. Семенъ Никитичъ также подошелъ, съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ, и, покачавъ головой, началъ укорять меня въ бесполезномъ убійствѣ.

— Это, напрасно, знаете, пресѣкли жизнь... оно, скажемъ, птица вредная, а все же того, этого... сказано: „ни одна тварь да не погибнетъ отъ рукъ твоихъ“.

Хотя текстъ этотъ и не вполне подходилъ ко мнѣ, какъ къ охотнику, но я признавалъ, что убійство было совершено напрасно и потому отъ упрековъ Телѣжникова почувствовалъ себя виноватымъ вдвое; зато Басантіевъ находился

въ неопisanномъ восторгѣ: онъ скакалъ, прыгалъ и съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ на мой мултукъ, такъ далеко сразившій птицу.

— А что, знаете, я думаю, это и выпить по махонькой можно, того этого? — обратился совсѣмъ ужъ любезно ко мнѣ Телѣжниковъ, но я опять отказался.

— Помилуйте! да какъ же это... того, въ натюшествіи и не пить?! — удивился онъ.

— Ну, знаете, я за васъ это одинъ выпью!.. — И Телѣжниковъ, отвинтивъ стаканчикъ, служившій въ то же время и пробкой, отъ большой дорожной фляги, налилъ его и моментально опрокинулъ въ горло живительную влагу.

— Славный напитокъ, знаете, оживляющій, этого, того... — сталъ расхваливать Семенъ Никитичъ, — выпьешь это и какъ будто, знаете, бодрѣ станешь... э-эхъ, какъ это вы, Николай Ивановичъ, право это того...

— Не хочется, жарко; къ тому же я утромъ и пить совсѣмъ не могу.

— Приходится одному, знаете... — какъ бы съ сожалѣніемъ произнесъ онъ и опять налилъ стаканчикъ. Залпомъ проглотивъ водку, Семенъ Никитичъ крикнулъ и проговорилъ.

— А теперь того, это и закусить, знаете, можно. Жалко очинно, что я это мало захватилъ закусокъ-то. Есть, знаете, сардинки, да это того совсѣмъ не тотъ каленкоръ.

— У меня ветчина есть, не желаете ли?

— Благодарю, Николай Ивановичъ! только это, знаете... теперь бы мнѣ чего-нибудь соленьяго или кисленьяго... — сладострастно мечталъ Телѣжниковъ, — дичинки бы тоже это не худо, знаете, раздобыть! эхъ, ежели бы это, напримерно, вмѣсто стервятника-то, знаете, вы хоша бы рябчиковъ, это, настрѣляли!

— Погодите, авось и рябчики попадутся.

— Будемъ подождать! — съострилъ Семенъ Никитичъ и добавилъ, — а теперь, знаете, пойду и спать лягу; это я всю ночь почитай не спалъ.

— Отчего же?

— Гнусу много, знаете. Теперь меня Левашевъ, это, напугалъ!.. днемъ спать буду.

— Ну, пріятныхъ сновидѣній вамъ желаю.

Солнце поднималось все выше и выше; и опять, какъ и вчера, и третьяго дня, люди начали клевать носомъ. Одни верблюды неизмѣнно шли впередъ медленнымъ и ровнымъ шагомъ, безъ остановки, покачивая длинными шеями и обводя окрестность своими томными глазами. Позади меня ѣхалъ киргизъ Байтакъ и пѣлъ какую-то тихую пѣсню. Я вслушался. Байтакъ пѣлъ:

„На берегахъ Дарьи лѣтомъ гулялъ бѣлый конь; хозяинъ замѣтилъ его горячій норовъ и крѣпкую статью и пустилъ въ бѣгъ на далекое разстояніе. При бѣгѣ у коня показывалась кровавая пѣна,—такъ сильно бѣжалъ онъ,—а когда узнавалъ на бѣгу своего хозяина, то становился еще прытче—совсѣмъ стрѣлой летѣлъ бѣлый конь! Хотя Дарья, рѣка глубокая, и покрывала водою всего верблюда, однако бѣлый конь пробѣгалъ черезъ рѣку только по колѣна въ водѣ. Его ноги не скользили по горамъ и скаламъ, и онъ догонялъ даже дикихъ козъ. Происходилъ бѣлый конь изъ табуна Темучина и былъ предметомъ удивленія всѣхъ тѣлохранителей великаго хана. На праздникъ Курманъ-Байрамъ бѣлый конь семь разъ былъ пущенъ въ бѣгъ и каждый разъ опережалъ другихъ коней; тогда онъ былъ еще молодъ, когда же достигъ совершеннаго возраста, то былъ отправленъ къ самому хану Чингизу. Тутъ коню были и холя, и пища, и пойло, только нѣжлся бѣлый конь, да роскошничалъ, а конь не ѣстъ, не пьетъ: все думаетъ, какъ бы въ степь да на волю...“

Напѣвъ унылый, тихій, монотонный, но пріятный, отзвучивающійся въ душѣ чѣмъ-то близкимъ сердцу и знакомымъ.

Пѣсня смолкла; я дремалъ и едва различалъ неясный очеркъ Байтакова тѣла. Вдругъ влѣво отъ насъ послышался изъ-за песчаныхъ бархановъ звукъ, чрезвычайно похожій на пѣніе моего сосѣда. Протяжно застонало какое-то живое

существо и стоить этотъ оборвался болѣзненной нотой; но чрезъ минуту снова послышался, но уже не одинъ.

Я мгновенно очнулся и сталъ вслушиваться. Лауча Байтакъ прислушался также и засмѣялся тихо, сквозь зубы.

— Кто это?—обратился я къ нему съ вопросомъ.

— Каскыръ! *)—отвѣчалъ киргизъ.—Ихъ много тамъ, должно быть падалъ наши.

А въ воздухѣ дѣйствительно что-то сильно попахивало; нѣтъ нѣтъ, да и понесетъ такой мертвечиной, что просто хотъ носъ затыкай. Нѣмного погодя, Байтакъ снова затянулъ протяжную пѣсню, но уже на другой ладъ, про другого коня, кажется буланого. Я слушалъ, слушалъ, затѣмъ задумался, а солнце дѣлало свое дѣло, поднимаясь все выше и выше... Вдругъ какіе-то новые звуки поразили мой слухъ.

— Что бы это могло быть?—подумалъ я и какъ бы въ отвѣтъ на это двѣ чернобрюхія птицы, съ куропатку величиною, быстро подлетѣли, сдѣлали вольтъ почти надъ самой моей головою и неожиданно опустились въ нѣсколькихъ аршинахъ, вытянувъ свои сѣро-желтыя короткія шеи... Я хотѣлъ было достать ружье, но птицы быстро сорвались и съ трескомъ унеслись въ даль.

Я встрепенулся, сонъ разомъ какъ рукой сняло.

— Это карабауры, ихъ тутъ въ степи много!—сказалъ Байтакъ, и я началъ внимательно прислушиваться къ звукамъ степи. Вскорѣ пронеслась стороною новая иара и къ ихъ заунывному крику, такъ гармонировавшему съ однообразіемъ пустыни, присоединились почти такіе же, но болѣе отрывистые, съ нѣкоторымъ задоромъ, доносившіеся со стороны степи. Это, какъ оказалось, летѣли „мургаки“ или малые рябки. Чрезъ минуту большая стая ихъ показалась высоко въ воздухѣ, а, поровнявшись съ нами, закричала сильнѣе, заиграла, при чемъ отдѣльныя особи, производя рѣзкій шумъ, бросились внизъ, удивляя ловкостью и быстротою своего несравненнаго полета. Я быстро вложилъ пат-

*) Волкъ.

роны, заряженные дробью, и выстрѣлил въ намернувшійся косячекъ. Мургаки вдругъ смолкли и исчезли въ степи, только одна птица пошла книзу, тяжело упала въ песокъ, разбросавъ цѣлую кучу рыхлыхъ, слабо державшихся перьевъ...

Рябки представляютъ собою самыхъ характерныхъ птицъ пустынь и степей центральной Азіи; ихъ три породы. Вотъ что говоритъ извѣстный зоологъ М. Богдановъ *): „въ восточной полосѣ пустыни и вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ ея, гдѣ есть родники или каки **), каждое утро прилетаютъ цѣлыя стаи красивыхъ птицъ, которыхъ наши охотники зовутъ степными рябками, или же степными куропатками. По всѣмъ чертамъ своей организаціи онѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ отряду куриныхъ, но многія черты въ образѣ жизни, нѣкоторыя явленія половой и семейной жизни, въ высшей степени напоминаютъ голубей. Каждый день, смотря по погодѣ и времени года, степныя куропатки ощущаютъ жажду и летятъ пить на родники или „каки“. Чтобы совмѣстить эту потребность въ водѣ съ общимъ безводіемъ страны, въ которой онѣ обитаютъ, у степныхъ куропатокъ выработалась способность къ быстрому и продолжительному полету. Если быстроту голубей опредѣляютъ отъ 60 до 70 верстъ въ часъ, то, безъ сомнѣнія, степныя куропатки могутъ пролетать отъ 90—100 верстъ въ то же время. Понятно, что при такомъ условіи онѣ имѣютъ полную возможность гнѣздиться и жить въ такихъ мѣстахъ пустыни, отъ которыхъ вода находится въ разстояніи сотенъ верстъ. Самый обыкновенный видъ этихъ птицъ въ Кизиль-кумахъ—это „карабауры“ (*Pterocles aeneus*). Въ меньшемъ числѣ, и преимущественно на родникахъ степныхъ горъ, являются пить красивые „куланба-

*) Описаніе Хивинскаго похода, вып. XII. Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизиль-Кумъ.

**) «Какъ»—лужа дождевой воды, скопившейся на глинистой ложинѣ; «каки» попадаютъ въ открытыя песчаные пустыни.

уры“ (*Pterocles alchata* *). Какъ только пригрѣютъ теплыя утренніе лучи солнца, вблизи родниковъ все яснѣе и яснѣе раздаются въ воздухѣ переливчатые горловые звуки (одни изъ немногихъ, которыми нарушается мертвая тишина пустыни): то несутся на водоной къ роднику стая за стайею карабауры, къ нимъ примѣшиваются звонкіе крики куланбауровъ и отрывистое трещаніе „бульдурковъ“ (*Syrhantes paradoxus* **). Длинныя крылья и округленное туловище указываютъ силу и быстроту полета, короткія ноги служатъ признакомъ того, что эти птицы также плохо ходятъ, какъ хорошо летаютъ. У бульдурука всѣ три пальца срослись вмѣстѣ, въ одну сплошную лапку съ мозолистой подошвой, похожую на верблюжью, чего, кажется, нельзя найти ни у одной птицы. У карабаура и куланбаура пальцы, свободные на конечной половинѣ, срослись только у основанія.

„Я слишкомъ далеко бы зашелъ, если бы вздумалъ пояснить всѣ особенности организаціи этихъ красивыхъ, узорчатыхъ птицъ, а потому скажу лишь въ общихъ чертахъ объ образѣ ихъ жизни. Карабауръ и бульдурукъ водятся по преимуществу въ ровныхъ глинистыхъ и песчаныхъ степяхъ; куланбауръ любитъ скалистыя невысокія горы. Пища всѣхъ этихъ птицъ состоитъ изъ сѣмянъ различныхъ степныхъ травъ, особенно онѣ любятъ сѣмена астрагаловъ. Весной всѣ эти виды разбиваются на пары. Гнѣздо ихъ представляется въ видѣ простой ямки, безъ всякой подстилки, на глини или въ пескѣ, въ которую самка кладетъ три яйца. Яйца, формой похожія на голубинныя, цвѣтомъ бываютъ зеленоватыя, съ темными пятнами. Цвѣтъ и величина яицъ

*) Куланбауръ—значитъ буланое или соловое брюхо. Это названіе неизвѣстно въ культурныхъ оазисахъ; здѣсь малаго рябка зовутъ или мургакомъ или бульдурукомъ. Авторъ.

**) Это саджа. Вблизи культурныхъ оазисовъ именовъ „бульдурковъ“ называютъ всѣ три породы; такъ какъ саджи въ такихъ мѣстахъ рѣдки, то имя, бульдурукъ, въ частности примѣняется къ мургаку.

представляют небольшие особенности у каждого вида. Молодые вылупляются из яиц зрячими и покрыты густым, красивым и узорчатым пухом. В первое время они, однако, как и голубята, не могут ходить и остаются в гнездах, пока не достигнут половины роста и не оперятся. Тогда они оставляют гнезда и начинают бродить с матерью и отцом по степи, где приучаются отыскивать пищу.

Большой рябок или карабур, величиною с самого крупного голубя, с коротким плотным телом; он весь сине-песчаного цвета с красновато-желтым цветом горла и груди, которой перерезана черною полоскою, брюхо черное, от чего он и получил свое название. Мургак меньше, с полевую горлику, светлее пером, пестрее и красивее первого; горло и грудь красноватого цвета с двумя черными тесемочками, брюхо и подбой крыльев белого цвета; острый хвост оканчивается двумя длинными перышками темного цвета. Рыхлое мягкое оперение на обих птицах держится очень слабо, что вместе с силою и энергичностью птицы делает стрельбу их довольно трудною: с плохим ружьем можно убить только тех, которые налетают шагов в двадцать, да и то не всегда. Иной раз рябок, весь израненный дробью, потеряв множество перьев, с раскрытым клювом, из которого каплет кровь, улетает из вида и гибнет в степи. Мясо их вкусно только в конце лета, когда они нагуляют жир, да и то его надо употреблять сильно прожаренное, чтобы уничтожить присущую ему жесткость.

Собственно бульдурук, или саджа, птица вполне пустынная. Ее родина — величайшие пустыни Азии: Гоби, пустыня бассейна р. Тарима, Кизил-Кумы и пески по левую сторону реки Аму-Дарьи вплоть до Персидского залива. Из этих пустынь саджи предпринимают иногда далекие перелеты или путешествия, если так можно выразиться, и появляются в таких местностях, где о них и не слышали раньше, как, например, в Германии и Франции, о

чем упоминает Брем в своей „Иллюстр. жизни животных“. В Туркестане, вблизи культурных оазисов, он появляется совершенно неожиданно и держится недолго, исчезая опять неизвестно куда.

Остальные две породы, кроме песчаных пустынь, весьма обыкновенны в глинистых, покрытых тощею растительностью степях и в предгорьях хребтов, окружающих пустыни и степи Туркестана. Сюда он прилетает с юга очень рано весной, во второй половине февраля, разбиваются на пары и приступают к гнездованию в марте и апреле. Карабуры гнездятся везде, мургаки же выбирают местности повыше: бугристые степи и предгорья, прилетая на водопой утром и вечером парами на какую-нибудь степную речку, озеро или просто на разлив близ ирригационной канавы. В самый разгар летних жаров, в июне и июле, в степи и у водопоя появляются косячки молодых, а в августе мургаки сбиваются в стаи и совершают перелеты на жнивные поля, где и держатся до глубокой осени, т. е. до конца октября. Карабуры никогда не сбиваются в стаи и держатся косячками в 10—20 штук, а перелетов на поля, кажется, не делают: они толкуются около тех мест, где вывели детей. Вылетая из голых степей на поля, мургаки собираются в миллионные стаи, летят быстро и высоко, синими волнующимися облаками, оглашая воздух звонким криком и резким, шипящим шумом крыльев. Выбрав подходящее место, они разбиваются на отдельные стаи, но и эти стаи настолько велики, что когда мургаки снимутся почему-либо, то издали они кажутся клубами синего дыма, который стелется по степи... Чудный вид представляют эти неисчислимы стаи в своих перелетах на водопой! В противоположность лету, осенью такие стаи мургаков выбирают для водопоя места открытые: широкие, гальковые розсыпи какой-нибудь речки, вырвавшейся из горных теснин в долины, отмель на средине реки Сыр-Дарьи или большого степного озера. Часов с девяти утра стая за стая, ко-

сякъ за косякомъ несутся мургаки на такое мѣсто, оглашая воздухъ крикомъ и шумомъ на далекое пространство. Мургаки съ налету садятся на край отмели, поспѣшно глотаютъ два-три глотка воды и сейчасъ же спимаются, чтобы уступить мѣсто другимъ. Если же мѣста мало, то мургаки бросаются прямо къ поверхности воды, черкаютъ по ней брюхомъ, хватаютъ двѣ три капли воды и взлетаютъ кверху. Стаи волнуются какъ дымъ на сильномъ вѣтру, скучиваются въ упругое сѣрое облако, изгибаются гигантскою змѣею, играя на солнцѣ бѣлымъ подбоемъ крыльевъ... Непившись вдоволь, наигравшись и накричавшись надъ водою, мургаки длинною кишкою улетаютъ въ степи, повторяя долгое время и здѣсь свои чудныя эволюціи... Странно видѣть такую массу бойкихъ, красивыхъ птицъ въ голой пустынѣ, наблюдать такое оживленіе молчаливыхъ степей... Глазамъ просто не вѣрится!..

Х. Мученія отъ жары.

Выше я уже сказалъ, что съ меня сонъ сняло какъ рукой. Выстрѣлъ за выстрѣломъ оглашали пустынные пески, вырывая каждый разъ виноватыхъ изъ налетавшихъ огромныхъ стай мургаковъ и косячковъ чернобрюхихъ рябковъ... Птица была непуганая, навертывалась близко, глупо и платилась за это жизнью. Стволы ружья сильно накалились, такъ что я обжигалъ уже себѣ пальцы, а Басантіевъ все кричалъ: „мона, тюра еще!“—и указывалъ рукою на новыя стаи. Я не зналъ куда дѣвать такую массу убитыхъ, но находчивый мальчишка быстро разрѣшилъ мое недоумѣніе:

— Ты, тюра, сними свою куйлюкъ, завяжи рукава, да и свалимъ птицу туда!—посоветовалъ онъ, указывая на мою блузу.

Между тѣмъ караванъ отошелъ уже довольно далеко впередъ и я таки ругнулъ себя за жадность... Да развѣ удержаться можно, когда шельмы курлыкаютъ надъ самой головою и шипятъ своими острыми крылами?! Мы съ Басантіевымъ быстро принялись шагать, но въ скоромъ времени

до того устали, что по неволѣ пришлось сдѣлать отдыхъ. Ноги погружались въ песокъ, который обжигалъ даже сквозь сапоги.

— Квасу бы теперь сюда! кажется ведро бы выпилъ...— подумалъ я и самъ улыбнулся этому желанію.

А кругомъ было такъ хорошо! Безконечное, будто изъ расплавленного золота, море песковъ; небо, переходящее отъ огненного цвѣта у горизонта въ пурпурово-желтый, зеленовато-голубоватый надо мною,—и ни звука, ни вѣтерка!! Чувство полного одиночества, отъ котораго становится хорошо и жутко: кричи сколько хочешь, никого не дозовешься...

Много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло; измѣнились обстоятельства, истрепала меня жизнь, задавилъ гнетъ неудачъ, болитъ душа и ноетъ сердце и лишь временами эта пора вспоминается:

Какъ что-то сердцу дорогое,
Какъ сказка изъ минувшихъ дней,
Какъ память лучшаго былого,
Когда жилось веселѣй...

Мечтать однако было некогда, караванъ почти ужъ скрылся изъ глазъ, и мы снова начали путешествіе.

— Басантіевъ, хочешь выстрѣлить изъ моего мултука?—предложилъ я своему спутнику, имѣя въ виду одну наклонившуюся мысль.

Глаза мальчишки такъ и разбѣжались отъ этого предложенія.

— Таиръ-джалгассенъ *), таиръ-джалгассенъ, тюра!

— Только вотъ что, я дамъ тебѣ выстрѣлить, а потомъ ты носи рябчиковъ до каравана, ладно, а?

Басантіевъ согласился и вскорѣ выстрѣлъ загремѣлъ, а я избавился отъ ноши. Прошагали съ добрый часъ, пока наконецъ, увидѣли караванъ, до котораго оставалось еще съ версту.

— Однако, что это такое? Вдали показались какія-то птицы,

*) Спасибо.

чрезвычайно похожія на вороновъ. Неужели они здѣсь есть?!— подумалъ я и прибавилъ шагу. Черезъ нѣсколько минутъ уже не оставалось никакого сомнѣнія, что чернѣвшія птицы были дѣйствительно вороны. Онѣ кружились на одномъ мѣстѣ, то опускаясь на землю, то снова поднимаясь кверху. Караванъ остановился, и мы вскорѣ подошли къ нему, заткнувъ носы, потому что воздухъ былъ убійственный. Оказалось, что стадо воронья, чернѣвшее цѣлымъ островомъ, собралось около издохшаго верблюда, брошеннаго, вѣроятно, за болѣзнью въ степи, какимъ-нибудь караваномъ. Кебековъ, впрочемъ, и говорилъ даже, что за пять дней до нашего отъѣзда ушелъ большой караванъ, но за все время путешествія мы не встрѣчали ни малѣйшаго признака слѣдовъ. Однако, трупъ верблюда не изсохъ и даже не былъ растащенъ волками, значитъ, издохъ онъ недавно. Вороны отпрыгнули было и разлетѣлись съ зловѣщимъ карканьемъ, но вскорѣ снова собрались и нагло разсѣлись на трупѣ.

Грустная картина! Не дай Богъ никому умирать въ степи...

Мы двинулись далѣе, желая удалиться отъ смердящаго запаха, который долго еще провожалъ насъ. Но вотъ мало-по-малу воздухъ очистился.

Красиво разсыпались песчаные барханы, разнообразная степь причудливыми формами своихъ вершинъ. Почва развѣтывалась, какъ вздутая кое-гдѣ вѣтромъ пелена. На сѣверо-востокъ тянулась гряда возвышенностей Еркету и сливалась съ горами Мусъ-бель, довольно скалистыми, оставшимися отъ насъ влѣвѣ.

Воздухъ теперь былъ замѣчательно чистъ, и я вдыхалъ его полной грудью, находясь въ обаяніи чуднаго простора. А воображеніе неустанно работало; цѣлая вереница думъ охватывала его, заставляя усиленно биться сердце... Не помню, долго ли я находился въ состояніи забытья, спалъ, или только задумался, какъ вдругъ совершенно ясно увидалъ на горизонтѣ зеркальную поверхность какой-то рѣчки; ея спокойная и гладкая струя ярко блестѣла на солнцѣ, маня своей прохладой. Я видѣлъ у ея берега и купу ивъ.

низко склонившихся надъ водой, какъ бы любующихся своимъ изображеніемъ, отражающимся въ этомъ роскошномъ зеркалѣ, и стадо верблюдовъ, жадно глотающихъ студеную влагу; я совершенно ясно видѣлъ ихъ разнообразныя позы, вырисовывающіяся на водяномъ фонѣ, я даже невольно ткнулъ ногой верблюда, на которомъ ѣхалъ, желая поскорѣе добраться до этой рѣчки, какъ вдругъ... все внезапно исчезло. И эта вода, и эта влага, прохлада которой я уже ощущалъ, все—пропало. Напрасно я протиралъ глаза, не желая такъ скоро разстаться со своей мечтой—передо мной была все та же унылая равнина. Оказалось, что все это былъ обманъ моихъ чувствъ, обманъ зрѣнія, утомленнаго монотонностью впечатлѣній. Все это былъ лишь миражъ,—явленіе столь обычное въ степи. Такіе миражи появлялись намъ не одинъ разъ.

Промежутокъ между горой Сандыкъ-Тау до озера Чуваръ-Тениза представляетъ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ переходовъ въ мірѣ.

Представьте себѣ безбрежное море песковъ, лишь изрѣдка, въ видѣ небольшихъ площадокъ, прерываемое такъ называемыми „такырами“ (оазисы солонцеватой глины), — и болѣе ничего. Съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя страшными бурями, съ другой зеркально-гладкая поверхность, слегка волнуемая тихимъ вѣтромъ. Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ—ни червя, ни жука; есть лишь слѣды угасшей жизни—кости погибшихъ здѣсь животныхъ...

Не даромъ переходъ этотъ зовется „Адамкырганъ“ (т. е. мѣсто, гдѣ погибаютъ люди). Мрачный видъ моихъ спутниковъ въ продолженіе всего переѣзда до озера Чуваръ-Тениза былъ лучшимъ доказательствомъ этого.

Несмотря на палящій зной, мы должны были идти до 15 часовъ въ день, чтобы скорѣе выйти изъ этой мѣстности, гдѣ была полная вѣроятность попасть подъ губительное дѣйствіе „Теббада“ *), который на твердой равнинѣ

*) Теббадъ—персидское слово и значитъ—лихорадочный вѣтеръ.

только мучить лихорадочными припадками, среди же песков Адамкирылгана въ одно мгновение можетъ засыпать всѣхъ. Мы не жалѣли бѣдныхъ верблюдовъ, хотя двое изъ нихъ, утомленные непосильными переходами, кое-какъ влачили ноги.

Удушливый жаръ и безъ теббада отнял у всѣхъ людей и животныхъ силу, а тутъ еще, въ довершеніе несчастія, киргизъ Мусульманъ-Куль принужденъ былъ идти пѣшкомъ возлѣ своего ослабѣвшаго верблюда и, наконецъ, такъ расхворался, что мы должны были положить его на верблюда Кебекова, который хотя и чувствовалъ себя, повидимому, бодро, но тѣмъ не менѣе сильно задумывался. Больной Куль ежеминутно говорилъ: „воды, воды“. Жажда страшно томила несчастнаго, языкъ его былъ совершенно черенъ, небо—сѣровато-бѣлаго цвѣта, впрочемъ, черты лица не слишкомъ исказились, только губы растрескались и ротъ былъ открытъ.

Я боялся, что вороны не ошиблись собратъ; очевидно, онѣ чувствовали новую жертву...

Послѣ трехдневнаго пути по сыпучимъ пескамъ пустыни, мы должны были, наконецъ, достигнуть твердой равнины и увидать разстлавшійся къ сѣверу хребетъ Мусъ-Бель. Къ сожалѣнію, наши животные не могли больше идти и мы провели еще четвертый день среди песковъ.

Между тѣмъ жара увеличивалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и отъ дѣйствія ея вода въ турсукахъ замѣтно уменьшалась. Это открытіе заставило меня удвоить надзоръ за своимъ мѣхомъ, въ чемъ мало-по-малу всѣ начали слѣдовать моему примѣру.

На четвертый день въ моей кожаной флягѣ оставалось не болѣе 5—6 стакановъ воды. Къ моему ужасу жажда мучила нестерпимо и сопровождалась головной болью. Я чувствовалъ сухость во рту, языкъ сдѣлался словно суконный; я тотчасъ выпилъ половину моего запаса воды, думая этимъ спастись, но увы! жажда усилилась...

Къ полудню, когда мы могли ясно отличить облако-образ-

ныя очертанія Мусъ-Беля, я почувствовалъ, что силы начали совсѣмъ оставлять меня. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ горамъ, песокъ все болѣе и болѣе уменьшался и всѣ стали уже всматриваться—нѣтъ ли гдѣ желомейки, или стада, какъ вдругъ Кебековъ указалъ намъ на приближавшееся облако пыли и велѣлъ поспѣшно сойти съ верблюдовъ. Умныя животные уже знали, что это былъ приближающійся „теббадъ“; съ громкимъ ревомъ опустились они на колѣни, вытянули свои длинные шеи, припали къ землѣ и старались спрятать головы въ песокъ. Только что успѣли мы прилечь сзади ихъ, какъ вѣтеръ съ глухимъ шумомъ пронесся надъ нами, покрывъ насъ слоемъ песка пальца въ два толщины; первые песчинки жгли, какъ искры. Застанъ насъ этотъ вѣтеръ раньше тремя десятками верстъ въ степи,—мы всѣ погибли бы...

Сухой песокъ забивался во всѣ поры. Должно быть, проникъ и въ легкія, потому что дыханіе становилось торопливое, неровное, а между тѣмъ жгучій вѣтеръ все усиливался и усилился. Ему вторили завыванія шакаловъ и ревъ верблюдовъ.

Внутренности мои жгло адскимъ огнемъ, голова болѣла страшно и я уже началъ было впадать въ безпамятство, какъ вдругъ раздался громовой ударъ, а вслѣдъ за нимъ, почти моментально, зашумѣлъ дождь, но дождь душный и горячій, который, казалось, нисколько не осѣжалъ, несмотря на то, что платье наше почти въ минуту промокло до нитки. Песокъ жадно всасывалъ дождевыя капли и почва около насъ была совсѣмъ сухая. Но вотъ верблюды подняли головы, понюхали воздухъ и сами собой, безъ малѣйшаго понуканія, встали. Опасность миновала. Страшный „теббадъ“ пронесся.

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ Пророкъ его!—вдохновенно проговорилъ Кебековъ,—и по его просвѣтлѣвшей фizioноміи я могъ убѣдиться, что мы спасены.

Дождь продолжалъ лить какъ изъ ведра. Половина неба сіяла радужнымъ свѣтомъ тогда какъ другая—была одѣта

разноцвѣтными тучами, то окаймленными пурпуромъ, то черными, безпрерывно мѣняющимися въ фантастическихъ изображеніяхъ, среди которыхъ иногда видѣлась яркая лазурь неба. Радуги то и дѣло являлись то въ одномъ концѣ, то въ другомъ, описывая полныя дуги, въ два и три ряда съ чуднымъ фіолетовымъ отливомъ въ промежуткахъ, но вотъ онѣ испустились концами своими на землю, дождь сталъ затихать, небо ступеньваться. На очистившемся синеватомъ горизонтѣ показалась золотистая полоса и на ней кругъ склонявшагося къ закату солнца; ярко озаряло оно край неба, едва достигая своимъ свѣтомъ высотъ его, который блѣднѣли, блѣднѣли и, наконецъ, скрылись въ поднявшемся туманѣ...

XI. Остановка съ неприятными приключеніями.

Мы довольно поздно пришли къ Чуваръ-Тенизу, гдѣ и расположились на ночлегъ.

Мусульманъ-Кулу становилось совсѣмъ плохо.

Его завернули въ нѣсколько войлоковъ и положили близъ разведеннаго костра. „Авось отлежится!“—проговорилъ Кебековъ. Вотъ ужъ поистинѣ справедлива фраза Гоголевскаго Земляники, что „если больной выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ, а умереть, то и такъ умереть“—невольно пришло мнѣ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, что мы могли подѣлать въ степи, не имѣя подъ руками ни малѣйшаго признака какого-либо медикамента?! Да и какая болѣзнь постигла бѣднаго киргиза? Вѣроятно все, что его поразило солнечный ударъ, а отсутствіе воды усугубило симптомы этой болѣзни. Киргизы вообще чрезвычайно равнодушно относятся къ несчастіямъ ближняго и это происходитъ не въ силу ихъ жестокосердія, а скорѣе въ силу фатализма. „Воля Аллаха!“ вотъ фраза, которою они объясняютъ всякія приключенія и, надо сознаться, что фраза эта не пустой звукъ, а глубокая, непоколебимая вѣра въ Бога

Вода въ озерѣ Чуваръ-Тенизѣ оказалась отвратительной, какого-то необычайно горько-соленого вкуса; къ тому же за нѣсколько десятковъ шаговъ до воды берегъ былъ топкій, илистый; ноги проваливались, почва лопалась и отъ выдѣляющихся изъ нея газовъ не хватало воздуха для дыханія.

Въ воздухѣ пахло грозой. Едва поднявшаяся надъ горизонтомъ луна освѣщала окрестность колеблющимся свѣтомъ и контуры побережнаго камыша, густой щеткой окаймлявшаго озеро, принимали загадочныя, безпрестанно мѣняющіяся очертанія. Царившая вокругъ тишина нарушалась лишь отрывочнымъ кваканьемъ лягушекъ, да изрѣдка криками какой-то ночной птицы.

Въ караванѣ хотя и было оживленіе, но люди двигались, какъ въ полуснѣ: жажда томила всѣхъ и забота читалась почти на каждомъ лицѣ. При вспыхивающемъ свѣтѣ костра я успѣлъ разглядѣть, что эти лица моихъ спутниковъ приняли какую-то обрюзглость и безжизненный желтоватый цвѣтъ. Мнѣ вдругъ сдѣлалось необыкновенно жутко, я почувствовалъ страстную, непреодолимую охоту уйти куда-нибудь какъ можно дальше отъ этого мѣста.

Зачѣмъ люди любятъ движеніе и шумъ? къ чему это непреодолимое желаніе къ путешествіямъ? для чего и кто вложилъ въ душу ихъ желаніе видѣть незнакомыя страны, желаніе заглянуть въ глубину морскую, взлетѣть на планеты небесныя и познакомиться съ тайнами, тамъ сокрытыми?.. Вотъ теперь и привело меня это желаніе въ пустыни, въ ихъ сыпучіе пески и бушующія бури, тогда какъ я преспокойно могъ быть на своей родинѣ, вблизи любимой матери, братьевъ, сестеръ, а то... э-эхъ!

Страшны азіатскія ночи! И Богъ вѣсть, чего-чего не приходится въ голову въ такія ночи!

А кругомъ было все по прежнему тихо и спокойно... Однако, что же это? Неужели я трушу?—вдругъ скользнула новая мысль. Вѣдь все одно: двухъ смертей не будетъ, одной не миновать! нѣтъ, глупо предаваться безпричинному страху. прочь же постыдное чувство, я мужчина, я...

Болѣзненный, страдальческій крикъ, раздавшійся въ эту минуту, буквально поднялъ дыбомъ волосы на моей головѣ; крики, шумъ, ревъ верблюдовъ сдѣлались общими. Верблюды ринулись бѣжать, лаучи за ними, а что было дальше, я не помню...

— Вѣдь этакая ихъ прорва тутъ! я въ жизнь свою столько не видывалъ, знаете, того, этого...

— Вотъ она пословица-то и справедлива, что „нѣтъ худа безъ добра“... не побѣги бы верблюды, такъ мы безъ воды бы и остались, а теперь вотъ чайничекъ кипятимъ!

— Безъ воли Божіей, знаете, волосъ не упадетъ это, съ головы человѣка...

— Да вотъ теперь такъ и волосъ не упадетъ, а давеча первый бросился бѣжать.

— Да я, это, знаете...

— Нечего тутъ: знаете!

— Кто это говоритъ? О чемъ? гдѣ я и что со мной?

Эти вопросы разомъ хлынули, когда я очнулся.

Приподнявшись на локтяхъ, я увидѣлъ предъ собой ярко горѣвшій костеръ, а вокругъ его своихъ спутниковъ, оживленно бесѣдовавшихъ о событіяхъ ночи. Все было тихо и спокойно и если бы не боль въ вискахъ, я подумалъ бы, что все видѣлъ во снѣ.—Воды мнѣ, воды дайте!—хотѣлъ было я крикнуть, но никакого крика кромѣ стона не вышло: губы запеклись, въ горлѣ что-то першило. Однако стонъ этотъ былъ услышанъ и ко мнѣ подошли Телѣжниковъ и Левашевъ. Я молча, но выразительно показалъ, чего хочу, и Семенъ Никитичъ наклонившись что-то влилъ мнѣ въ ротъ.

— Ромцу, знаете, Николай Ивановичъ, того... слава Богу, что очнулись! испейте это, еще, знаете, оно очень полезно!

Дѣйствительно, глотокъ рому меня оживилъ, хотя въ первую минуту вмѣсто облегченія я почувствовалъ какъ будто выпилъ что-то горячее, опалившее и горло, и всѣ внутренности.

— Вотъ, знаете, и расприкрасно!.. а теперь этого, того, чайку мы вамъ приготовимъ, и все это какъ рукой сниметъ!..

Въ скоромъ времени я уже сидѣлъ между своими товарищами и слушалъ рассказъ о ночномъ приключеніи.

Оказалось, что змѣя укусила верблюда и его-то крикъ, въ связи съ полнымъ моимъ нервнымъ разстройствомъ, повергнулъ меня въ обморокъ.

— Змѣевъ здѣсь, Николай Ивановичъ, знаете, миллионы ползаютъ—видимо невидимо, того—этого агромадное количество!—пояснялъ мнѣ Телѣжниковъ.—Когда вы, это, изволили упасть безъ чувствія, я подбѣжалъ первый къ вамъ и увидѣлъ...

— Да не ври ты, сдѣлай милость! Первый-то ты дѣйствительно былъ первый, да только тотъ, который, какъ сумасшедшій, ринулся съ воплемъ бѣжать, сломя голову, только верблюдовъ напугалъ!..

— Нѣтъ, это вы напрасно, господинъ Левашевъ, знаете, такъ говорите, потому какъ я вове змѣй не боюсь совсѣмъ даже...

— Батюшки, Семенъ Никитичъ, смотри у тебя на плечѣ какой „полозъ“ *) сидитъ! сбрось, сбрось его!..

Отвѣтомъ на это былъ дикій пронзительный крикъ помертвѣвшаго храбреца.

— Ну, успокойся, никого на тебѣ нѣту; не люблю я только, какъ зря люди хвастаютъ.

Дѣйствительно, мѣстность, гдѣ мы остановились, буквально кишѣла змѣями. Я сталъ присматриваться и увидѣлъ, что ихъ повсюду множество, начиная отъ маленькихъ пятивершковыхъ, до порядочныхъ—въ пять и даже болѣе футовъ. Онѣ ползали на разстояніи двухъ-трехъ саженъ во-

*) Полозъ—особый родъ змѣй. Формой онѣ напоминаютъ колбасу: эти змѣи цвѣтомъ черныя, лоснящіяся. Въ Туркестанскомъ краѣ змѣй встрѣчается много разновидностей, но о присутствіи особенно ядовитыхъ я не слыхалъ, исключая мѣдвяницъ. Тѣ живутъ преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ, змѣи же, живущія вблизи воды—безусловно безвредны.

кругъ насъ, но опасности намъ не предстояло никакой: во первыхъ, потому, что змѣи эти не были вовсе опасны, а во-вторыхъ, предусмотрительные туземцы обложили нашъ бивуакъ волосатымъ арканомъ, въ видѣ круга въ діаметрѣ въ нѣсколько сажень, радіусы отъ центра котораго къ краямъ были (какъ уже выше замѣчено мною) до трехъ сажень. Это была вполне достаточная гарантія, такъ какъ извѣстно, что ни одна змѣя въ мірѣ не въ состояніи переползти чрезъ такую преграду. Отчего это происходитъ—объяснить не берусь, но это фактъ.

Наше сосѣдство должно было раздражать змѣй, потому что онѣ шипѣли и производили сухой непріятный шумъ, происходящій отъ того, что чешуя одной змѣи шуршала о другую, когда онѣ переползали другъ черезъ дружку.

Нечего сказать, пріятное сосѣдство!

— А какъ же верблюды-то?—спросилъ я.

— Мы и ихъ тоже окружили арканомъ, веревокъ-то, слава Богу, хватить!

— Но вѣдь, кажется, одинъ верблюдъ укушенъ, что опасно, или нѣтъ?

— Кебековъ прижегъ ему укушенное мѣсто, ничего, пройдетъ теперь.

— Какъ прижегъ? Чѣмъ?

— А шомполъ накалилъ, да и запустилъ на вершокъ въ рану, благо ее сразу было видно, на холкѣ, должно быть прилежъ, а она его и куснула стерва.

— Ну, а воду-то гдѣ вы взяли? вѣдь это совсѣмъ не озерная вода?

— Я и говорю—нѣтъ худа безъ добра: когда мы кинулись за разбѣжавшимися верблюдами, то не далѣе какъ въ полверстѣ нашли колодезь—теперь, слава Богу, до самыхъ Тендерлей воды хватить.

Вскорѣ, за чаемъ, я забылъ всѣ невзгоды и съ удовольствіемъ глоталъ живительный напитокъ. Тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ бодрствовать остатокъ ночи, да и всѣ въ караванѣ пришли къ заключенію, что гораздо лучше спать днемъ.

Вопреки всякимъ ожиданіямъ, Мусульманъ-Куль отлежался. Вѣроятно, въ выздоровленіи его играла большую роль вода, а можетъ и запрещенный кораномъ ромъ, котораго сердобольный Телѣжниковъ влилъ порядочную дозу въ запекшійся ротъ киргиза. Какъ бы то ни было, а Мусульманъ-Куль настолько оправился, что могъ свободно сидѣть на верблюдѣ.

Свѣжая вода и послѣдождевой воздухъ буквально оживили всѣхъ. Верблюды тоже чувствовали себя хорошо и мы съ обновленными силами тронулись въ путь, благодаря Аллаха, ниспославшаго намъ воду, безъ которой въ степи—смерть.

Песчаные наносы то смѣнялись солончаковыми полянами, лишенными всякой растительности, то послѣднія снова уступали мѣсто сплошнымъ сыпучимъ пескамъ, съ пробивавшимися по нимъ гребенщикомъ и колючкой. На каждомъ шагу попадались отталкивающего вида небольшія искрасна сѣрыя ящерицы, быстро шнырявшія по песку и исчезающія въ своихъ микроскопическихъ норкахъ.

Утомленный знаніемъ и тревоженіями почи я, устроившись сколько было можно, удобнѣе, приготовился задать „храповицкаго“. Волнообразная мѣстность не открывала широкаго кругозора и, бесконечно лавируя между барханами, глазъ не встрѣчалъ ничего интереснаго...

— Эхъ, ты Азія печальная!..—раздалось пѣніе Левашева, но слѣдующей строки я уже не слышалъ: сонъ и усталость взяли свое...

XII. Первая подозрѣнія.

Я не могъ бы сказать, долго ли спалъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то толкаетъ меня и что-то кричить.

— Тюра, а тюра! эй проснись!..—раздалось около меня. Я слышалъ ясно это обращеніе и даже узналъ голосъ Басантіева, но проснуться не могъ.

— Пожалста, тюра, эй!..

Я притворился спящимъ, но злодѣй мальчишка, повидимому, не хотѣлъ отстать, не разбудивши меня, и снова закричалъ, а затѣмъ началъ трясти меня за плечо.

— Что тебѣ надо?—свирѣпо спросилъ я, открывая, наконецъ, глаза.

— Джаманъ, тюра: хазыръ мулла Басманъ китты, анда чуль китты! Тулайманъ джаманъ *).

— Что такое? кто китты?

— Таджикъ!..—и Басантіевъ, сильно взволнованный, рассказалъ мнѣ, что Таджикъ Саидъ велъ себя все время очень странно: нѣсколько разъ сворачивалъ въ сторону, кричалъ, прислушивался, затѣмъ опять возвращался и близко-близко подѣзжалъ къ моему верблюду, разъ даже Басантіеву показалось, будто онъ хотѣлъ тихонько вытащить мой мултъ, но вдругъ встрѣтился со взглядомъ мальчугана, смутился, молча погрозилъ ему кулакомъ и быстро поѣхалъ „вонъ за тѣ барханы“. При этомъ хорошенькіе глазенки мальчишки такъ и засверкали.

Дѣло на мой взглядъ становилось дѣйствительно „тулайманъ джаманъ“ и я хотѣлъ уже обо всемъ рассказать Кебекову или Левашеву, какъ вдругъ слѣва, изъ-за песчаныхъ бугровъ, показался самъ виновникъ нашей тревоги Саидъ-Басманъ. Онъ подѣзжалъ прямо ко мнѣ и сталъ рассказывать, что отлучался за барханы, чтобы сдѣлать намазъ. Лицо его было совершенно спокойно, но я этому не повѣрилъ.

— Расскажу при первомъ же удобномъ случаѣ Кебекову, а пока надо въ оба слѣдить за этимъ подозрительнымъ таджикомъ!—рѣшилъ я и, по возможности, спокойно спросилъ:

— Почему же ты, мулла, отѣзжалъ за барханы творить свой намазъ?

— За этими барханами есть мазарка нашего святого, я и ѣздилъ поклониться его праху!—спокойно и даже нѣсколько внушительно отвѣтилъ тотъ.

*) Не хорошо, баринъ! сейчасъ Саидъ-Басманъ уѣхалъ; вонъ туда въ степь уѣхалъ. Совсѣмъ скверно!

Вотъ и извольте разсуждать съ нимъ!

— А какого святого?

— Чингисъ-хана.

Имя Чингисъ-хана окружено такимъ туманомъ вымысловъ; столько баснословныхъ сказаній приплетено къ исторіи, что сквозь нихъ едва можно отличить настоящій очеркъ этого необыкновеннаго человѣка, которымъ гордятся номады, и о которомъ съ ужасомъ вспоминаетъ остальное человѣчество.

Пользуясь случаемъ, я попросилъ муллу Саидъ-Басмана рассказать мнѣ о Чингисъ-ханѣ, котораго онъ такъ рѣшительно произвелъ въ святыя и который былъ извѣстенъ мнѣ какъ простой завоеватель.

Мулла охотно исполнилъ мое желаніе и рассказалъ исторію, которую я привожу ниже. Правда, въ моихъ устахъ покажется сухъ и холоденъ этотъ рассказъ, потому что народныя преданія то же, что лепетъ ребенка, который понятенъ только людямъ близкимъ ему. Но послушали бы вы степняка, среди обстановки окрестной природы, среди безусловнаго отчужденія отъ цивилизаціи, и при совершенномъ уединеніи,—вы навѣрно увлеклись бы имъ, подобно мнѣ.

Однако-жъ мулла, прежде чѣмъ рассказать о самомъ Чингисъ-ханѣ, передалъ мнѣ повѣсть о происхожденіи таджикскаго племени. Вотъ она.

„Тысячи за двѣ лѣты до Чингисъ-хана, народъ таджикскій былъ истребленъ другими кочевыми племенами до основанія; осталось только два человѣка—Тугузъ и Турдешъ и двѣ женщины Саната и Хурмасъ-ай. Они спаслись бѣгствомъ въ неприступныя горы Беръ-Казанъ-ай. Въ этихъ, обильныхъ водою и травою, привольныхъ для кочевья мѣстахъ потомство двухъ семей размножилось быстро, такъ что вскорѣ надо было искать средствъ выйти изъ тѣснинъ Беръ-Казана. Потомки Тугуза и Турдеша коротко были знакомы съ горнымъ и чугуноплавильнымъ дѣломъ, занимаясь издавна добычею желѣза, а потому на общемъ совѣтѣ положено было расплавить гору и тѣмъ проложить себѣ

путь изъ этого ущелья. Навалили огромные костры лѣса и стали раздувать огонь сотнями, а можетъ быть и тысячами мѣховъ,—и желѣзная гора расплавилась и потекла, образовавъ свободный проходъ. Въ воспоминаніе-то этого событія, въ старыя времена, въ первый часъ перваго дня новаго года, кузнецы ковали желѣзную полосу въ присутствіи самихъ хановъ, а не въ ознаменованіе памяти Чингисъ-хана, который будто бы былъ въ началѣ кузнецомъ.“

„Одинъ изъ Беръ-Казанскихъ выходцевъ поселился съ своимъ племенемъ на берегахъ Каза-Узяка. Потомокъ его, Сабатаръ-Сатыкей, оставилъ по смерти своей молодую вдову Алунъ-гою, происходившую изъ племени Курласъ, и двухъ сыновей. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти своего супруга Алунъ-гоя родила трехъ сыновей. Когда родственники Сатыкея стали укорять вдову, она старалась отдѣлаться отъ нихъ баснею, будто бы родила сыновей отъ луча свѣта. Отъ одного-то изъ этихъ трехъ сыновей, по имени Буданчара, произошелъ въ восьмомъ колѣнѣ Чингисъ-ханъ“.

„Исугай-Багадуръ былъ главою племени „Кіатъ“ и „Наругъ“, которое впослѣдствіи къ нему присоединилось. Возвратившись однажды домой изъ своего опустошительнаго набѣга, онъ нашелъ у себя сына, котораго родила одна изъ женъ его Улунъ-Экэ („Улунъ“—облако, „экэ“—мать). Исугай назвалъ сына Тимучинъ *). Этотъ Тимучинъ, принявшій впослѣдствіи столь грозное имя Чингисъ-хана, родился у горы Дулунъ-Булданъ, которая находится между Онономъ и Керелуномъ. Онъ явился на свѣтъ съ кускомъ запекшейся крови въ правой рукѣ“...

Впослѣдствіи мнѣ приводилось слышать много и другихъ вариантовъ о происхожденіи Чингисъ-хана; впрочемъ, мѣсто рожденія этого героя почти всѣми показывается одинаково, но о мѣстѣ погребенія его устные показанія туземцевъ и письменныя историковъ разногласятъ между собою.

*) По однимъ сказаніямъ, въ воспоминіе убитаго имъ въ этомъ набѣгѣ начальника племени Тимучинъ-ага; по другимъ—въ ознаменованіе крѣпости силъ младенца: Тимучинъ значитъ лучшее желѣзо.

Мелла, Гобиль и другіе согласны съ тѣмъ, что Чингисъ-ханъ умеръ во время похода своего въ Тангутъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, на берегахъ Сидзяня. Еще за годъ до смерти своей Чингисъ-ханъ, которому вѣщій сонъ предсказалъ скорую смерть, назначилъ послѣ себя преемникомъ Оготая, завѣщавъ дѣтямъ своимъ пуще всего жить въ мирѣ и дружбѣ между собою. Чувствуя приближеніе смерти, онъ позвалъ своего сына Тулуя, единственнаго, который въ то время находился при немъ, и своихъ полководцевъ и начерталъ имъ планъ дальнѣйшихъ завоеваній. Онъ умеръ послѣ восьмидневной болѣзни въ 1227 году, на 66 году своей жизни и 22 году правленія *). Тѣло его было вывезено изъ лагеря тайно, чтобы непріятель не узналъ о кончинѣ человѣка, котораго одно имя стоило цѣлой арміи; всякій, кто встрѣчался на пути, былъ предаваемъ смерти, по словамъ иныхъ для того, чтобы не распространять роковой вѣсти, по словамъ другихъ—для того, чтобы отправлялся вслѣдъ за своимъ повелителемъ на службу. Чингисъ-ханъ былъ погребенъ, по сказанію историковъ, на одной изъ горъ Бурханъ-Калдуна, изъ отроговъ которой выходятъ Ононъ, Керелунъ и Тола **). Говорятъ, онъ самъ указалъ это мѣсто, попавъ сюда однажды во время охоты случайно и пораженный величественнымъ видомъ его. Гора впослѣдствіи заросла густымъ лѣсомъ и самый слѣдъ могилы исчезъ и показывается совершенно различно. По смерти Чингисъ-хана, на три дня пути кругомъ стояли войска и сторожили тѣло героя; убили и тѣхъ, кто рылъ его могилу и тѣхъ, кто провожалъ его; на мѣстѣ ея пустили тысячу лошадей, чтобы притоптали и сгладили равнину и самый слѣдъ могилы исчезъ навсегда отъ потомства, которое въ озлобленіи, восторжествовавъ наконецъ надъ побѣдителями, могло бы надругаться надъ прахомъ Чингисъ-хана.

*) Исторія Юаньскаго дома. Джами-утъ-Теварикъ.

**) Марко-Поло говоритъ—на Алхатѣ, что довольно близко сходится съ показаніемъ другихъ (Изд. Бержерона, кн. 1-я, глава XIII и слѣд.).

Такимъ образомъ ясно, что мулла Саидъ Басмавъ или жестоко вралъ о могилѣ святого, очутившейся, будто бы, за этими барханами, или наивно заблуждался самъ, если только онъ и вправду ѣздилъ за барханы на могилу, а не для иной какой-нибудь цѣли. Подозрѣвать его въ чемъ-нибудь дурномъ мы пока не имѣли никакихъ основаній, но киргизская степь да еще въ началѣ 70-хъ годовъ представляла отнюдь не менѣе опасностей, чѣмъ и дикія преріи дальняго запада Америки, такъ что осторожность не мѣшала.

Я слѣзъ съ верблюда подъ предлогомъ пройтись, ускорилъ шагъ и направился къ Кебекову.

— Бай, ты хорошо знаешь нашего таджика?

— А что?

— Да по нѣкоторымъ признакамъ онъ не внушаетъ мнѣ особаго довѣрія и я думаю, что не мѣшало бы за нимъ послѣдить.

Кебековъ на это ничего не отвѣтилъ, но по его задумчивому виду я догадался, что и ему не чужды были сомнѣнія; однако жъ, немного погодя, онъ отвѣтилъ:

— Бояться нечего, лѣтомъ караваны почти безопасны отъ разграбленія.

— То то и оно, что *почти*. Значитъ бывали же случаи и лѣтомъ, да и отчего именно лѣтомъ ихъ быть не можетъ?

— Ты вѣдь знаешь, что у насъ изъ за воды-то произошло! Хвала Аллаху, что до колодцевъ добираемся безъ убыли... ну, а разбойники тѣ же люди: углубляться далеко въ степь не всякій-то рѣшится.

— Дай Богъ, чтобы обошлось благополучно! Я вѣдь это только такъ сказалъ, на всякій случай... Ну, а теперь пойду позавтракаю, чѣмъ Богъ послалъ, да, пожалуй, и опять спать *завалюсь*: вонъ въ караванѣ-то почти всѣ спятъ.

Дѣйствительно, караванъ представлялъ сонное царство, и мнѣ невольно сдѣлалось жутко: да и какъ не западетъ на сердце тоска, когда нѣсколько часовъ сряду нѣтъ никакого выхода изъ этой какъ бы бездушной сферы, а дни

такіе свѣтлые и жаркіе, воздухъ прозраченъ, синева неба безукоризненная, развѣ покажется какая-нибудь легкая бѣлесоватая прожилка случайнаго облачка—и та стоитъ неподвижно. Однимъ словомъ, мертвая степь и все кругомъ какъ бы заснуло въ могильномъ, вѣковомъ снѣ. Это величіе степи производитъ глубокое впечатлѣніе даже на номадовъ.

XIII. Пески въ пустынь.

Не успѣли мы пройти и ста сажень, какъ на горизонтѣ показался великолѣпнѣйшій миражъ. Этотъ феноменъ поразительно хорошъ въ горячей сухой атмосферѣ средне-азиатскихъ степей и представляетъ самую великолѣпную оптическую иллюзію, какую можно только себѣ представить. На безоблачномъ небѣ картины смѣнялись одна другой: города, башни, замки,—все это плясало въ воздухѣ; огромные караваны, стремительно скачущіе всадники и пѣшіе люди самыхъ гигантскихъ размѣровъ, ежеминутно исчезали въ одномъ мѣстѣ, чтобы вновь появиться въ другомъ. Почти всѣ мои спутники проснулись и съ какимъ-то почтительнымъ страхомъ относились къ этому явленію. Они думали (какъ я потомъ узналъ), что это—ничто иное, какъ призраки, духи людей и городовъ, нѣкогда существовавшихъ здѣсь. Кебековъ положительно утверждалъ, что онъ нѣсколько разъ видѣлъ одиѣ и тѣ же фигуры на этомъ самомъ мѣстѣ и что если намъ, или кому бы то ни было, суждено погибнуть въ степи, то чрезъ нѣсколько лѣтъ мы также будемъ плясать въ воздухѣ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ приключится гибель.

Цѣлые циклы такихъ легендъ, намекающихъ на какую-то цивилизацію, затерявшуюся въ степи, недалеко ушли отъ новѣйшей европейской теоріи, которая утверждаетъ, что тѣ или другія мѣстности приходятъ къ разоренію или опустошенію не столько вслѣдствіе теченія естественныхъ законовъ, сколько вслѣдствіе измѣненія общественныхъ условій, общественнаго положенія ихъ населенія. Въ

примѣръ приводятъ великую Сахару въ Африкѣ и степи Средней Аравіи, гдѣ не такъ ощутителенъ недостатокъ въ годной, плодородной землѣ, какъ въ рабочихъ промышленныхъ силахъ.

Можетъ быть подобное предположеніе отчасти справедливо по отношенію къ этимъ двумъ странамъ, но его ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя примѣнить къ степямъ Средней Азіи. Правда, въ прошломъ столѣтіи нѣкоторыя мѣстности, какъ напримѣръ, Мервъ, Мангишлакъ, Гергенъ и Атрафъ находились въ лучшихъ культурныхъ условіяхъ, нежели теперь, но вообще эти азіатскія степи были искони вѣка самыми безотрадными, вопіющими пустынями. Огромныя пространства на нѣсколько дней пути безъ капли воды годной для питья, сотни верстъ въ глубокихъ пескахъ, чрезвычайная рѣзкость климата и тому подобныя препятствія способны охладить и затормозить самыя пламенные стремленія самыхъ восторженныхъ цивилизаторовъ. Тутъ ничего не подѣлаютъ ни наука, ни искусство и не даромъ мулла Кебековъ, въ сущности глубочайшій философъ, былъ убѣжденъ въ томъ что *„Аллахъ создалъ Туркестанъ и его жителей въ порывѣ гнѣва, и пока изъ его нѣдръ будутъ бить соленые горькіе ключи, до тѣхъ поръ сердца людей будутъ полны злобы и горечи“*...

Кара-кумы въ этомъ отношеніи совсѣмъ не то, что напримѣръ Фергана, эта бывшая долина рая. Я говорю бывшая вотъ почему: въ описаніяхъ (Наманганскаго и Андижанскаго уѣздовъ) у Султана Бабера (въ XIV в.) мы находимъ, что на берегахъ Сыръ-Дарьи были цвѣтушіе многолюдные города, обширныя болотистыя и камышевыя заросли, густые лѣса. Теперь же тамъ мертвая песчаная пустыня; населеніе въ этихъ мѣстахъ сравнительно съ находимыми у него данными, имѣетъ въ настоящее время несравненно меньшую густоту, что конечно тѣсно связано съ уменьшеніемъ земельныхъ пространствъ, удобныхъ къ воздѣлыванію. По послѣднимъ изслѣдованіямъ, главная причина этого печальнаго явленія заключается въ безпощадномъ истреб-

леніи лѣсовъ, покрывавшихъ горные склоны, со всѣхъ сторонъ окружающіе долину; обезлѣсеніе ведетъ за собой быстрое весеннее таяніе снѣговъ, которые образуютъ безчисленные горные потоки, размывающіе горныя породы и уносящіе ихъ измельченными внизъ. Тамъ, гдѣ русло горныхъ рѣчекъ становится положе, эта водяная муть постоянно отлагается въ видѣ огромныхъ песчаныхъ отмелей; отсюда уже вѣтеръ разноситъ песокъ по долинамъ. Напрасно осѣдлые жители кишлаковъ, смежныхъ съ песчаными степями, густо обсаживаютъ окраины своихъ полей таломъ и сравнительно выносливымъ къ жару джидовникомъ: раскаленный лѣтнимъ зноемъ песокъ или сжигаетъ деревья, или покрываетъ ихъ барханами вышиною въ нѣсколько сажень. Такіе барханы часто наносятся въ одну ночь, а черезъ день или два мѣсто бывшаго накануне бархана очищается и вѣтеръ переноситъ его на болѣе или менѣе значительное разстояніе въ сторону. Проходитъ нѣсколько десятковъ, а иногда только нѣсколько лѣтъ,—и цвѣтущее населеніе брошено разоренными жителями и обратилось въ пустыню. Двѣ—три породы степного вереска, приспособившагося къ мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, являются энергичными союзниками жителей въ борьбѣ ихъ съ песчаной силой; но невѣжество и бѣдность туземцевъ мѣшаютъ имъ дать настоящую цѣну этимъ растеніямъ: всю осень и зиму киргизы шныряютъ по степи съ ишаками, нагружая постѣднихъ идущимъ на топливо верескомъ, который они срываютъ съ вершинъ оплетенныхъ и скрѣпленныхъ имъ песчаныхъ бархановъ.

Такимъ образомъ, районъ песчанаго царства раздвигается все шире и шире, отвоевываая у культурныхъ оазисовъ полосу за полосой.

Кара-кумскіе пески, напротивъ, никогда не имѣли лучшаго прошлаго. По крайней мѣрѣ указаній на это нельзя встрѣтить ни въ устныхъ преданіяхъ номадовъ, ни, тѣмъ болѣе, въ какихъ-либо письменныхъ источникахъ.

Много и много пройдетъ еще десятковъ лѣтъ, а эти без-

брежные пески все будут покоиться въ глубокомъ снѣ своей дѣвственной природы и никакому волшебнику не разбудить ихъ. Не застучитъ топоръ, не зазвенитъ лопата, не заблестятъ косы на пустынныхъ окрестностяхъ...

А воды у насъ оставалось опять мало! Люди начинаютъ уже замѣтно томиться и сегодняшняя ночевка нисколько не походила на предыдущія. Правда, и поваръ Кулпашка суетился не меньше, и кобузь было зазвенѣлъ, да тотчасъ же и замолкъ. Должно быть игравшій сообразилъ о неумѣстности подобнаго веселья.

Я растянулся у костра на разостланномъ одѣялѣ и смотрѣлъ, какъ Левашевъ хлопоталъ около свсего коня, протирая ему полый халата ноздри и награждая самыми отборными ласковыми именами. Сегодня и спать всѣ раньше улеглись, какъ бы желая скорѣе скоротать время. Всѣмъ какъ-то не по себѣ было, а тутъ еще Телѣжниковъ расхандрился, хотя, повидимому, и старался поселить надежду въ другихъ.

— Возверзи на Господа печаль свою!—совѣтовалъ онъ, но говорилъ это такимъ ноющимъ тономъ, что просто тошно становилось.

Все дѣло въ томъ, что Кебековъ, повидимому, заблудился. Воды мы съ собой взяли ровно столько, сколько надо было, чтобы дотянуть до колодцевъ. И колодцы сегодняшній день обязательно должны были встрѣтить, но... или засыпало ихъ пескомъ, или просто на просто миновали ихъ. Вотъ и барханъ Сурупчаха, и Умаровы лога миновали, а колодца нѣтъ какъ нѣтъ.

— Да скоро ли мы доберемся до него?—въ сотый разъ спрашивалъ я караванъ-баша.

— Якынъ, якынъ—курмайсызма! *)—отвѣчалъ Кебековъ, но я ровно ничего не видѣлъ. Палящіе лучи солнца раскалили песокъ и въ воздухѣ чувствовалась какая-то истома, точно опъ весь былъ пропитанъ всеизсушающимъ зноемъ и незамѣтно въ немъ ни малѣйшаго колебанія. Только ма-

*) Близо, близо, развѣ не видишь!

рево струится вдали, представляя утомленнымъ глазамъ на открытыхъ пескахъ причудливые миражи.

— А не есть ли эти миражи въ сущности галлюцинаціи разстроеннаго мозга?—вдругъ откуда-то прилетѣла мнѣ мысль и, признаюсь, волосы на моей головѣ начали подниматься дыбомъ. Я слишкомъ много слышалъ о томъ, что значить заблудиться въ степи, да даже и не заблудиться, а просто хотя на день ошибиться и не встрѣтить колодцевъ.

По караваннымъ дорогамъ колодцы устраиваются обыкновенно верстахъ въ 40 другъ отъ друга, такъ что если сегодня мы не замѣтили и прошли мимо воды, то значить цѣлыя сутки раздѣляютъ насъ отъ слѣдующаго кудука, а это поистинѣ ужасная перспектива. Да и что это за вода! Или невозможно соленая, или ужъ до того прѣсная, что непривычному человѣку просто противно пить ее.

— А что какъ мы не найдемъ и Тендерли?—снова сверлила мой мозгъ другая мысль. Вѣдь въ степныхъ колодцахъ вода зачастую плѣснѣветъ и протухаетъ; въ нихъ заводятся цѣвки, лягушки, мокрицы и всякая прочая дрянь, брр!..

Я опять взглядывалъ на Кебекова, но его загорѣлое лицо, покрытое крупными каплями грязнаго пота, мало предвѣщало хорошаго.

— Что, Тамыръ, не спишь, аль днемъ выспался?—подоселъ онъ ко мнѣ, усаживаясь на корточки.

— Да, не хочется что-то!—отвѣчалъ я—подвигаясь немного, чтобы очистить уголокъ одѣяла для караванъ-баша. Мы замолчали.

— Больно ночь хороша!—восторженно воскликнулъ старикъ и, какъ-бы про себя, добавилъ уже на своемъ родномъ діалектѣ:—„Кукъ ничиккня, аязъ: бэргняди булутъ кисяки джукъ!“ (Какое ясное небо, нѣтъ ни одной тучки!)...

А ночь была дѣйствительно хороша. Луна яркимъ свѣтомъ обливала пески, кругомъ царила абсолютная тишина, изрѣдка только нарушаемая доносившимся откуда-то неаріатнымъ, хотя и оригинальнымъ воємъ шакаловъ, должно бытъ, почуявшихъ нашъ бивуакъ.

— А что, бай, ты много годовъ живешь на свѣтѣ, много видѣлъ и самъ пережилъ, расскажи-ка мнѣ что-нибудь изъ вашего быта!—обратился я съ просьбой къ Кебекову.

— Да что же рассказать-то тебѣ?

— Ну вотъ, на примѣръ, замѣчаю я, что повсюду у киргизъ непокрытая бѣдность; бывалъ вѣдь я и у Аральскаго моря, и въ Аулие-Ата, и около Каракола: вездѣ твои соплеменники оборваны, полуголодны. Гдѣ же эти стада барановъ, у кого косяки лошадей, о которыхъ приходилось нерѣдко слышать? Не выдумки-ли ужъ эти рассказы про привольное житье твоихъ единовѣрцевъ?

— Зачѣмъ выдумки! Дѣйствительно нынѣ нашъ народъ очень сталъ бѣденъ, но были и лучшія времена.

— Вотъ ты и расскажи, когда это было и въ силу какихъ обстоятельствъ измѣнилось такъ все? Вѣдь навѣрное ты засталъ это блаженное время?

— Засталъ и я многое. А все же того времени, о которомъ поютъ въ пѣсняхъ наши старики,—мнѣ нельзя помнить. Давно это было, очень давно. Теперь все измѣнилось къ худшему, сама природа совсѣмъ не такая была; теперь не то!

— Ну, и этотъ затянетъ сказку про „доброе старое время“,—подумалъ я и перебилъ рассказчика весьма наивнымъ вопросомъ: ты, мулла, лучше мнѣ вотъ что скажи—любятъ-ли у васъ такъ же, какъ, на примѣръ, у насъ? Или это чувство киргизамъ, какъ дикарямъ, совсѣмъ недоступно? Старикъ улыбнулся.

— А ты думаешь, что молодыя сердца не у всѣхъ одинаково бьются? Любятъ всѣ, какъ Аллахъ велѣлъ. У насъ даже сильнѣе любятъ, чѣмъ вашъ народъ, потому что наши „дикири“ (Кебековъ сильно подчеркнул это слово) и теперь еще не такъ испорчены, какъ вы... бывалъ я въ Нижнелъ и еще кой-гдѣ приводилось, посмотрѣлся на вашу молодежь... э, да что говорить! У васъ бабу за деньги всегда купить можно, ровно овцу, а наша баба и сейчасъ не имѣетъ своей воли. Твердо еще блюдутся обычаи, освященные ста-

риной: наша баба выходитъ замужъ за того, кому просватываютъ ее въ дѣтствѣ и даже жениха своего не видитъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не выплатитъ калыма и не беретъ ее въ свой аулъ...

Мнѣ такой выводъ не понравился и я не безъ ехидства выпалилъ слѣдующую фразу:

— Ну, вотъ то-то и есть! согласишься самъ, что любить человека не зная и даже не видя его—вещь нелѣпая; къ тому же развѣ вашъ калымъ не таже купля женщинъ?..

— Не бери грязи въ ротъ,—перебилъ съ досадой рассказчикъ,—ты вѣдь не адвокатъ, не вилай какъ лисица; зачѣмъ хочешь сбить меня съ толку? Я понимаю продажность русской бабы совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, а нашъ калымъ есть ничто иное, какъ народный обычай. У васъ, русскихъ, не случается развѣ, что женятся тоже не зная другъ-друга до самой свадьбы, а потомъ влюбляются, привыкаютъ и бываютъ счастливы въ супружеской своей жизни? Нашъ народъ можетъ любить сильно и еще какъ! Хочешь послушать исторію про любовь одного батыря?

— Пожалуйста расскажи, объ этомъ-то я и просилъ тебя.

— Ну, слушай,—и старикъ сталъ мнѣ рассказывать одну изъ тѣхъ трогательныхъ легендъ, которую можно услышать только отъ неиспорченнаго сына степей.

XIV. Легенда про былое киргизовъ.

Много времени тому назадъ, — началъ Кебековъ, — еще отецъ мой былъ маленькій и слышалъ отъ своего отца, что въ знаменитомъ въ то время родѣ Джувантоякъ *), кочевавшемъ по Далаганскимъ горамъ, былъ молодой батырь по имени Сергале **). Исполнилось Сергале двадцать лѣтъ.

*) Киргизскіе роды носятъ названіе по имени основателей ихъ.

**) Батырь—тоже, что и русскій сказочный богатырь. По понятіямъ киргизовъ, батыри, нынѣ совершенно исчезнувшіе, отличались не только физической силой, смѣлостью и храбростью, но и выдающимся умомъ и честностью. Прежде батыри имѣли громадное значеніе въ

Жажда жизни и подвиговъ въ молодомъ батырѣ была очень сильна, избытокъ силъ билъ ключемъ... Онъ тосковалъ отъ бездѣтельности, мирная монотонная жизнь его не удовлетворяла. Была у него и жена, съ которой онъ жилъ, но не приходилась она по душѣ ему, хотя и исполняла всѣ желанія своего молодого мужа, не упуская усердно заниматься хозяйствомъ. Она еще въ дѣтствѣ была высватана ему, не видалъ онъ невѣсту до 18 лѣтъ, а потомъ тихая, покорная, безгласная, она наводила на него только тоску и нисколько не затрогивала теплыхъ струнъ его молодого сердца...

Тоска по чѣмъ-то неизвѣстномъ, неизвѣданномъ тѣснила грудь Сергале, туманила его умъ, такъ какъ не можетъ же умъ оставаться спокойнымъ и холоднымъ, когда горитъ душа. Онъ рѣшился отправиться къ славившемуся въ то время Абызу *) Кельдею, жившему въ горахъ Боноръ-Дага, съ дѣлюю узнать свою судьбу.

Кельдей абызъ былъ несообщительный, съ мрачнымъ характеромъ и угрюмымъ видомъ, старикъ. Холодомъ вѣяло отъ него, а когда начиналъ онъ свои предсказанія, сопровождая ихъ наводящими ужасъ гримасами и тѣлодвиженіями, то робкіе убѣгали отъ него, не дожидаясь даже игры на кобюзѣ, на которомъ старикъ игралъ такъ, какъ не умѣютъ уже играть нынѣ: у слушателей невольно навертывались слезы, какъ и у самого игрока и онъ начиналъ отрывисто

народѣ, чтисъ имъ, такъ какъ они употребляли всѣ силы свои какъ физическія, такъ и духовныя, на пользу народа, были въ этомъ отношеніи, такъ сказать, прямолинейны и безупречны. Они появлялись на сцену только въ затруднительныхъ случаяхъ народной жизни, а въ мирное время всегда помогали торжествовать правдѣ.

Никто не могъ упрекнуть истиннаго батыря въ томъ, что онъ покривилъ душой, далъ разгуляться своей удали и молодечеству только для прославленія свсего имени, а не того рода, къ которому онъ принадлежалъ,—такъ какъ этого и быть не могло.

*) Абызъ или бакса (бакша)—такъ называется у киргизовъ предсказатель будущаго. Типы предсказателей — отголосокъ стариннаго шаманизма того времени, когда киргизы кочевали въ границахъ Китая и откуда вышли вслѣдъ за Уйгурами.

выкрикивать предсказанія, упорно и дико смотря въ глаза рѣшившемуся заглянуть въ будущее *)...

Сергале тихо подѣзжалъ къ стоявшей одиноко въ скалахъ Боноръ-Дага убогой желомейкѣ Кельдея и невдалекѣ остановился какъ очарованный: изъ желомейки прорицателя неслись такіе заунывные звуки, что становилось томительно жутко, тяжело, но слушать эту волшебную музыку хотѣлось еще и еще, не отрываясь; хотѣлось, чтобы эти чарующіе звуки не прерывались долго, долго: они многое говорили душѣ, въ которой что-то какъ бы пробуждалось отъ долгаго сна и вторило рыдающимъ звукомъ чудной музыки.

Но вотъ и прекратились ласкавшіе ухо чудные звуки, а Сергале все стоялъ какъ бы въ забытѣ и не понуждалъ своего скакуна сдѣлать нѣсколько шаговъ, отдѣлявшихъ его отъ желомейки музыканта.

— Батырь Сергале!—раздался вдругъ грубый голосъ,— что стоишь, не подѣзжаешь? Или забылъ, зачѣмъ пріѣхалъ?

Очнулся тогда Сергале и удивился, что его называютъ по имени. Старый абызъ не могъ его знать, такъ какъ никогда раньше не видѣлъ; но Сергале не поддавался этому первому чувству страха, спокойно подѣхалъ къ юртѣ, слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее къ „бельдеу“ **), вошелъ въ желомейку.

Мрачный старикъ, не давши Сергале проговорить обычныхъ привѣтствій, не дожидаясь и вопросовъ, за разъясненіемъ которыхъ онъ пріѣхалъ, сказалъ грубымъ голосомъ, не сводя при томъ угрюмаго взгляда съ глазъ батыря, котораго онъ какъ бы изучалъ.

*) Нынѣ уже такихъ чистыхъ типовъ предсказателей нѣтъ. Да и самыя пріемы ихъ измѣнились, какъ и способы, какими они дѣйствуютъ на слушателей; они измѣльчали и уже не производятъ того подавляющаго впечатлѣнія на слушателей, какое производили въ старину.

**) Веревка, которою закрѣпляютъ *турму*—кошму, обивающую нижнюю часть деревяннаго остова юрты, и къ которой привязываютъ пріѣзжіе посѣтители лошадей.

— Мнѣ ранѣе открыто было, что ты, Сергале, долженъ ко мнѣ пріѣхать и даже извѣстны причины и цѣль этого. Предъ твоимъ пріѣздомъ я особо испрашивалъ у высшихъ духовъ откровенія о томъ, какая судьба тебя ожидаетъ и вотъ тебѣ отвѣтъ...

Заинтересованный слушатель молчалъ, замолчалъ и абызь Кельдей, какъ бы не рѣшаясь сказать Сергале всю правду.

— Но готовъ ли ты, храбрый батырь, выслушать то, что мнѣ открыли духи, еслибы даже судьба твоя и была страшна и ужасна какъ могила?—угрюмо проговорилъ, наконецъ, Кельдей.

— Я пріѣхалъ за этимъ къ тебѣ, абызь Кельдей, и не уѣду безъ отвѣта! Будущее меня не страшитъ: всѣ умремъ когда-нибудь и какъ-нибудь, но страшитъ меня прошедшее и настоящее. Неужели не будетъ конца ему? Неужели тоска, разѣдающая мнѣ сердце и угнетающая душу, не прекратится? Неужели прошлое и настоящее станетъ моимъ будущимъ?—отрывисто спросилъ Сергале.

— Ну, такъ слушай же! Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, въ которые ты успѣешь выказать и удалъ, и молодечество, и силу свою. Народъ начнетъ уважать тебя, видѣтъ въ тебѣ опору рода въ будущемъ... Тоска твоя пройдетъ, но коротокъ будетъ твой вѣкъ! Ты умрешь въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ и именно тогда, когда узнаешь счастье человѣческое, когда жизнь будетъ дорога для тебя, потому что будешь любимъ. Умрешь ты поруганный и твоими родичами, и твоими врагами...

Старый абызь замолчалъ, точно ему тяжело было говорить.

Прошла минута молчанія и вдругъ взволнованный Сергале спросилъ:

— Не ошибаешься ли ты, старикъ? Точно ли меня ждетъ такая мрачная будущность?

Тогда предсказатель схватилъ кобузь и опять раздались потрясавшіе душу звуки.

Глазъ не могъ отвести Сергале отъ страшнаго старика, лицо котораго стало измѣняться, принимать то зловѣщій

видъ, то видъ испуганнаго зайца... Наконецъ, на губахъ абыза показалась пѣна и онъ, выронивши кобузь, забился въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Прошелъ припадокъ, абызь отдохнулъ и продолжалъ.

— Нѣтъ, я не обманывался. Придетъ время, когда ты у скалы, въ нашихъ горахъ, возвышающейся надъ быстро текущей рѣчкой, берега которой поросли большимъ лѣсомъ, встрѣтишь дѣвушку... Какъ сейчасъ вижу ее, духи показали ее... высокаго роста, стройная какъ газель, волосы черные словно крыло ворона, лобъ высокій, глаза темные и глубокие, какъ темна осенняя ночь и глубоко дно морское. Изъ-за этой дѣвушки, которая станетъ твоей женою, ты умрешь такъ, какъ предсказалъ... Теперь ступай, батырь Сергале, пользуйся тѣми немногими годами, которые отдѣлила тебѣ судьба, и отъ которой ты не уйдешь. Я же хочу отдохнуть!..

Уѣхалъ Сергале отъ страшнаго абыза, оставивши въ даръ ему конченное мясо.

Тихо возвращался молодой батырь домой ущельями горъ, невольно задумавшись о той исключительной судьбѣ, какая ему предопредѣлена. Конь, не управляемый властной рукой хозяина, тихо переступалъ черезъ камни, осторожно пробираясь лѣсными тропинками, какъ бы не желая тревожить думы хозяина. И вдругъ почувствовалъ Сергале, какъ томившая его прежде тоска спадаетъ, отстаетъ отъ него, точно зимняя шерсть отъ верблюдовъ. Онъ осмотрѣлся кругомъ: громадные скалы въ ущельи, большой, будто спящій, лѣсъ и быстро текущая рѣчка. Сергале невольно пришло на мысль, что жизнь его очень схожа съ этой картиной природы: величественныя скалы—вѣчность, тихо спящій лѣсъ—его прошлая жизнь, а рѣчка—быстро и безвозвратно уходящее время, которымъ онъ не пользовался, не жилъ, а прозябалъ. Молодость всегда мечтаетъ.

Прошло семь лѣтъ послѣ предсказанія абыза.

За это время молодой батырь Сергале сдѣлался извѣстнымъ на далекое пространство. Не было дѣла за это время,

въ которомъ бы онъ не выказалъ себя справедливымъ или храбрымъ, а потому онъ сталъ играть дѣятельную роль въ народной жизни, несмотря на свою молодость. Сергале сдѣлался постояннымъ предводителемъ предприимчивой молодежи во всѣхъ набѣгахъ и барантахъ на враждебные роды, но ни разу не предпринялъ нечего, за что можно было бы упрекнуть его: онъ или защищалъ свой родъ, или мстилъ за разбойничьи набѣги, которые совершали сосѣди. Въ мирной жизни онъ всегда становился на сторону обиженного и слабого и защищалъ ихъ. Многие благословляли его, въ особенности бѣдняки-киргизы, многие же, какъ, напримѣръ, бѣи (народные судьи) не любили его въ душѣ за то, что имъ приходилось дѣлиться съ нимъ вліяніемъ и почетомъ въ народѣ.

Послѣ удачныхъ набѣговъ для отплаты за грабежи и воровство, прославившихъ Сергале въ родѣ Джувантояковъ, насталъ миръ. Никто уже не смѣлъ тревожить этотъ родъ, умѣвшій постоять за себя, нигдѣ не находилось такого батыря, какимъ былъ Сергале...

Наступило благодатное лѣто. Кипучая натура знаменитаго батыря не выдерживала долго мирной семейной жизни; бездѣятельность его, какъ и всѣхъ мужчинъ-киргизовъ, не знающихъ, что такое домашняя работа, не могла не отразиться и на его душевномъ состояніи. Семейная жизнь его текла по прежнему, по прежнему онъ не чувствовалъ привязанности къ своему домашнему очагу,—и прежняя тоска стала охватывать его вновь.

Дурныя ощущенія всегда врываются въ человѣческое сердце вдругъ и почти моментально вытѣсняють изъ него все, что вложило въ него продолжительное счастье и радость. И тоска Сергале стала вытѣснять радости прошлыхъ продолжительныхъ удачъ.

Чтобы какъ-нибудь развлечься, однажды Сергале отправился съ беркутомъ на охоту за лисицами. Долго рыскалъ онъ по холмамъ и долинамъ, но на этотъ разъ охота была неудачна, лисицъ не встрѣчалось. Такъ онъ проѣхалъ почти

до горы Ніязъ, лежащей къ юго-востоку отъ кочевокъ его рода, въ мѣстности, занимаемой Матаевскимъ родомъ. Съ одного холма беркутъ, которому Сергале открылъ глаза для того, чтобы дать осмотрѣться, вдругъ взвился и, поднявшись высоко, высоко, направилъ свой могучій полетъ къ горѣ Ніязъ. Слѣдомъ за нимъ помчался на своемъ лихомъ скакунѣ и Сергале. Недалеко отъ Ніяза беркутъ, остановившись въ высотѣ и распластавъ свои сильные крылья, сталъ дѣлать громадные круги надъ однимъ мѣстомъ, все понижаясь къ намѣченной цѣли,—это значило, что онъ виситъ въ воздухѣ надъ лисицей и не даетъ ей выбраться изъ дѣлаемыхъ имъ круговъ. Круги становились все меньше и меньше, ниже и ниже опускался беркутъ... Въѣхавшему на холмъ Сергале видно было, какъ извивается лисица, стараясь перехитрить беркута и ускользнуть отъ зоркаго глаза его. Напрасный трудъ. Избравъ удобный моментъ, беркутъ съ громадной высоты ринулся внизъ на лисицу одной лапой схватилъ ее за морду, другой — за спину около переднихъ ногъ, всадилъ въ нее огромные когти и съ силой сталъ заворачивать на сторону голову пойманной добычи. Бѣдное животное было уже во власти беркута, который спокойно поджидалъ пріѣзда хозяина. Подскакавъ Сергале, добилъ лисицу, снялъ съ нее шкуру, разрѣзалъ животъ и вынувъ не остывшее еще и трепетавшее сердце, отдалъ беркуту лисицу, а потомъ и печень. Этимъ закончилъ онъ свою охоту.

День клонился къ вечеру, домой ѣхать было далеко ауловъ вблизи не представлялось. Въѣхавъ Сергале на сопку и увидѣвъ въ одномъ изъ ущелій Чакгана, недалеко отъ Кхана, тонкой лентой извивающійся дымокъ. На этотъ дымокъ онъ и поѣхалъ, увѣренный, что тамъ найдетъ аулъ а, слѣдовательно пищу и пріютъ на ночь. Онъ не ошибся и вскорѣ увидалъ небольшой аулъ, расположенный около выдвинувшейся скалы. Вдругъ Сергале остановился какъ вкопанный; да и было отчего: предъ нимъ внезапно очутилась дѣвушка чудной красоты, какъ бы со знакомыми чертами лица, гдѣ-то и когда-то виданная.

И не могъ Сергале проговорить обязательнаго при-
вѣтствія при встрѣчѣ: до того поразила его эта степная,
здоровая красота. Что-то припоминая, сидѣлъ онъ на своемъ
конѣ. И вдругъ пронеслось предъ нимъ предсказаніе абыза
уже позабытое; стыдливый взглядъ дѣвушки, брошенный на
молодого батыря, досказалъ остальное. Да, это была она,
назначенная судьбой въ жены ему, это были тѣ чудные,
темные и глубокіе глаза, о которыхъ говорилъ абызъ. О
смерти и позорѣ забылось.

Молодость рѣдко помнитъ смерть: всѣ знаютъ, что должны
умереть, но и всѣ не вѣрятъ въ скорый приходъ ея. За то
наступаетъ у каждаго минута, когда въ глубину его души
проглядываетъ солнечный лучъ и оживляетъ все, что вло-
жила въ нее природа и что только и ждало этого животвор-
наго луча, чтобы дать ростокъ, а потомъ и нынѣшній цвѣтокъ.
Солнечнымъ лучемъ для Сергале была встрѣченная дѣвушка.

Въ жизни каждаго человѣка бываетъ своя весна, свой
праздникъ природы; тогда сердце и душа человѣка паритъ
надъ всѣми непріятностями и мелочами обыденной жизни,
стряхиваетъ ихъ и отдается только своему празднику, под-
нимающему духъ его. Этотъ праздникъ дала Сергале та-же
красавица и свершила переворотъ въ душѣ его.

Дѣвушку звали Ханликъ. Она была уже просватана
отцемъ за богатаго и пожилаго киргиза Мундузъ; большая
половина калыма за нее уплачена и, въ силу обычаевъ,
батырю Сергале или приходилось побороть въ себѣ страсть,
или же, нарушивши обычай старины, соединиться съ избран-
ницей сердца на вѣки, обрекая себя на страшную месть. Не
утаилъ Сергале отъ Ханликъ и предсказаніе абыза Кельдея
и тѣмъ убѣдилъ ее окончательно, что отъ судьбы, которая
назначила имъ нарушение дѣдовскихъ обычаевъ, не уйдешь.

Конечно, все это произошло не въ одно свиданіе. Сер-
гале участилъ свои охотничьи поѣздки въ эту сторону,
волей-неволей потамырился *) съ братомъ Ханликъ, а въ одну

*) Тамыръ—пріятель, съ которымъ происходитъ взаимный обмѣнъ
подаркомъ.

изъ темныхъ ночей они сбѣжали; дома мулла благословилъ
ихъ союзъ,—и молодые зажили припѣваючи въ аулѣ Сергале.

Сильно любили они другъ друга, но еще больше окрѣпло
ихъ чувство, когда молодая мать почувствовала движеніе
маленькаго существа подъ сердцемъ...

При этихъ словахъ старый Нысанъ глубоко вздохнулъ,
задумался и затѣмъ мечтательно, какъ бы про себя, сказалъ:

— Говорятъ, что человѣческая душа и въ аду будетъ
надѣяться на перемѣну положенія въ будущемъ! Да, это
такъ!..

Немного погодя, онъ продолжалъ рассказъ.

— Сергале и Ханликъ чувствовали блаженное состояніе
людей, не имѣющихъ другихъ желаній, кромѣ сохраненія
своего текущаго счастья; надѣялись они, вспоминая абыза,
что послѣдняя часть его предсказанія не сбудется. Не
знали и не гадали того, что гроза уже надвигается надъ
ихъ головами... Долго искали оскорбленные и осмѣянные
родители Ханликъ, долго тратился на розыски соблазни-
теля обиженный и влюбленный Мундузъ. Упрекалъ онъ и
родителей, говоря: „за молодыми дѣвушками и женщинами
надо смотрѣть въ оба: онѣ такъ же лакомы сердцемъ, какъ
дѣти ртомъ, и можетъ случиться, что онѣ объѣдятся вмѣ-
сто вкусныхъ ягодъ—бѣлены, что и сбылось съ вашей Хан-
ликъ по пословицѣ „когда казанъ безъ крышки и у собаки
нѣтъ стыда лѣзть въ него, то добра не жди; ну вотъ ка-
кая то собака и сблудила“...

Наконецъ, все открылось...

Первой вѣстницей этого была баранта Матаевцевъ и
Джувантояковъ,—это мстилось за оскорбленіе рода. Когда
же Джувантояки, подъ начальствомъ Сергале, отплатили съ
убыткомъ для первыхъ, то Матаевцы обратились къ Мунду-
зовцамъ и оскорбленному покинутому жениху. Два года про-
должалась взаимная баранта, нерѣдко кончавшаяся убій-
ствами, наконецъ обѣ стороны утомились и обратились уже
къ посредничеству биевъ. Долго отстаивалъ бій Джувантоя-
ковъ—Башкабанъ—своего любимца Сергале отъ мнѣнія

старшаго бѣи Чалпака, избраннаго всѣмъ родомъ Тобукты въ бѣи, который былъ за выдачу преступниковъ Матаевцамъ,— и только тогда, когда Бишкабанъ находился въ отлучкѣ, Чалпаку удалось заманить въ ловушку Сергале и Ханликъ съ родившимся мѣсяца четыре до этого, у нихъ сыномъ...

— Какъ же такой умный батырь какъ Сергале, могъ попасться въ ловушку?—невольно прервалъ я рассказчика.

— И умный дуракомъ сдѣлается, когда его одурачатъ! Горе Сергале было велико: изъ-за него погибло и раззорилось уже не мало родичей, а конца не предвидѣлось этой ужасной барантѣ. Забылъ онъ, что Чалпакъ не можетъ желать ему добра... но онъ надѣялся, что никакая несправедливость, а тѣмъ болѣе жестокость, не можетъ совершиться безъ поддержки народа, въ преданности котораго онъ не сомнѣвался! — Наставительно пояснилъ Нысанъ, видимо недовольный, что я прервалъ его. Немного погоди онъ продолжалъ.

— Была весна... въ степи все казалось обновленнымъ: свѣжая лѣсная зелень, трава, выбившаяся изъ земли, сплошнымъ зеленымъ ковромъ покрыли окрестность; степной воздухъ, полный здоровья, вливался въ грудь, свѣжилъ, бодрилъ... Всюду веселье и радость! Но вотъ Чалпакъ однажды собралъ сто Тобуклинцевъ и, пригласивъ столько же Матаевцевъ, назначилъ судъ на одной изъ сопокъ Акъ-Чека, куда и привезли преступниковъ. Матаевцы настойчиво требовали выдачи ихъ для выполненія обычаевъ предковъ, т. е. смертной казни. Чалпакъ хотя для видимости и отстаивалъ Сергале, но въ душѣ желалъ его смерти, такъ какъ онъ приобрѣлъ симпатію народа, которую не хотѣлось дѣлить ни съ кѣмъ...

И сбылось предсказаніе абыза. Выдалъ Чалпакъ Сергале и Ханликъ Матаевцамъ,—и кровавое дѣло не заставило себя ждать... На шею связаннаго Сергале накинута арканъ, привязали его къ хвосту лошади, на которой сидѣлъ родственникъ оскорбленныхъ. Грустно взглянулъ Сергале на Божій міръ, на свою молодую жену, на малолѣтняго сына, въ го-

ловѣ быстро промелькнуло прошедшее, вся прожитая жизнь; но взвилась ногайка, рванулась лошадь и... по прошествіи нѣкотораго времени обезображенное тѣло Сергале привезено было на глаза Ханликъ. Бѣдная жена и мать въ это время тѣтено обращалась съ мольбой къ Тобуклинцамъ, не слѣзавшимъ, какъ и Матаевцы, съ лошадей, говоря: „Я знаю, что меня ожидаетъ, и смерти не боюсь, даже желаю ее, потому что не хочу переживать мужа, но пожалѣйте певиннаго младенца, вѣдь онъ вашей крови! Возьмите его, воспитайте, онъ не долженъ отвѣчать за грѣхи родителей“... Такъ молила бѣдная мать, но никто не внялъ несчастной.

Скоро и съ ней покончили ревнители старины; сбросили трупы въ приготовленную ранѣе яму и, какъ бы сговорившись, поѣхали въ разные стороны. Никто не оглянулся, не подобралъ малютки казненныхъ, онъ оставленъ былъ на мѣстѣ казни на произволъ судьбы въ своей маленькой колыбелькѣ и тутъ умеръ, надрываясь плачемъ... И теперь существуетъ могила на сопкѣ подъ названіемъ Ханликъ-Сергале, и теперь еще не разрушились могилы бѣевъ Бишкабана и Чалпака. Отъ первой жены Сергале остался сынъ, потомки котораго хранятъ рассказъ о жестокой расправѣ съ основателемъ ихъ рода—Сергале. Свершилась жестокая казнь и погибли безвременно три жизни...

Мулла замолчалъ и, повидимому, погрузился въ глубокую задумчивость.

О чемъ думалъ онъ? О томъ-ли, какъ прежде каралось у киргизовъ преступленіе противъ семейнаго очага и обычаевъ съ нимъ связанныхъ? Или, можетъ, онъ жалѣлъ, что съ водвореніемъ русскихъ быстро измѣнился весь старый строй степняковъ? Измѣнились ихъ нравы, измѣнилась, наконецъ, сама природа, а съ нею вмѣстѣ канули въ Лету и счастливыя времена и могущество народа, а тотъ, что остался,—измельчалъ въ конецъ... Да, впрочемъ, развѣ можно узнать, о чемъ думаетъ старый степнякъ?

Разсказанная нехитрая киргизская повѣсть и на меня

навѣяла какую-то грусть. И почему-то думалъ о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ измѣлячи люди. Гдѣ въ наши дни встрѣтишь такую страстную любовь?! Влюбляются, правда, молодые люди всѣхъ странъ, но истинно любятъ рѣдкіе и это стало модной болѣзнью нашего худосочнаго вѣка. Многие, нося въ себѣ пустую страстишку, раздуваютъ ее до чрезвычайности, носятъ съ ней словно курица съ яйцомъ, обманываютъ и себя, и другихъ преувеличеніемъ ея до трагизма, но проходитъ время, страстишка остываетъ, не оставляя и слѣда въ пустой, дрянной натурѣ. Этимъ хотя и разбивается, быть можетъ, другая жизнь, съ болѣе устойчивымъ характеромъ въ привязанностяхъ, но... „мало горя!“ думать некогда, такъ какъ на смѣну просится на квартиру, въ одинъ уголокъ сердца, другая страстишка...

XV. Снова въ пути.

Звѣзды гасли одна за другой: темнота мало-по-малу окутывала даль песковъ. На горизонтѣ появилась бѣлесоватая полоса: то заря занималась, скоро разсвѣтъ, значитъ, будетъ. Сдѣлалось холоднѣе. Я плотнѣе завернулся въ одѣяло и приготовился соснуть, а старый Нысанъ по прежнему сидѣлъ, оперевъ щеку рукой; его старческіе слезящіеся глаза были устремлены въ пространство.

Кто-то во снѣ застоналъ, кто-то громко выругался и вновь захрапѣлъ, выдѣлывая удивительныя трели носомъ... Небо болѣе и болѣе прояснилось, луна поблѣднѣла окончательно. Надо было отправляться въ путь, такъ какъ верблюды уже окончательно отдохнули и до жары можно было сдѣлать порядочный перегонъ. Скоро мы собрались и отправились. Мнѣ невольно пришло на память стихотвореніе Лермонтова „Три пальмы“, а именно то мѣсто, гдѣ поэтъ говоритъ:

Когда же на западъ умчался туманъ,
Обычный свой путь продолжалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Видѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный..

Отъ нашего временнаго бивуака тоже ничего, кромѣ сѣдою пепла, не осталось. Но эти слѣды человеческой жизни въ степи такъ же быстро исчезнуть, какъ и возникли. Впрочемъ, иногда, но очень рѣдко, климатическія случайности щадятъ ихъ на продолжительное время и въ такомъ случаѣ какъ отрадно путешественнику напасть на такое заброшенное огнище! Черное, обуглившееся мѣсто кажется ему великолѣпнымъ караванъ-сараемъ и мысль, — что тутъ были люди, — дѣлаетъ обширныя пространства степи болѣе похожими на жилище.

Говоря объ этихъ мѣстахъ съ обуглившимися остатками костровъ, я невольно вспоминаю объ огромныхъ выгорѣвшихъ пространствахъ, которыя, иногда на нѣсколькой пути, попадались мнѣ въ прежнія путешествія въ степи между Персіей и Китаемъ, и о которыхъ я слышалъ такъ много удивительныхъ сказаній изъ устъ номадовъ.

Въ жаркую пору, когда жгучее солнце превратитъ траву и кустарники въ „нѣчто, подобное труту“, часто случается, что искра, небрежно брошенная и раздутая вѣтромъ, зажигаетъ всю степь. Пламя, находя себѣ всюду свѣжую пищу, мчится съ такой страшной быстротой, что человѣкъ на лошади съ трудомъ успѣваетъ спастись. Оно катится по равнинѣ грознымъ потокомъ и, встрѣчаясь съ кустарникомъ, вспыхиваетъ съ какимъ-то дикимъ воплемъ. Огонь, подгоняемый всегда почти возникающимъ въ такихъ случаяхъ вихремъ, съ изумительной быстротой заливаютъ цѣлыя десятки верстъ, губя на пути своемъ все, что попадаетъ. Пробѣгая огромныя пространства въ короткое время, бѣшеное пламя можетъ быть остановлено только рѣкой или озеромъ. Степные пожары особенно страшны ночью, когда весь горизонтъ превращается въ море пламени; тутъ самыя храбрыя блѣднѣютъ и теряются, трусу же и нерѣшительному нѣтъ никакого спасенія. Но человѣкъ съ болѣе присутствіемъ духа можетъ спастись, если, завидѣвъ пламя вдали передъ собой, догадается спалить свою траву вокругъ себя, вслѣдствіе чего образуется пространство, на которомъ

приближающийся огонь не найдетъ себѣ пищи; въ этомъ-то пространствѣ и спасается человѣкъ. Тщетно тогда въ бѣшеной ярости лижутъ разсвирѣпѣвшія волны огня голую землю, тщетно палящимъ дыханіемъ и милліонами искръ обдастъ бѣглеца страшный противникъ, ему не достигнуть намѣченной жертвы, понавшей въ тихую пристань,—и огонь, обойдя выжженную равнину, также бѣшено несется далѣе, устилая пройденный путь, чернымъ могильнымъ покровомъ.

Выходитъ, что противъ огня человѣкъ можетъ бороться съ успѣхомъ только при помощи той же стихіи. Впрочемъ по тому пути, гдѣ слѣдовалъ нашъ караванъ, ничего подобнаго быть не могло. Песчанья и солончаковыя пространства, раскинувшіяся на сотни верстъ, были почти вовсе лишены растительности, если не считать чахлой бижгуни.

Мы ѣхали молча, занятые каждый одною думою. Дума эта была о водѣ. Правда, караванъ-башъ успокоилъ людей, что къ закату солнца вода будетъ и это общаеіе подѣйствовало весьма отрадно, хотя на всѣхъ просто жалъ было смотреть,—такъ подтянула жажда.

— А вдругъ это фантастичность одна, знаете, тогда что станемъ дѣлать, а?—сказалъ подѣхавшій ко мнѣ Телѣжниковъ.

— Какая фантастичность?—не понялъ я.

— Касается значить, воды! Того, этого, незамѣтно какъ будто, знаете, ничего похожаго.

— Ахъ, да оставьте вы, Семенъ Никитичъ, право! И безъ того тошно, а тутъ еще усугубляете ужасъ своими предположеніями.

— Оно точно, знаете „коемуждо воздастся по дѣломъ его“, а все же того, этого, какъ его...

— Ну, и подождемъ до вечера! Кебековъ обманывать не станетъ, а чтобъ не такъ скучно ждать было, лучше спать лечь...

— Какая у насъ, Николай Ивановичъ, съ вами сонпатія я тоже, знаете, хотѣлъ это предложеніе на счетъ сна сдѣлать.

Между тѣмъ высокіе шияцы и барханы бугристыхъ песковъ, въ которые мы вступили, начали разнообразить бывшія до сего равнины. На плоскомъ, далекомъ горизонтѣ вставали призрачныя горы изъ бѣлыхъ облаковъ, рѣзко очерченныя по верхнему контуру свѣтло-голубою полосой неба.

Черезъ нѣсколько времени барханы перешли опять въ волнообразную холмистую поверхность; изрѣдка началъ попадаться саксаулъ (Halimonden-pron) и низкорослая таволга (Albari Kirghisorum). Эта перемѣна еще болѣе вселила во мнѣ увѣренность, что скоро мы доберемся до воды.

— Тюра, видишь вонъ эту сопку?—спросилъ меня маленькій, приземистый киргизецъ Булекталъ Назарбековъ, подѣзжая на своей горбоносой лошадекѣ и указывая концомъ камчи *) куда-то въ пространство.

Зная уже по опыту силу зрѣнія киргизъ и не надѣясь на свое, я вытащилъ бинокль и дѣйствительно увидѣлъ вдали чуть виднѣвшійся холмъ.

— Ну, теперь вижу. Что жъ изъ этого?

— Ой бой, ой бой, джаманъ мѣсто.

— Отчего джаманъ?

— Уръ конь! Самъ Алимкулка тамъ ѣздитъ **).

— Что ты!?—оживился я,—а мы мимо этой сопки поѣдемъ?

— Какъ мулла скажитъ, минъ бильмень! (т. е. я не знаю) велить ѣздитъ—поѣдимъ.

— Можно, значить и не заѣзжать на нее?

— Большой кругъ давать нада, теперь су только у этой сопки и найдемъ, анда тендерли булады ***).

Это сообщеніе чрезвычайно заинтересовало меня. Однако-жъ сколько я ни приставалъ съ разспросами къ Назарбекову относительно Алимкулки, онъ только отрицательно моталъ

*) Такъ называется нагайка.

**) Худое мѣсто, разбойниковъ много.

**) Су—вода, Анда Тендерли Булады, т. е.—тамъ колодцы будутъ, Тендерли—ниги собственное.

головой, неизменно отвѣчая: *минь бильменъ!* Повидимому, действительно и самъ ничего не зналъ; опасно да и только, тѣмъ и ограничивались его сообщенія.

Теперь Левашевъ ѣхалъ въ хвостъ каравана, а Кебековъ впереди, останавливать ихъ мнѣ не хотѣлось, а разспросить такъ и подмывало; я слѣзъ съ верблюда и отправился пѣшкомъ, но не успѣлъ сдѣлать и двадцати шаговъ въ сторону, какъ былъ заинтересованъ какими-то движущимися предметами красного и желто-бураго цвѣта. Когда я подошелъ ближе, то къ удивленію своему увидѣлъ, что эти движущіеся предметы были просто-на-просто черепахи (*Testudo*) весьма большого размѣра. Ихъ было такое множество, что буквально весь песокъ двигался какъ живой. При моемъ приближеніи черепахи быстро втягивали головы и прятали ноги, такъ что снаружи оставалась одна чешуйчатая скорлупа. Желая испытать твердость ихъ роговой оболочки, я сдвинулъ двухъ черепахъ вмѣстѣ и сталъ на нихъ, но отъ этого никакого измѣненія не произошло и костяки отлично выдерживали тяжесть моего тѣла.

Черепахи, впрочемъ, не всѣ были одинаковой величины, попадались и маленькія. Чрезвычайно заинтересованный, я долго разглядывалъ ихъ и вскорѣ двѣ не замедлили обогатить мою коллекцію всякаго зоологическаго хлама, я положилъ ихъ въ шляпу и, прибавивъ шагу, вскорѣ сравнялся съ переднимъ верблюдомъ, на которомъ покачивался караванъ башъ. Громадный верблюдъ плавно выступалъ по песку, красивые глаза смотрѣли его чрезвычайно серьезно, словно онъ сознавалъ свое превосходство надъ человѣкомъ въ этой безлюдной степи. Впрочемъ, пропущенная черезъ носъ веревка искажала серьезное выраженіе и мнѣ невольно пришло въ голову, что въ этомъ видѣ верблюдъ очень напоминаетъ моднаго франта съ лорнеткой на носу: также вздернута голова кверху, также осѣдланъ носъ и, пожалуй, также обоихъ водятъ за носъ.

— Усталъ сидѣть должно быть? — обратился ко мнѣ Кебековъ.

— Да, что-то ноги поразмять захотѣлось.

— Ничего, пройдишь, это хорошо...

Мы замолчали. Кебековъ видимо находился въ тяжеломъ положеніи человѣка, такъ или иначе обманувшаго возложенное на него довѣріе. Косые взгляды членовъ каравана, изнуренный видъ людей—какъ укоры совѣсти, мучили этого почтеннаго старика.

— Что это у тебя въ шапкѣ-то?—спросилъ онъ.

— Черепахи, хочу довести ихъ до Петропавловка... а что, мулла, мы дойдемъ сегодня вонъ до той сопки, что виднѣется?

Дрогнули личные мускулы у Кебекова, грузно повернулся онъ въ сѣдлѣ и, сердито крикнувъ, сказалъ:

— Около сопки и привалъ сдѣлаемъ; надо дойти во чтобы то ни стало, *все равно ближе воды не встрѣтимъ.*

Изъ подчеркнутыхъ Кебековымъ словъ я понялъ, что онъ на меня обидѣлся.

— Да я, мулла, не о томъ вовсе; я просто хотѣлъ спросить тебя, не опасно ли у этой сопки, говорятъ будто у этихъ колодцевъ пошаливаютъ.

— Воля Аллаха!—кратко вздохнулъ Кебековъ и немного погодя добавилъ,—впрочемъ, теперь давно не слыхать *про это*, а раньше действительно случалось. Мѣсто-то очень удобное для нихъ.

— Какъ такъ? почему?

— Да вѣдь отъ этой самой *акчи-куйма* (въ буквальномъ переводѣ значитъ: „береги деньги“) начинаются Бугаты-Сайскія горы, въ которыхъ есть много лощинъ и ущелій значитъ, дурнымъ людямъ есть гдѣ спрятаться. Не даромъ и прозвали это мѣсто „акча-куйма“, понимаешь вѣдь, что это обозначаетъ по вашему?

Я мотнулъ головой: понимаю, молъ!

— Ты, впрочемъ, мултукъ-то свой осмотри, приготовиться на всякій случай не мѣшаетъ!—посоветовалъ Кебековъ и я это принялъ, по канцелярскому выраженію, къ свѣдѣнію.

XVI. Степные разбойники.

Мулла Алимкулъ, кокандскій бекъ (кипчакъ родомъ), былъ энергичный и талантливый противникъ генерала Черняева.

Будучи регентомъ кокандскаго хана Худояра, Алимкулъ самостоятельно распоряжался дѣлами ханства. При наступленіи русскихъ, онъ поднялъ всѣ силы ханства и бился во многихъ мѣстахъ съ нашими отрядами. Между своими соотечественниками этотъ батырь пользовался безграничнымъ вліяніемъ и уваженіемъ и при томъ, надо сказать правду, славился беззавѣтною храбростію. Вотъ что говорить про него одинъ изъ изслѣдователей Средней Азіи.

«... Кокандцы были увѣрены въ успѣхѣхъ и вполне убѣждены, что при своемъ численномъ превосходствѣ задавятъ и истребятъ слабый русскій отрядъ. Трудно сказать, какой былъ бы исходъ начавшейся битвы, если бы при самомъ началѣ боя, 9 мая 1865 года, Алимкулъ не былъ смертельно раненъ въ грудь русскою пулею въ то самое время, когда онъ, съ саблею въ рукахъ, бросился впереди своей конницы, чтобы увлечь ее въ атаку на русскіе ряды. Смертельная рана любимаго батыря навела панику на кокандцевъ, все смѣшалось и бросилось бѣжать къ Ташкенту, куда увезли раненаго вождя кокандцевъ. Смерть его облегчила штурмъ, а битва рѣшила участь города Ташкента, который былъ взятъ 15 іюня 1865 года» *).

Вотъ въ краткихъ словахъ правдивыя біографическія данныя этого храбраго и славнаго вождя. Между тѣмъ, когда въ 70-хъ годахъ бродило въ степи множество различныхъ шайкъ, укоренилось убѣжденіе, что всѣ эти шайки организованы и дѣйствуютъ подъ предводительствомъ Алимкула. Ими его окружено было самыми легендарными сказаніями, а народная молва (хабаръ) приписывала ему даже сверхъестественныя свойства. Да это и вполне попятно:

*) Н. А. Маевъ, Старый Ташкентъ.

путешественники, подвергшіеся нападеніямъ шайкъ въ степи, сегодня слышали это грозное имя около Аральскаго моря, а черезъ день гдѣ-нибудь за цѣлыя тысячи верстъ караванъ подвергался нападенію новой шайки, и опять гремѣло тоже имя. Очевидно, разбойники хорошо понимали, что укрываться за легендарнаго батыря имъ выгодно. Можетъ и дѣйствительно былъ какой-нибудь самозванецъ, дерзнувшій присвоить себѣ это имя, а можетъ и просто по пословицѣ: „у страха глаза велики“, многимъ чудилось, что ограбилъ ихъ никто другой, какъ самъ мулла Алимкулъ.

У насъ на Руси, особенно во времена понизовой вольницы, подобныхъ примѣровъ тоже встрѣчалось множество.

Донесшаяся въ Россію вѣсть о взятіи Ташкента, —этой столицы Туркестанскаго края,—весьма естественно породила у многихъ желаніе отправиться искать счастья въ новой провинціи. Широкой волной хлынули сюда различныхъ профессій люди и, не зная дороги, мѣстности и условій предпринимаемаго путешествія, большинство ихъ попадалось въ сѣти бродячихъ шайкъ. Нашъ талантливый художникъ и беллетристъ Н. Н. К. разинъ правдиво и многократно описалъ въ своихъ романахъ такіа нападенія. Безнаказанность—съ одной стороны и желаніе поживиться—съ другой побуждали придорожныхъ разбойниковъ совершать весьма дерзкія нападенія на одинокихъ путешественниковъ и даже цѣлыя караваны.

Особенной жестокостію расправы и дерзостію нападеній отличались туркмены, или, какъ ихъ прозвали наши солдаты—трукменцы *).

Туркмены принадлежатъ къ монголо-татарской расѣ и населяютъ обширныя степи отъ Усть-Урта до Герата и Астрабада и отъ Каспійскаго моря до Балха. Они никогда не составляли цѣлаго народа, а постоянно дѣлились на племена (*халкъ*), колѣна (*таифе*) и роды (*тауре*). Всѣхъ туркменъ раздѣляютъ на десять главныхъ племенъ: Чодоръ,

*) Буквальный переводъ слова туркъ-менъ—значить: воинъ л.

Юмудъ, Кекленъ, Текке, Кара-Туркменъ, Салыкъ, Саррыкъ, Уа-Аймакъ, Эрзаръ и Альбели.

Чодоры живутъ въ нижней части Усть-Урта, между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, почти у самаго чинка одъема на Усть-Уртъ). Юмуды занимаютъ восточный берегъ Каспійскаго моря съ нѣкоторыми его островами, но болѣе густыя кочевья ихъ при устьяхъ Атрека и Гюргена и у Балханскаго залива. Хотя юмуды, какъ номады, не имѣютъ городовъ, но у нихъ есть нѣкоторыя постоянныя мѣста, на-примѣръ, Гамюшъ-деше, при Устьѣ Гюргена, Гассанъ-Кули, при устьѣ Атрека, Челекенъ на островѣ того же имени и и друг., откуда они производятъ морскіе разбои и гдѣ собираются для нападений на персидскіе берега. Геклены населяютъ плодоносныя долины въ верховьяхъ Атрека и Гюргена, занимаются земледѣліемъ и признаютъ подъ собой власть Персіи. Ихъ считаютъ до 10 т. кибитокъ. Текке—самое многочисленное, сильное и воинственное, племя, кочующее на обширномъ пространствѣ, въ южныхъ частяхъ хивинскихъ владѣній. Плодородной земли у нихъ нѣтъ, а потому сама природа заставила ихъ разбойничать и грабить населенныя мѣста Персіи и Хивы. Текке раздѣляются на два лагеря или стана: первый при Ахалѣ, по восточную сторону болота Тедженъ, отчего и происходитъ названіе Ахалъ-Текке; второй при Мервѣ—мервъ-теке.

Кара-Туркмены племя небольшое, что-то около 2 т. кибитокъ, кочуетъ въ пустыняхъ между Андкуй'емъ и Мервомъ, отличаясь дикостью и бѣдностью. Самыръ и Саррыкъ—сосѣднія племена въ верховьяхъ р. Мургаба—отличаются храбростью и принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ туркменскихъ племенъ. Серахсъ, невдалекѣ отъ р. Мургаба, главное мѣсто Салыровъ. Уа-Аймакъ—близъ Мешада въ Персіи, въ подданствѣ которой и состоятъ. Ихъ насчитываютъ до 60 т. кибитокъ. Эрзары на лѣвомъ берегу рѣки Аму, между городами Чарджуй и Андкуй, въ сосѣдствѣ съ кара-туркменами, находятся подъ властью Бухары, которой платятъ дань. Наконецъ Альбели—малочисленное

племя, живетъ въ районѣ Андкуя, смежно съ эрзарами и кара-туркменами.

Исторія свидѣтельствуетъ, что вся политическая жизнь туркменъ протекла въ междоусобныхъ расприхъ однихъ племенъ съ другими и внѣшней борьбѣ съ ихъ сосѣдами. На наши владѣнія туркмены также съ давнихъ поръ производили набѣги. Шайки ихъ неоднократно появлялись на Сыръ-Дарьѣ, въ Барсукахъ и кара-кумахъ (названіе песковъ). Съ плѣнниками туркмены обходятся жестокосердно: привязываютъ ихъ подъ брюхо лошади или къ хвосту, или, наконецъ, гонятъ впередъ, беспощадно осыпая ударами ногайки. Плѣнники составляютъ у нихъ самый видный предметъ добычи, потому что за этихъ несчастныхъ дорого платятъ (я разумѣю 70-е годы) въ Хивѣ, Бухарѣ и на другихъ восточныхъ рынкахъ.

Правительство наше, обуздавъ своеволіе и хищничество туркменскихъ морскихъ разбойниковъ въ Каспійскомъ морѣ заведеніемъ тамъ постоянного крейсерства, долгое время не могло этого сдѣлать по отношенію къ племени Чодоровъ, самыхъ дерзкихъ степныхъ разбойниковъ. Вотъ почему русскіе купцы всегда избѣгали направлять свои караваны чрезъ Усть-Уртъ, представляющій не болѣе 400 верстъ ширины. Не степной характеръ мѣстности этого перешейка и не безплодная и безводная пустыня, а рассказы о хищничествѣ туркменъ заставляли избѣгать этого кратчайшаго пути въ Средне-Азіатскія ханства. Въ 70-хъ годахъ товары иногда отправлялись даже чрезъ Семипалатинскъ по такимъ же безплоднымъ и несравненно обширнѣйшимъ, но за то болѣе безопаснымъ пустынямъ.

Туркестанскія песчаныя степи совсѣмъ не то, что степи хотя бы разбросанныя между Волгой и Ураломъ, или гдѣ-нибудь въ Малороссіи. Тѣ степи и въ однообразіи своемъ имѣютъ поэтическую прелесть: точно гигантскій коверъ, сотканный изъ зелени, разбросанъ у вашихъ ногъ. Дунетъ вѣтерокъ—и степь заволнуется какъ море, берега котораго гдѣ-то далеко-далеко сливаются съ горизонтомъ. Однимъ

словомъ, это не тѣ степи, которыя красотой своей привели въ художественный восторгъ безсмертнаго Н. В. Гоголя. Нѣтъ, при видѣ Туркестанскихъ безотрадныхъ степей, лишенныхъ всякой жизни, великій писатель навѣрно воскликнулъ бы: „Ахъ, чертъ васъ возьми, степи!..“ а остальную часть фразы: „какъ вы хороши!“ такъ и не договорилъ бы....

Пески дѣлають дорогу вовсе непроѣздною, колеса тонуть въ нихъ все равно, что въ водѣ, а хуже всего то, что пески эти расположены буграми: только что въѣхалъ на бугоръ, а передъ носомъ сейчасъ же слѣдующій и такъ далѣе до безконечности. Въ оврагахъ легко можетъ спрятаться цѣлый десятокъ разбойниковъ; залягутъ словно волки и ждутъ съ истинно магометанскимъ терпѣніемъ. Подпустивъ путешественниковъ на разстояніе выстрѣла, они съ дикимъ гиканьемъ бросаются на несчастныхъ.

XVII. Приваль предъ водою.

Нижній край огромнаго бронзово-краснаго солнечнаго диска уже исчезалъ за горизонтомъ, когда я проснулся отъ металлическаго звука колокольцевъ. Звуки эти сохраняли рѣдкій, правильный темпъ, мелодично и постепенно переходя съ высокихъ нотъ на низкія и обратно. Я осмотрѣлся. Верблюды плавно выступали.

Мало-по-малу характеръ мѣстности сталъ измѣниться. Сначала изрѣдка, потомъ сливаясь все болѣе и болѣе въ плотныя массы, стали появляться густыя кустарныя колючки и высокія группы джиддовыхъ деревьевъ. Мѣстами джидда уступала мѣсто саксаулу. Меня крайне поразило это оригинальное растеніе. Казалось, что колоссальныя оленьи рога выросли изъ земли и только на самыхъ оконечностяхъ своихъ развѣтвленій украсились зелеными кистями, уподобляющимися зеленымъ игламъ...

— Благодареніе Аллаху!—послышался возгласъ Кебекова и вслѣдъ затѣмъ онъ отдалъ приказаніе остановиться, чтобы вознести молитвы за благополучное достиженіе Тендер-

лей, до которыхъ оставалось не болѣе 5-ти верстъ, въ чемъ теперь уже не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Соскочили киргизы съ верблюдовъ и опустились на колѣна, лицами къ заходящему солнцу. Вся толпа стала набожно молиться, дружно подхватывая заунывнымъ напѣвомъ заключительныя слова cadaго молитвеннаго стиха. Отъ времени до времени молящіеся поднимали кверху распростертыя, съ открытыми ладонями, руки и, подержавъ ихъ нѣсколько въ воздухѣ, прикладывали большіе пальцы за уши...

— Алла-Акбаръ! — провозгласилъ Кебековъ, разведя руками по обѣ стороны головы въ уровень съ нею, и палъ ницъ.

— Алла-Акбаръ!—прошептали остальные, подражая его движенію и тоже падая ницъ.

— Алла-Керимъ!—истово продолжалъ старикъ, повторяя тотъ же пріемъ.

— Алла-Керимъ!... повторили за нимъ, отпуская новый земной поклонъ.

И опять снова: Ашади-акбаръ! Ашаднанна иляхъ илялахъ! Аллахъ-Аннахъ, мухамединъ расуллулахъ! Эяль-азъ Салахъ! Эляхъ-Альфалыхъ, азъ-салатъ хеираль-минъ анъ Евмъ! Аллахъ-Акбаръ!

— Эка орда косоглазая! и чего это они, знаете, руками кверху взмахиваютъ, того этого, да за ушами у себя скребутъ, знаете!—съ какой-то обидной ироніей резонировалъ Телѣжниковъ.

Но на меня эта молитва „косоглазой орды“ повліяла какъ-то особенно умиротворяюще. Подъ вліяніемъ такого настроенія, я невольно воскресилъ въ своей памяти Божій храмъ, церковное пѣніе, а далѣе—свое дѣтство, дорогую красавицу мать,—и картины счастливаго прошлаго вереницей пронесли предъ моими умственными взорами, невнимательно скользившими теперь по развертывавшейся картинѣ.

А картина была достойна вниманія:

Заходящее солнце обливало послѣдними лучами степь-

и кусты саксаула, бросавшаго уже длинныя тѣни, ложившіяся поперекъ широкой полосы караванной дороги. Впереди колоссальной громадой возносилась почти отвѣсная скала *Мусъ-Беля*, совершенно закрывавшая собой поле зрѣнія съ сѣверной стороны. На мрачной, лишенной всякой растительности, истрескавшейся и обсыпавшейся ея поверхности косые лучи угасающаго свѣтила рѣзкими рельефами выдѣляли каждую выпуклость, каждый уступъ, отбрасывая въ то же время глубокія тѣни на смежныя углубленія и разсѣлины. Въ воздухѣ было совершенно тихо, и вечернее безмолвіе нарушалось лишь отдаленнымъ шумомъ ручья, усиливавшимся сосѣдствомъ скалъ...

Но вотъ благодарственная молитва была окончена. Жажда хотя по прежнему мучила всѣхъ, но надежда на то, что скоро должны быть колодцы,—поселила въ насъ бодрость, воскресившую наши силы, и мы вскорѣ тронулись въ путь.

— Это послѣдняя трудная и опасная станція!—проговорилъ вздохнувши Кебековъ.

— Какъ послѣдняя? А дальше что?

— Дальше колодцы будутъ попадаться чаще и для каравана уже не представится особенныхъ трудностей.

— А почему это мѣсто считается опаснымъ?—спросилъ я и, признаюсь, какая-то робость невольна охватила меня.

— Ущелье тутъ; опасно потому, что въ горахъ всегда почти скрываются бродячія шайки, которыя съ давнихъ временъ живутъ исключительно грабежами.

— Я не понимаю одного: неужели же до настоящаго времени русское Правительство не обуздало своеволіе этихъ дикихъ сыновъ степей?

Не помню, въ какихъ именно выраженіяхъ отвѣчалъ мнѣ Кебековъ на мой вопросъ, но я попытаюсь дать нѣкоторое объясненіе и представить картину того варварскаго міра, который въ наше время совершенно уже поглощенъ Россіей, а два-три десятка лѣтъ назадъ производилъ паническій ужасъ не только среди насъ, русскихъ, но и среди нашихъ подданныхъ, населявшихъ приуральскій

край, т. е. калмыковъ, казаковъ и Оренбургскихъ населецевъ. Чтобы защитить это мирное населеніе, Россія была вынуждена идти въ глубь Азіи. Правда, и прежде, т. е. до 1850 года, русскія арміи проникали до самой Сыръ-Дарьи и Аральскаго моря, но эти успѣхи еще не сулили тогда того, что они дали потомъ. Сыръ—рѣка извилистая, полная мелей и неудобная для плаванія; что же касается Аральскаго моря, то оно было окружено со всѣхъ сторонъ песчаными степями и не представляло ни одной точки для колонизаціи. Создать флотилію на Аральскомъ морѣ стоило бы огромныхъ суммъ, потому что строить суда на мѣстѣ (за отсутствіемъ потребныхъ матеріаловъ) было невозможно, а пришлось все привозить на верблюдахъ, что представляло громадныя затрудненія. Такимъ образомъ все осталось бы въ прежнему видѣ на долгія времена, если бы неосторожность и неисправимое варварство туркменскихъ хановъ не навлекли на нихъ роковымъ образомъ отдаленной грозы. Съ той поры положеніе дѣлъ измѣнилось: Малая Бухара завоевана китайцами, а Хивинскій ханъ, несмотря на свою кажущуюся самостоятельность, находится въ зависимости отъ Россіи. Богатый и цвѣтущій Коканъ завоеванъ, а то что еще свободно,—погибаетъ отъ анархіи.... Теперь, когда Россія перескочивъ безводныя пустыни, стала лицомъ къ лицу съ изуверами и фанатиками и, не повѣривъ искренности хановъ, путемъ оружія обратила ихъ въ вѣрноподданныхъ своихъ слугъ, теперь, повторяю,—и самые рассказы о грабежахъ и паденіяхъ стали отходить въ области преданій. Ну, а три десятка лѣтъ—было иное. Полудикіе ханы, отуманенные неограниченною властію, слѣпыя орудія дервишей, оборванныхъ бродягъ, не имѣющихъ иного занятія, кромѣ изступленнаго благочестія и требующихъ войны, потому что имъ нечего терять,—худо вооруженные воины, голодные, не получающіе своего жалованья и потому вознаграждающіе себя грабежомъ,—все это ясно можетъ доказать причины, въ силу которыхъ становится понятнымъ существованіе степныхъ разбойниковъ, главныя средства къ существованію ко-

торыхъ состояли въ охотѣ за людьми и были для нихъ столь же естественнымъ и безгрѣшнымъ занятіемъ, какъ нынѣ, напримѣръ, рыболовство.

Эти кочевые хищники собирались въ шайки, нападали на караваны, грабили ихъ, связывали мужчинъ и отсылали ихъ на бухарскіе рынки. Что испытывали эти несчастные, трудно, конечно, и вообразить, но любопытствующихъ отсылаемъ къ „Дневнику Писателя“ Достоевскаго, гдѣ есть страницы объ одномъ изъ такихъ невольниковъ—русскомъ солдатѣ...

XVIII. Одинокій путешественникъ.

По крутой, узкой тропинкѣ, затерявшейся между Алтынъ-Эмельскихъ ущелій, пробираясь верхомъ на маленькой горной лошади бильджуанской породы *) Тюра-Якубъ-бай. Звонкій топотъ конскихъ копытъ далеко раздавался вокругъ и нарушалъ полную тишину горъ. По временамъ, почти изъ-подъ самыхъ ногъ лошади, взлетали табунки горныхъ рябчиковъ (кѣклекъ), да на покатосяхъ утесовъ мелькали быстрыя, красноватая, чрезвычайно ядовитыя змѣйки — мѣдянки. Это были единственные признаки жизни въ глухомъ Кастекскомъ перевалѣ. Тишь стояла необыкновенная, казалось, всё спало въ солнечномъ жару: горы, воздухъ, небо... По виду лошади и путника можно было заключить, что путешествуютъ они уже давно: и безъ того поджарая лошадка совсѣмъ втянула бока, а въ углахъ губъ ея замѣтны были слѣды запекшейся крови, и она, и всадникъ, по всему было видно, испытывали страшную жажду. Да и было отъ чего. Уже другой день Тюра-Якубъ-бай не видѣлъ ни капли воды, а июньскій зной давалъ себя чувствовать. Тюра-Якубъ въ эти края попалъ впервые, а потому и не зналъ мѣстности. Ыхалъ онъ съ Ауліэ-Агача въ Чим-

*) Эти лошади при ѣздѣ по горнымъ кручамъ—устойчивы, крѣпки и легки, какъ кони.

кентъ; отъ людей, что попались дорогой, слышалъ,—будто, если пересѣчь вряжъ Алтынъ-Эмельскихъ горъ, дорога вдвое ближе будетъ; послушался—и вотъ теперь приходится умирать. За себя-то онъ не боялся: все равно умирать когда-нибудь надо, Аллахъ двухъ смертей не пошлетъ, а одной никакъ не избавишься, да вотъ бѣда,—Ыхаль-то онъ не одинъ: межъ куржумовъ, что болтались по обѣ стороны передней луки сѣдла, мирно покоился ребенокъ лѣтъ семи. Часъ тому назадъ ребенокъ выпилъ изъ тыквяной бутылки послѣдній глотокъ воды, который Тюра-Якубъ-бай, несмотря на то, что самъ умиралъ отъ жажды, отдалъ тому, кто былъ для него дорожее всего на свѣтѣ. Каждую минуту ребенокъ могъ проснуться и попросить пить. Пить! Легко сказать! А гдѣ онъ, несчастный отецъ, незнакомый съ мѣстностью, возьметъ воды? Этотъ вопросъ, словно ножъ, запущенный въ сердце, причинялъ Якубъ-баю нестерпимую жгучую боль.

— Эхъ, напрасно я послушался! Ыхать бы степью, тамъ хоть колодцы встрѣчаются, а то вотъ...—и Тюра, не окончивъ фразы, съ горечью махнулъ рукой. Вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, почти разомъ остановилъ лошадь и замеръ. Ребенокъ отъ такой внезапной остановки проснулся и смуглыми кулачками сталъ протирать заспанные глаза. Тюра осторожно соскочилъ съ лошади, придерживая одной рукой ребенка, спустил его, а самъ поспѣшно прилегъ къ землѣ. Чуткое ухо его уловило какой-то неопредѣленный глухой шумъ, напоминавшій рокотъ ручья.

Пролежавъ совершенно неподвижно минуты двѣ, онъ радостно вскочилъ и ласково потрепавъ лошадь, обратился съ слѣдующей бессвязной рѣчью къ дорогимъ для него существамъ:

— Хазыръ су булады, милые мои, хорошіе, хазыръ, хазыръ!..

Лошадь, какъ бы понявъ всю важность сообщеннаго ей извѣстія, тихо заржала. Не успѣлъ еще замереть отголосокъ ея ржанія, какъ въ отвѣтъ и совсѣмъ близко раздалось такое же привѣтствіе.

Якубъ-бай невольно схватился за висѣвшій у него за плечами фитильный мулукъ *).

Встрѣча здѣсь, въ горахъ, могла быть очень опасна: кого-то Аллахъ пошлетъ — врага или друга? Избѣжать однако-жъ этой встрѣчи нечего было и думать, такъ какъ оставшаяся позади горная тропинка до того была узка, что мало представляла удобства спастись отъ врага бѣгствомъ, къ тому-жъ и воды не было, а впереди...

— Э, будь что угодно Пророку! — рѣшительно проговорилъ Якубъ-бай, подтянулъ потуже сѣдло, протеръ полую чапана воспаленныя ноздри лошади и, вскочивъ на нее, бодро отправился впередъ, поддерживая лѣвой рукой ребенка, а правой крѣпко сжимая большой, нарѣзной, съ раструбомъ на концѣ, мулукъ.

Обогнувъ утесъ, скрывавшій даль, всадникъ выѣхалъ на небольшую долину. Зоркіе глаза его разомъ охватили все пространство, раскинувшееся въ видѣ небольшого оазиса.

Три стреноженные лошади весело пощипывали траву. Хозяева ихъ лежали, растянувшись словно волки, и съ любопытствомъ всматривались въ приближавшагося гостя. Не вдалекѣ гдѣ-то журчалъ невидимый ручей.

Тюра-Якубъ-бай подѣхалъ, остановился и поздоровался по всѣмъ правиламъ степнаго этикета, т. е., сложивъ руки на животѣ, отвѣсилъ кулдукъ, проговоривъ неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ фразы: „здравствуйте, молъ, добрые люди, откуда и куда держите путь“ и прочее въ этомъ родѣ, честь честью, какъ слѣдуетъ. Ему отвѣчали и, въ свою очередь, задали тѣ же вопросы.

— Въ Чимкентъ изъ Ауліа пробираюсь — было отвѣтомъ, — горами поѣхалъ, сказали ближе будетъ, да вотъ до-рогу-то хорошо не знаю, ну, должно быть, и заблудился.

Ничего ему не сказали, только молча переглянулись.

— Въ Чимке-е-нтъ?! — протянулъ одинъ изъ нихъ, послѣ

*) Мулукъ — среднеазиатское ружье на развилахъ, втыкаемыхъ въ землю для большей вѣрности прицѣливанія.

минутной паузы, — ну, бай, ловко же надъ тобой пошутыли. Какой тутъ Чимкентъ, когда недѣлю воды не встрѣтишь.

Слово *воды* напомнило прибывшему о тѣхъ мѣстахъ, какія онъ испытывалъ вмѣстѣ съ лошадыю.

— Вы вотъ говорите воды, а вѣдь я — другой день пошелъ — какъ ни капли не пилъ; увидалъ васъ — очень обрадовался ужъ, забылъ и про жажду.

— Ручей течетъ у этой муллушки; много воды, искупаться даже можно — проговорилъ одинъ джигитъ, указывая на степной сардобъ, стоявшій саженьхъ въ пятнадцать.

Тюра быстро спѣшился съ лошади, отстегнулъ отъ сѣдла свернутый въ трубку небольшой паласъ, разослалъ его и посадивъ ребенка, проговорилъ, обращаясь къ джигитамъ:

— Совсѣмъ смучился съ нимъ, думалъ — погибнемъ безъ воды, эхъ!..

— На, дай ему! Воды на всѣхъ хватить... и при этомъ старшій, одѣтый въ ярко-красный адрассовый халатъ, протянулъ мѣдный кумганъ съ чистой родниковой водой.

Жадно прильнулъ къ кумгану Тюра и, не отрываясь, началъ тянуть драгоценную влагу.

— А ты не нападай сразу-то! Самъ же говоришь, другой день не пилъ, знаешь лѣдь, что вредно.

— Правда. Спасибо за совѣты! — поблагодарилъ Тюра и про себя подумалъ: люди, значить, не дурные, коли добру наставляютъ.

— Посиди тутъ, карагамъ-чарагамъ (милый, хорошій), я пойду лошадь напою! — обратился онъ къ ребенку и, взявъ за поводъ коня, повелъ его къ ручью.

— Подозрительно что-то, и откуда такой взялся? — ворчливо началъ было узкоглазый джигитъ, тотъ что былъ по моложе, обращаясь къ старшему товарищу.

— Тише ты, видишь щенокъ-то смотритъ какъ! — толкнулъ красный халатъ первого.

— Помѣшать еще, дьяволъ, можетъ...

— Эхъ, баба! чего бояться, пасъ шестеро.

— Я не къ тому, а откуда молъ ѣдетъ и кто такой.

— Чуль улькунъ *) всѣмъ мѣста хватить, а дороги ни кому не заказаны.

— Мирза, а мирза, что это у него въ куржумахъ-то понабито, посмотрѣть бы!

— Тсс!..— снова предостерегъ старшій и покосился на ребенка,— послѣ узнаемъ.

Тюра-Якубъ-бай, напоивъ между тѣмъ лошадь, началъ вываживать ее по полянѣ.

— Долго что-то наши не возвращаются!— помолчавъ, заговорилъ опять молодой.

— Вечера ждуть, когда стемнѣется... да ты лишняго-то не болтай, вонъ *тотъ* возвращается.

Дѣйствительно, Тюра-Якубъ-бай, стреноживъ лошадь, пустил ее къ другимъ, при чемъ сѣдла не снялъ, а только ослабилъ немного подпругу: мало ли, дескать, что можетъ случиться, а самъ подошелъ къ ребенку.

— Хорошо бы теперь бишбармаку похлебать! — помечталъ вслухъ молодой джигитъ.

— Ишь чего выдумалъ, бишбармаку! тьфу ты...

— Или плову бы, а потомъ кумысу напиться!— продолжалъ первый.

— Да ну тебя къ шайтану, тьфу! тошнить даже.— Позывы къ тошнотѣ, если сказать правду, произошли у краснаго халата отнюдь не отъ того, что онъ не хотѣлъ предлагаемыхъ кушаньевъ или не любилъ ихъ; причины были совсѣмъ инныя: рыская по степи уже нѣсколько дней, волки эти ничего кромѣ, чурека (сухія лепешки), не ѣли, а бишбармакъ и пловъ, да еще съ кумысомъ въ заключеніе—такія вещи, о которыхъ только помечтать и доводится вѣчно полуголоднымъ степнымъ разбойникамъ.

— А мы вотъ чайку сейчасъ вскипятимъ, у меня и чайникъ есть! — сказалъ повеселѣвшій Тюра-Якубъ, — жаль только топлива-то нѣту...

— Что ты! какой тутъ чай... огня никакъ разводить не можно!..

*) Степь большая.

— Отчего?

— Ну, самъ знаешь... степь... дымъ далеко будетъ видно, зачѣмъ выдавать свое присутствіе, неравно худые люди придутъ...

Всѣ помолчали.

— Такъ вы саудикеры *) говорите? А гдѣ же товаръ-то у васъ?—спросилъ Якубъ-бай у своихъ новыхъ знакомцевъ.

— Мы на день караванъ обогнали, дѣло было... къ вечеру всѣ сюда придутъ... да вонъ никакъ и наши ѣдутъ!— быстро воскликнулъ Мирза, прикрывъ рукой, въ видѣ козырька, глаза и всматриваясь вдаль.

На горизонтѣ виднѣлись едва замѣтныя три точки.

Тюра-Якубъ-бай задумался

Теперь, когда онъ удовлетворилъ мучившую его жажду, когда возможность умереть безъ воды миновала, предъ нимъ возникъ новый тревожный вопросъ; новое чувство, доселѣ, правда, ни на чемъ не основанное—чувство боязни за ребенка закралось въ его душу: вѣдь кто знаетъ, что за люди встрѣтились ему?

— У одного вонъ кольчуга подъ халатомъ!—подумалъ тюра—а хорошій человекъ этой рубахи не надѣнетъ! Саудикеры,—говорятъ,—да можетъ изъ тѣхъ, что по дорогамъ безошлинно торгуютъ... ники у всѣхъ! эхъ, волкъ тебѣ на встрѣчу,—положеніе-то какое!..

— Зачѣмъ кичкене **) съ собой везешь? дорога дальняя, трудно!—спросилъ молчавшій до этой минуты третій джигитъ, поглядывая на красиваго ребенка.

— Хатынь ***) развѣ нѣту?

— Нѣту!—вздохнулъ тюра—не съ кѣмъ оставить было, а въ Чимкентѣ большое дѣло есть.

— Ата, маганъ нанъ керекъ! ****) неожиданно заявилъ маленькій путешественникъ,—нанъ берсенъ!

*) Купцы.

**) Кичкене—маленькій.

***) Баба, хозяйка, жена.

****) Отецъ, мнѣ хлѣба надо, хлѣба дай.

— Хазыръ, карагамъ чарагамъ, хазыръ!—и тюра хотѣлъ было достать, хлѣба, да вспомнилъ, что всѣ припасы остались въ сумкѣ, привязанной къ сѣдлу.

Между тѣмъ показавшіяся на горизонтѣ точки стали яснѣе. Теперь уже можно было безъ особаго напряженія зрѣнія рассмотреть трехъ всадниковъ, гнавшихъ во весь опоръ. Песокъ, вздымаемый шестью парами лошадиныхъ ногъ, густымъ облакомъ окружалъ наѣзтниковъ. Еще четверть часа, — и они будутъ здѣсь.

Тюра Якубъ подумалъ минутку, затѣмъ зѣвнулъ съ такимъ аппетитомъ, что чуть не свихнулъ себѣ челюстей.

— Всю ночь ѣхалъ, спать страшно хочется!—проговорилъ онъ, ни къ кому въ сущности не обращаясь.—Да, такъ тебѣ хлѣба, Райханъ? Пойдемъ, у меня въ сумкѣ хлѣбъ-то.

— Куда-же ты? погоди вотъ наши пріѣдутъ, ужинъ будемъ варить.

— Худые люди на дымъ пожалуй пріѣдутъ!—съ чуть замѣтной ироніей отпарировалъ Якубъ-бай и рѣшительно добавилъ: нѣтъ, я пойду въ муллушку, поужинаемъ съ нимъ вотъ, да и спать завалимся, а тамъ въ путь пора!—а про себя добавилъ: кто васъ знаетъ, что вы за купцы такіе, если тутъ лечь, такъ пожалуй долго не проснуться, а въ муллушкѣ все-таки легче оборониться, въ случаѣ чего... Пойдемъ Райханъ, я тебѣ „нанъ“ дамъ.

Крѣпко захотѣлось молодому мирзѣ вѣѣниться въ гостя, но онъ, что-то сообразивъ должно быть, только плюнулъ: ступай, дескать, спи; намъ вѣдь все равно — теперь ли, послѣ ли тебя прикончить.

Чтобъ не навлечь какого подозрѣнія, Якубъ-бай отвязалъ куржумы и отправился съ ребенкомъ въ муллушку, предварительно распутавъ лошадь и оставивъ еѣ совершенно на волѣ. Онъ не боялся за своего карабаира: тотъ съ полуслова понималъ своего хозяина и всегда могъ ливиться на первый свистъ, какъ бы далеко не отошелъ. Маневръ этотъ не укрылся отъ джигитовъ.

— Ишь, собака, догадался должно быть!—проворчалъ красный халатъ,—лошадь распуталъ.

Молодой Мирза ничего на это не отвѣтилъ, онъ, очевидно, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ подъѣзжающихъ товарищей, по крайней мѣрѣ смотрѣлъ на приближающихся всадниковъ, не отрывая глазъ.

ХІХ. Замыслы разбойниковъ.

Въ Киргизской степи весьма нерѣдко встрѣчаются разбросанные тамъ и сямъ надгробные глиняные мавзолеи (муллушки или мазарки). Эти мавзолеи нерѣдко бываютъ весьма красивы да и вообще обдѣлка даже самой бѣдной киргизской могилы, въ видѣ гробницы съ полукруглымъ или заостреннымъ продольнымъ сводомъ, ясно указываетъ, что киргизы свято чтутъ память своихъ мертвыхъ.

Встрѣчающіяся въ Туркестанскомъ краѣ могилы можно подраздѣлить на нѣсколько типовъ или группъ; такъ, напримеръ, однѣ изъ нихъ снабжены сверху болѣе или менѣе значительными насыпями земли (могильные курганы); иногда вмѣсто земли могилы обкладываются камнями, особенно по близости горъ; встрѣчаются также и съ четырехъугольными углубленіями на поверхности, выложенными плитами; эти углубленія обнесены кругомъ камнями, поставленными на ребро. Всего интереснѣе, разумѣется, мавзолеи. Представьте себѣ высокую, сажени въ три вышиною, пустую, куполообразную, глинобитную палатку. Во всей этой постройкѣ, при ея обширности и высотѣ, вы нигдѣ не найдете никакихъ желѣзныхъ связей, перемычекъ и скрѣпленій, такъ что Аллахъ ее знаетъ, на чемъ и какъ держится вся эта масса!

Въ давно минувшія времена, когда владычествовалъ еще Абдуллахъ-ханъ—этотъ истинный благодѣтель степей, память котораго много вѣковъ будутъ чтить всѣ тѣ, кого судьба заброситъ въ мертвыя пустыни,—у киргизъ проявлялось и уваженіе къ знанію, и стремленіе къ распространенію.

нію науки и цивилизації. Остатки древнихъ арыковъ въ голодной степи и въ другихъ, нынѣ совершенно мертвыхъ пустыняхъ, величественныя степныя работы и монументальныя сардобы—продолжаютъ свидѣтельствовать, что были свои *золотыя времена* и для средней Азіи (исключая, впрочемъ, Кара-кумовъ, этой пуповины пустынного пространства, описанной мною выше).

Въ наши дни такіа сооруженія представляютъ лишь рѣдкіе памятники старины, къ сожалѣнію, совершенно неизслѣдованные и даже не приведенные въ извѣстность. Всесокрушающее время безжалостно уничтожаетъ ихъ...

Муллушка, въ которую отправился тюра Якубъ-бай, была сажени четыре въ діаметрѣ и аршинъ восемь въ вышину. Отъ времени матеріалъ, изъ котораго она была построена, такъ затвердѣлъ, что при ударѣ въ него звенѣлъ какъ хорошій глиняный сосудъ.

Дверка изъ краснаго дерева была увѣшана разноцвѣтными лоскутками и тряпичами, которые обыкновенно остаются путешествующими номадами, какъ знакъ своего пребыванія на могилѣ святаго (очевидно и подѣ этимъ мавзолеемъ покоился какой-нибудь святой). Настѣнные панели оригинальнаго памятника были облицованы узорчатыми изразцами и испещрены мозаикой надписей, заключающихъ въ себѣ молитвы и тексты изъ корана. Надъ самой дверкой надпись состояла изъ слѣдующаго текста корана:

„Всякому благочестивому открыты двери рая“.

Немного повыше, кругомъ всего мавзолея тянулась другая надпись красивыми сульскими литерами: „Аллахумма-Ал-гаккуна-ль Гакуни уляу-кона-ль букагу-би-кодри-саукиль-а-прате“, т. е. „Вознеси, Господи, душу мою въ обитель блаженства, сопричти къ Твоимъ праведникамъ и сохрани на томъ свѣтѣ“.

Лазурно-голубой орнаментъ пріятно поражалъ глазъ и невольно переносилъ въ какую-нибудь цивилизованную страну, заставляя забыть, что вы находитесь среди песчаной, голодной, киргизской степи, гдѣ на цѣлую недѣлю времени надо

запасаться водой, чтобъ не умереть самой ужасной, самой мучительной смертью.

Въ сущности, у киргизъ только по особо данному обѣту можно входить въ эти степные склены, чтобы поклониться праху святаго, покоящемуся подѣ ними.

Почему же тюра Якубъ-бай сдѣлалъ такое отступленіе? Это мы скоро узнаемъ.

Вновь прибывшіе (трое) джигиты, повидимому, сильно спѣшили. Взмыленные лошади тяжело дышали и едва переводили духъ, да и наѣзтники были не въ лучшемъ состояніи.

— Чего это вы такъ упарились, словно за вами самъ шайтанъ гнался?—иронически спросилъ прибывшихъ красный халатъ, который, повидимому, былъ главаремъ этой шайки каракчей (разбойниковъ).

— Скоро будудъ... караванъ большой... урусъ есть!.. торопливо, сильно захлебываясь, сообщилъ одинъ изъ джигитовъ, не обращая вниманія на ироническій тонъ начальника. — Мы кругъ большой дали...

— Народу много? — дѣловымъ уже тономъ спросилъ красный.

— Много-то много, да никто не вооруженъ; только у двухъ русскихъ мултуки есть, остальные безо всего... спятъ по цѣлымъ днямъ, словно сурен...

— Баидку, значить, видѣли? говорили съ нимъ?

— Мало... не удалось поговорить... только и сказалъ, что спятъ... мы такъ, издалека.. за барханами сидѣли..

— Э, плохо дѣло! не вѣрю я этому собакѣ, пожалуй не исполнить, чего обѣщаль.

— Что-жъ ему обманывать, я пай посулилъ хорошій...

— Пай посулилъ! а ты сначала поймай звѣря въ капканъ, да потомъ говори о шкурѣ... надуешь тебя твой таджикъ...

— Чего меня надувать-то, я вѣдь не козій мѣхъ!

— Те!.. дьяволы! чего раскричались словно коршуны надѣ падалью, забыли развѣ про этого-то!—предостерегъ

Мирза Хакимъ, указывая глазами на сардобъ, гдѣ находился тюра Якубъ-бай.

— А что такое? кымъ анда? (кто тамъ?)

— Принесъ шайтанъ безъ васъ какого-то, спрятался вонъ въ муллушку.

— Ну-у?! кто такой?

— Проѣзжій какой-то, съ ребенкомъ ѣдетъ, говоритъ заблудился.

— А вы его ужъ не могли того?..—и прибывшій джигить жестомъ dokonчилъ фразу.

— Экъ ты до крови-то жаденъ; погоди ужо, вотъ на томъ свѣтѣ шайтанъ тебя за это изжаритъ въ котлѣ, какъ шашлыкъ...

— Усталъ, повидимому, сильно, теперь должно быть спать уже...—умиротворяющимъ тономъ сказалъ одинъ изъ джигитовъ-халатниковъ.

— Ну, будетъ объ этомъ! тамъ посмотримъ, что дѣлать, а пока слушайте, да двиньтесь ближе, нечего на всю степь то орать!..—повелительнымъ тономъ приказалъ красный халатъ и военный совѣтъ придорожныхъ разбойниковъ начался уже вполголоса.

XX. Нападеніе.

Чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ планъ мѣстности, я долженъ нарисовать топографію и сказать нѣсколько словъ о колодцахъ Тендерли—этой единственной артеріи всей кизылкумской безводной степи. Смотря теперь на карту Средней Азіи, мы можемъ только удивляться поражающему количеству урочищъ съ киргизскими и русскими названіями. Боръ-Муле, Казылъ-гакъ, Обалы-Томсукъ, Джендели-Конуръ такъ и чередуются съ Викторовскими, Федоровскими, Александровскими и Семеновскими станицами и пикетами, протянутыми по всей степи отъ Оренбурга и до Ташкента. Нерѣдки также нынѣ и артезіанскіе колодцы, словомъ—теперь путешествія по степи сдѣлались дѣломъ обычнымъ

не только для насъ, русскихъ, но и для бухарскихъ купцовъ, во всякомъ случаѣ сильно ослабленныхъ предрассудками во-первыхъ, и весьма резонно побаивавшихся отваживаться прежде путешествовать по безводной пустынѣ, во-вторыхъ. Какъ Кавказъ, освобожденный отъ хищныхъ беевъ, далъ возможность производительному населенію этого края развить его неисчерпаемые источники богатства, такъ и Туркестанскій край (недавно представлявшій terra incognita), сталъ въ наши дни такимъ Эльдorado, къ которому стремятся тысячи предприимчивыхъ людей. Въ 70-хъ годахъ, однако мы не слыхали ни о какихъ такихъ штукахъ, называемыхъ „артезіанскими колодцами“, а отправляясь въ путь, попросту брали съ собой въ запасъ воды въ количествѣ, достаточномъ для переѣзда отъ одного вырытаго колодца къ другому. Правда, подобные расчеты не всегда оправдывались: иногда отъ жары вода испарялась, иногда нечаянно турсуки отвязывались и разрывались въ лоскутья, а иногда, прійдя къ вырытому какимъ-то невѣдомымъ благодѣтелемъ колодцу, путешественники заставляли одну зіяющую дыру, откуда несло разлагающимися трупами, если не всегда человеческими, то звѣринными.

Не всякому были и извѣстны эти степныя дыры, носящія громкое названіе *колодцевъ*. Если такой опытный проводникъ, какъ Кебековъ, заблуждался, то люди менѣе его знающіе характеръ и свойства степи, зачастую дѣлались жертвами своей предприимчивости.

И только колодцы Тендерли были той пріятной перспективой, которая еще за недѣлю впередъ вселяла надежду. Да не подумаетъ читатель, что Тендерли представляли тоже какой нибудь клоповникъ, или дыру, вырытую среди степи.

Мусъ-Бель есть отроги Мугоджарскихъ горъ, а горы эти (подъ различными, впрочемъ, названіями) съ одной стороны упираются въ городъ Вѣрный, а съ другой—граничатъ съ рѣкой Эмбой (Уральской области). Почти что по самой ихъ срединѣ, какъ разъ по окончаніи послѣднихъ безводныхъ Тусумскихъ нескоевъ, и находятся Тендерли. Въ со-

сѣднемъ ущельи бьютъ родники съ чистой, прозрачной какъ хрусталь водой. Ущелье это круто кончается сопкой, изъ подъ которой и течетъ *Карызъ* *) наполняя десятокъ колодцевъ подъ общимъ названіемъ Тендерли.

Если представить поле зрѣнія съ той стороны, какъ мы ѣхали, то расположеніе было таково: прямо высился утесъ, за которымъ извилистой лентой пропадало ущелье, нѣсколько лѣвѣе колодцевъ, саженьхъ въ 40, была могила киргизскаго святаго Эмбетя (къ сожалѣнію, мнѣ никакъ не удалось собрать свѣдѣній объ этомъ, почитаемомъ номадами муллѣ). Могила эта, находилась впрочемъ, среди громаднѣйшаго сардоба. Съ правой стороны тянулся оврагъ, затерявшійся въ перспективѣ; все это однако скрывалось горой, выдвинувшейся поперекъ въ видѣ какого то гигантскаго утюга. Опасность если и представлялась, то избѣжать ея не было никакой возможности, такъ какъ только подѣхавши вплотную къ колодцамъ, можно было оріентироваться, но это во всякомъ случаѣ было бы слишкомъ поздно. Разбойники могли скрываться и въ оврагѣ Акча-куйма, и въ Муллашкѣ, и за утесомъ. Осторожность, конечно, не мѣшала, но и будоражить зря народъ ни одинъ караванъ-башъ не рѣшится, а потому Кебековъ, кромѣ меня, никому ничѣмъ не выдалъ своего волненія, а волненіе—это я отлично видѣлъ—у него было слишкомъ велико. Впрочемъ, какъ мною гдѣ-то уже замѣчено, брать на себя отвѣтственность за цѣлый караванъ—дѣло далеко не шуточное: поневолѣ за каждымъ утесомъ будутъ чудиться разбойники.

Мы подходили къ колодцамъ Тендерли.

Жажда томила всѣхъ страшная, верблюды еще бодро выносили это лишеніе, лошади же едва волочили ноги и частенько спотыкались, но не отъ усталости, а отъ жажды,

*) Карызъ—подземная рѣка. Изобрѣтеніе персидское: по направленію скатовъ прорывается нѣсколько десятковъ близко расположенныхъ друга отъ друга колодцевъ, которые внутри соединяются между собою общимъ подземнымъ каналомъ.

что можно было заключить по ихъ глазамъ, сильно помутившимся.

Тонкій, бѣловатый паръ поднимался надъ зіяющими отверстіями степныхъ колодцевъ, песокъ кругомъ былъ влаженъ и на немъ искрились мелкіе солончаковые блестики. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки побѣлѣвшей оставшейся золы, чернѣлъ помѣтъ, отпечатки перепутанныхъ слѣдовъ верблюжьихъ, конскихъ, человѣческихъ, обрывочки веревокъ и т. п. остатки временныхъ бивуаковъ. Лошади, почуя воду, звонко заржали, верблюды тоже надрывались какимъ-то хриплымъ ревомъ, словно простуженные. Поваръ Кулашка, захвативъ съ собой турсукъ, первый бросился за водой, но не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ изъ-за муллашки что-то пукнуло, показался бѣловатый дымокъ—и Кулашка прямо носомъ сунулся въ песокъ, сильно взрыхливъ его. Вслѣдъ за этимъ раздался дикій крикъ и шестеро всадниковъ съ длинными тонкими пиками на перевѣсѣ бросились на нашъ караванъ. Поднялась суматоха, крики, брань... Не успѣлъ я понять еще въ чемъ дѣло, какъ вдругъ почувствовалъ у себя на плечѣ какую-то острую боль. Схватившись инстинктивно за больное мѣсто, я съ ужасомъ увидѣлъ, что рука моя покрылась теплой липкой кровью.

Ударъ нанесенъ былъ сзади; въ эту минуту Левашевъ что-то закричалъ мнѣ, я оглянулся и прямо предъ собой встрѣтилъ разъяренную рожу Саидъ-Басмана, замахнувшего *ай-балтой*. Крикнуть я не успѣлъ: глухой ударъ по головѣ свалилъ меня съ лошади,—и я лишился чувствъ...

XXI. Незнакомецъ.

Звонко ударяются подковы о каменистый грунтъ, и однообразно отдается этотъ звукъ въ крутыхъ, черныхъ стѣнахъ, со свѣсившимся по нимъ низкимъ колючимъ кустарникомъ. Испуганный ужъ торопливо прячется въ расщелину утеса; проворно пробирается ящерица по выдающимся между растеніями камнямъ; маленькая черепаха любопытно высо-

вывааетъ голову изъ своего костяка, лиса и хорекъ, подгоняя другъ друга, несутся большими скачками черезъ разбросанные камни, и оглушительно раздаются вверху свистъ неликумаго орла-стервятника. Я хорошенько не помню—видѣлъ я все это во снѣ или на яву. Сознаніе то возвращалось, то вновь оставляло меня. Какъ я попалъ сюда, въ эти горы, что со мной,—ничего этого я не могъ себѣ представить, только чувствовалъ, что ложе мое крайне безпокойно; голова свѣсилась на бокъ, туловище было привязано къ сѣдлу тонкимъ волосянымъ арканомъ; при всемъ этомъ страшно ныло плечо, а во рту палило словно огнемъ. Подлѣ меня шель другой конь, на которомъ сидѣлъ, понурившійся, всадникъ по виду узбекъ, голова его была опущена на грудь, онъ или спалъ, или сильно о чемъ-то задумался.

— Куда это везутъ меня! зачѣмъ?—подумалъ я и вдругъ дѣйствительность воскресла передо мной со всѣми мельчайшими подробностями. Я вспомнилъ и рану въ плечо, и ударъ, нанесенный Саидъ-Васманомъ, и теперь уже не было сомнѣній, что везутъ меня въ плѣнъ.—Но почему же насъ только двое? Гдѣ же остальные? А, да впрочемъ не все-ли равно!.. И на меня напало какое-то убійственное равнодушіе къ своей судьбѣ...

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ того времени: вѣдь, кажется, какъ давно, а между тѣмъ изъ моей памяти не успѣла ступшеваться или исчезнуть ни одна черта, ни одна линія, ни одна полоса свѣта или тѣни изъ того, что я описываю. Я помню, какъ вслѣдъ за мыслью, что я попалъ въ плѣнъ, мнѣ тутъ же пришло въ голову, почему это стукъ копытъ одной лошади былъ поразительно похожъ на мелкую дробь барабана: „тра-та-та! тра-та-та!“ тогда какъ другая лошадь довольно правильно выбивала копытами: „разъ, два, три, четыре! разъ, два, три, четыре!“..

— Ахъ, какъ хочется пить! тра-та-та! тра-та-та! Разъ, два, три, четыре! Разъ, два, три, четыре!..

— Эй, тюр! если ты желаешь живого меня дслзти, то ради Бога дай хоть глотокъ воды и развяжи, не убѣгу

вѣдь!..—обратился я къ своему чичероне, едва выговаривая слова, такъ все наболѣло и пересохло.

Еслибъ, вслѣдъ за этимъ, съ яснаго голубого неба упалъ громъ, то онъ не болѣе поразилъ бы меня, какъ то, что я услышалъ.

— Ахъ, вы очнулись! Ну, слава Богу, слава Богу!—проговорилъ мой спутникъ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ и разомъ остановилъ лошадей, соскочилъ и бросился ко мнѣ развязывать веревки. Черезъ минуту я сидѣлъ уже на лошади и съ жадностью глоталъ воду.

— Будетъ, не пейте много; давайте я перевяжу вамъ плечо!—заботливо продолжалъ онъ, хлопоча около меня.

— Господи! да что же это такое... брежу я, или это все во снѣ происходитъ?.. но нѣтъ, сильная боль въ плечѣ, до котораго дотронулся спутникъ, заставила меня вскрикнуть; значитъ, я и не сплю, и не брежу.

— Ради Бога, скажите, кто вы и куда меня везете?—спросилъ я.

— Пожалуйста успокойтесь и не волнуйтесь! Вы находитесь въ совершенной безопасности и въ самомъ скоромъ времени будете опять среди вашего каравана.

— Какъ каравана! да гдѣ же онъ? Давно-ли мы оттуда? Гдѣ вы меня взяли?

— Вы такъ много задали мнѣ вопросовъ, что я не знаю, на который и отвѣчать. Скажите-ка лучше, въ состояніи-ли вы сидѣть на лошади и можемъ-ли мы продолжать путь?

— О, да, да...

— Ну, и отлично. Вы садитесь и поѣдемъ, а дорогой я вамъ постараюсь объяснить все, только пожалуйста не говорите и успокойтесь; увѣряю васъ, что я другъ вашъ и везу васъ туда, откуда вы были похищены...

— Похищенъ?! Я?

— Ну, да, ну, да! Слушайте же и не перебивайте. Безъ сомнѣнія, костюмъ мой заставляетъ васъ предполагать во мнѣ киргиза и даже разбойника, тогда какъ я русскій...

— Русскій?! но какъ же...

— Вы опять заговорили; вамъ вредно. Успокойтесь и слушайте меня... Да, я русскій. По крайней мѣрѣ, прежде былъ имъ... давно уже меня зовутъ Якубъ-бай, но на самомъ дѣлѣ я Яковъ Николаевъ Зубаревъ... Вчера вечеромъ, волею судебъ, мнѣ случилось быть въ той самой муллушкѣ, около которой было сдѣлано нападеніе на вашъ караванъ...

— О, Боже! такъ неужели и вы...

— Былъ однимъ изъ разбойниковъ,—хотите вы сказать,—успокойтесь и не торопитесь дѣлать никакихъ заключеній. Я еще разъ прошу васъ не перебивать меня и черезъ нѣсколько минутъ вы будете знать все.

Мнѣ оставалось только покориться и я услышалъ слѣдующее.

— Проѣзжая въ Чимкентъ, я заблудился и попалъ совершенно случайно къ колодцамъ. Около этихъ колодцевъ встрѣтились мнѣ трое степныхъ разбойниковъ, о чемъ я узналъ уже послѣ. Они, поджидая караванъ, не обратили, повидимому, особеннаго вниманія на мой уходъ въ муллушку, куда я отправился со своимъ ребенкомъ спать, какъ сказалъ имъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы укрыться въ болѣе безопасное мѣсто и возможно дороже продать жизнь, если бы она понадобилась этимъ молодцамъ. Сквозь дверную щель я сталъ наблюдать за всѣмъ происходившимъ предъ моими глазами. Встрѣченные люди сказали мнѣ, что они купцы, уѣхавшіе впередъ отъ своего каравана, который вскорѣ долженъ прибыть. Однако, почти передъ самымъ уходомъ въ муллушку я видѣлъ приближавшихся трехъ всадниковъ, гнавшихъ во весь опоръ. Прибывшіе были вооружены съ головы до ногъ и нисколько не походили на мирныхъ купцовъ. Они начали что-то горячо рассказывать и я хотя не слышалъ словъ, но легко могъ догадаться, что рѣчь шла о какомъ-то нападеніи на караванъ. Нѣсколько разъ это слово, громко повторенное, дало мнѣ понять, въ чемъ суть. Не могу вамъ въ точности сказать, сколько прошло времени, только вдругъ злодѣи направились къ муллушкѣ и я уже думалъ, что настала мой конецъ. Однако, они обогнули ма-

зарку и спрягались за ней, уведя вмѣстѣ съ собой и лошадей; очевидно, они расположились такъ потому, чтобы хотя на первое время скрыть свое присутствіе. Изрѣдка до меня доносился неясный, сдержанный шепотъ, но вскорѣ и онъ смолкъ. Но вотъ въ степномъ безмолвіи, издалека донесся какъ бы звукъ колокольчика и я сообразилъ, что караванъ приближается, а стало быть вскорѣ должна произойти катастрофа. Судите о моемъ положеніи. Что дѣлать? Впрочемъ, я рѣшилъ выждать и... примкнуть къ партіи сильнаго... Осмотрѣвъ ружье, я рѣшился разрядить его въ самомъ крайнемъ случаѣ... Между тѣмъ караванъ приближался; я видѣлъ, какъ какой-то киргизъ соскочилъ съ верблюда и бросился къ колодцамъ: должно быть пить очень захотѣлъ; почти въ ту же минуту позади меня раздался выстрѣлъ и нуля пронзительно завывла, затѣмъ звонко щелкнула, и киргизъ упалъ. Тогда спрятавшіеся разбойники съ дикимъ крикомъ: Аллеманъ! Али, Магома *)! кинулись на переднихъ людей каравана и началась схватка. Вдругъ одинъ изъ членовъ каравана на великолѣпной вороной лошади вскрикнулъ что-то по-русски. Что именно, я не могъ разобрать и только видѣлъ, какъ вы упали на землю замертво. Присутствіе русскихъ, которымъ я обязанъ былъ оказать помощь, вынуждало меня броситься въ свалку, но кто были враги, этого отличить не представлялось никакой возможности. Костюмъ мой, безъ сомнѣнія, ввелъ бы въ заблужденіе вашихъ и усилилъ панику... Къ тому же, я не могъ рисковать своей жизнью, потому что подлѣ меня спалъ мой ребенокъ, т. е., другими словами, мое все... Однако борьба происходила во мнѣ недолго, голосъ чести заглушилъ разсудокъ и я громко вскрикнувъ по-русски: — мужайтесь, пріятель! — бросился на помощь. Всадникъ на вороной лошади дрался молодцомъ. его смертоносная шашка уложила уже трехъ разбойниковъ и не оставалось сомнѣнія, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ, какъ вдругъ одинъ изъ злодѣевъ, тотъ самый,

*) Обычный боевой крикъ всѣхъ степныхъ разбойниковъ.

который вамъ нанесъ ударъ, быстро схватилъ васъ, перебросилъ черезъ сѣдло и во весь опоръ поскакалъ въ горы. Я въ краткихъ словахъ объяснилъ русскому, кто я и какъ попалъ въ эту шайку, попросилъ его послѣдить за моимъ ребенкомъ, котораго оставилъ спящимъ въ муллушкѣ, а самъ, свистнувъ лошадь, которая паслась въ оврагѣ, погнался спасать васъ, если вы живы, или отбить по крайней мѣрѣ, трупъ своего соотечественника. Злодѣй однако гналъ и столько быстро, что я никакъ не могъ его настигнуть. Я боялся, чтобъ онъ не свернулъ куда-нибудь въ сторону, или чтобъ мнѣ не потерять слѣдъ, тѣмъ болѣе, что каменистый грунтъ не оставлялъ ни малѣйшаго знака. Вдругъ до моего слуха донесся топотъ лошади; я прищипорилъ своего карабаира и чрезъ какихъ-нибудь десять минутъ разбойникъ былъ у меня на глазахъ. Онъ остановился. Прицѣлившись изъ ружья, я потребовалъ, чтобъ онъ немедленно отдалъ мнѣ вашъ трупъ. Злодѣй противился. Терять времени не приходилось и... я разможилъ ему черепъ. Но не раскаиваюсь! Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ возможность оказать услугу своему соотечественнику... Вскорѣ я убѣдился, что вы живы и только находитесь въ глубокомъ обморокѣ, вѣроятно отъ потери крови, которой достаточно-таки должно быть вышло изъ васъ. Между тѣмъ ночь наступала; ѣхать обратно я не рискнулъ, боясь наткнуться на новую шайку; оставалось свернуть съ тропинки и расположиться на ночлегъ, что я и сдѣлалъ. Представьте же себѣ весь ужасъ моего положенія, когда я услышалъ топотъ, а вскорѣ и разговоръ двухъ человѣкъ. Это должно быть возвращались оставшіеся въ живыхъ разбойники... трупъ убитаго неизбежно долженъ былъ имъ попасться, они могли вернуться и... признаюсь вамъ откровенно, что, боясь за оставленнаго ребенка, я хотѣлъ бросить и васъ, и лошадей, чтобъ пѣшкомъ пробраться обратно, но эта подлая мысль лишь на одну минуту пришла мнѣ въ голову, и съ негодованіемъ отогналъ ее и рѣшилъ положиться на волю Божию. Между тѣмъ съ вами сдѣлался бредъ... и я провелъ довольно-таки

тревожную ночь. Однако все обошлось благополучно, и рано утромъ, чуть забрежжилъ свѣтъ, я отправился далѣе. Вы все не приходили въ себя и вотъ, наконецъ... теперь... Слава Богу!..

— Но, умоляю васъ, скажите, далеко ли мы отъ каравана?

— Думаю, что не такъ далеко. Чрезъ полчаса, много, черезъ часъ пріѣдемъ... а теперь, когда я познакомилъ васъ со всѣмъ происшедшимъ, вновь попрошу не разговаривать, не утомлять себя, вы еще такъ слабы... когда отдохнете, мы возобновимъ разговоръ.

— Откуда же это у меня лошадь? — Дѣлаю... это Саидъ-Басмана...

— Убитому разбойнику, полагаю, она была не нужна и я съ спокойной совѣстью взялъ ее себѣ... т. е. для васъ... Что дѣлать, въ степи свои законы, не укоряйте меня!

Укорять его, когда этому неизвѣстному человѣку я былъ обязанъ жизнью! О, я далеко былъ отъ подобныхъ сантиментальныхъ взглядовъ и хорошо помнилъ эти „законы степей“!!

Мысли мои вскорѣ невольно направились на свое чудесное избавленіе. Что это такое въ самомъ дѣлѣ? Случайность, рокъ, фатумъ? Какимъ образомъ этотъ таинственный незнакомецъ очутился въ глухой степи какъ бы для того, чтобъ вырвать меня изъ костлявыхъ рукъ смерти? Теперь, когда надъ моей головой пронеслись долгіе годы, когда примѣровъ такихъ случайностей я испыталъ много, я привыкъ, наконецъ, вѣрить, что въ фактахъ этихъ кроется что-то непонятное и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимое. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что человѣку положенъ извѣстный жизненный предѣлъ, а тамъ случайности его спасаютъ, или что другое—не берусь доказывать, да это едва-ли и возможно, ибо на мой взглядъ объяснять случайность случайностью—по меньшей мѣрѣ не логично. Но есть конечно люди, которые, несмотря ни на какія доказательства, не повѣрятъ въ фатальность, рокъ, предопредѣленіе и... благо

имъ! Можетъ быть, реальность и хорошее качество, но благодарю судьбу за то, что я былъ и есть и останусь глубокимъ идеалистомъ... „Есть, другъ Гораціо, многое въ природѣ, чего и не снилось нашимъ мудрецамъ“.

XXII. Разсказъ дезертира.

Лучи солнца прямо ударили въ голову и я испытывалъ невообразимыя страданія. Во рту все пересохло, воспаленныя губы потрескались, боль въ плечѣ и глухой головной шумъ усилились на столько, что я едва держался въ сѣдлѣ. Къ счастью, горная тропинка, змѣившаяся узкой лентой, стала шире и мой спутникъ увѣрилъ меня, что за выступившимъ передъ нами утесомъ находятся колодцы, т. е. мѣсто катастрофы. Вскорѣ мы обогнули и утесъ. Открывшаяся равнина была совершенно пуста. Караванъ исчезъ.

Двойной крикъ отчаянія нарушилъ мертвую тишину степи. Яковъ Николаевичъ кубаремъ скатился съ лошади и кинулся къ муллушкѣ. Отворившаяся рѣзная дверка скрыла его на минуту съ моихъ глазъ, а когда онъ вышелъ оттуда, то я невольно ужаснулся: глаза его дико блуждали по сторонамъ, а выраженіе ихъ было совершенно безумное. Онъ съ какимъ-то отчаяніемъ схватился за голову и закричалъ: „Дочь моя! Гдѣ моя дочь?... О, я несчастный!“

Признаюсь, я изрядно струхнулъ. Видѣть мужчину, здороваго, взрослога мужчину въ такомъ видѣ—тяжело. Я подошелъ къ нему и только что хотѣлъ начать свои лементации на тему: дескать „терпите! никто, какъ Богъ!“ какъ вдругъ увидѣлъ прилѣпленную на внутренней сторонѣ отворенной двери бумажку. Чрезъ минуту я уже читалъ вслухъ, вмѣсто утѣшеній, слѣдующую знаменитую цидулу: „*мы ушодчи, нагоняйте насъ вслучае ежели вы живы*“. Не оставалось никакого сомнѣнія, что сія рукопись принадлежитъ изобрѣтательному Семену Никитичу, ибо Левашевъ неповиненъ былъ въ грѣхѣ рукоблудія по письменной части. Но, Боже! Что это за остроумнѣйшій субъектъ Семенъ Никитичъ Телѣж-

никовъ!.. Преисполненный благодарности, я совершенно упустилъ изъ виду, что записка, прилѣпленная внутри сардоба, рисковала остаться незамѣченной на долгіе годы. Я сообразилъ, что караванъ не могъ далеко уйти, а ушелъ онъ вѣроятно потому, что, во-первыхъ, никто не чаялъ видѣть насъ живыми, а во-вторыхъ, чтобъ убраться отъ этого мѣста, которое носило такое характерное названіе, какъ „Акча-куйма“. Что тамъ не говорите, а пословица о *своей рубашкѣ* имѣетъ большое значеніе на этой грѣшной планетѣ и я, строго взвѣсивъ всѣ обстоятельства, не могъ даже сердиться на членовъ каравана, столь безцеремонно махнувшихъ на меня рукой. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, могли они знать, что я возвращусь, если собственными глазами видѣли, какъ вѣроломный таджикъ, сваливъ ударомъ айбалты меня съ ногъ, утащилъ потомъ куда-то въ горы!? Съ полнымъ вѣроятіемъ можно было предположить, что пріятеля мои, *ушодчи*, не забыли захватить съ собой дѣвочку, по крайней мѣрѣ Зубаревъ этому немедленно повѣрилъ и поропилъ меня скорѣе нагонять караванъ.

Я вполне раздѣлялъ мнѣніе своего новаго пріятеля и только предложилъ ему самый кратковременный отдыхъ, чтобъ напоить лошадей и самому обмыть раны.

— О, да, да!.. это освѣжитъ васъ!..

Мы повернули къ колодцамъ и я только тутъ окинулъ любопытнымъ взоромъ всю мѣстность, нѣсколько часовъ тому назадъ бывшую ареной катастрофы, впрочемъ слишкомъ обычной въ тѣ годы.

Поверхность почвы ничѣмъ не отличалась особеннымъ, только около центрального колодца лежалъ одинъ изъ разбойниковъ, раскинувъ руки въ стороны и уткнувшись носомъ прямо въ песокъ, сдѣлавшійся какимъ-то бурнымъ должникомъ отъ крови убитаго; нѣсколько въ сторонѣ высился свѣжій песчаный холмъ, сокрывшій подъ собой (какъ я узналъ послѣ) нашего повара Кулпашку. Надъ *акча-куймой* вились вороны и когда мы спустились въ оврагъ, то увидѣли, что эти отвратительные степные хищники правили

тризну надъ двуногими собратами по профессіи. Двое баран-
тачей представляли уже не цѣлыя трупы, а растерзанныя
глыбы мяса. Третій разбойникъ, къ удивленію моему, ока-
зался еще живъ, хотя и корчился въ предсмертныхъ судо-
рогахъ. Очевидно, всѣ трое, будучи ранены, уползли въ это
ущелье. Вороны нахально садились на умирающаго и бо-
комъ, трусливо подскакивая, подбирались къ бритой головѣ,
заглядывая въ начавшіе уже стекляниться глаза; руки раз-
бойника, грязныя, цѣпкія и худыя, судорожно погружались
въ песокъ, но не въ состояніи уже были отогнать стаи
птицъ, весьма густо покрывшихъ корчившееся тѣло. Я не
могъ выносить этой ужасной картины, но Зубаревъ, болѣе
меня крѣпкій на нервы, совершенно спокойно подошелъ къ
недавнему врагу и, прежде чѣмъ я успѣлъ что-нибудь ска-
зать, взмахнулъ прикладомъ, раздався трескъ черепа,—и
новый трупъ поспѣлъ на завтракъ птицамъ, съ отврати-
тельнымъ карканьемъ вившимся надъ нашими головами.

— О, Боже, что это вы дѣлаете!..

— Собакъ собачья и смерти!—проговорилъ Яковъ Ни-
колаевичъ и заторопилъ меня ѣхать.

Обмывъ раны и освѣжившись ключевой водой, я почув-
ствовалъ какъ силы возвращаются ко мнѣ и хотя боль
давала себя знать, вскочилъ на лошадь.

Дальше, Бога ради дальше отъ подобнаго зрѣлища!

А солнце равнодушно освѣщало картину: ему должно
быть не впервые приходилось быть свидѣтелемъ такихъ
степныхъ драмъ.

Хорошъ и спутникъ мой, однако! Стукнулъ по багнѣ
какъ будто орѣхъ раскололъ, и ѣдетъ себѣ теперь, торо-
пится, дочь увидать спѣшить. Дочь! Значитъ, бьется же у
него какое-нибудь сердце, значитъ есть же у этого зага-
дочнаго субъекта чувство! И мнѣ вдругъ захотѣлось за-
глянуть въ прошлое своего спутника, узнать, кто онъ и
какъ попалъ сюда въ безлюдную и голодную степь, да еще
съ ребенкомъ.

Преступникъ ли это, бѣжавшій съ каторги, или дезер-

тиръ? А можетъ плѣнный, оторванный отъ родины и со-
здавшій себѣ новую?

Подъ вліяніемъ этого желанія, я и обратился къ нему
съ вопросомъ. Яковъ Николаевичъ помолчалъ, вздохнулъ,
а затѣмъ началъ такъ:

— Въ жизни бываютъ воспоминанія, которыя непріятно
будить; печали, которыя охотно хоронятся въ глубинѣ
души, и раны, которыя снова раскрываются, какъ только до
нихъ дотронешься. Я бы ни за что не рѣшился повѣрить
вамъ своего прошлаго, но лицо ваше говоритъ, что предо-
мною честная и хорошая душа. Кромѣ того, есть на свѣтѣ
одно существо, при мысли о которомъ мнѣ на сердце ло-
жится тяжелый камень; существо это—моя дочь... Но слу-
шайте по порядку.

— Мой рассказъ относится къ тому періоду молодости,
когда сердце еще полно пышныхъ, безпредѣльныхъ фанта-
зій, когда голова преисполнена смѣлыми, отважными пла-
нами, когда рука съ неустрашимымъ своеволіемъ силится
поднять мрачную завѣсу съ ближайшей будущности...

При этихъ словахъ Зубаревъ замолчалъ и какъ бы впалъ
въ глубокую задумчивость. Вѣроятно, картины прошлаго слиш-
комъ ярко мелькнули въ его памяти, или, быть можетъ,
онѣ разбудили какія-нибудь особенныя воспоминанія. Я
ждалъ, когда онъ заговоритъ самъ, не желая дотрогиваться,
по его словамъ, до незажившихъ ранъ. Минутъ черезъ пять
Яковъ Николаевичъ тряхнулъ головой, какъ бы отгоняя
отъ себя рой нахлынувшихъ думъ, и продолжалъ слѣдующее:

— Это было въ 1859 году; послѣ короткаго промежутка
кавказскіе горцы снова взяли за оружіе и возстаніе вспых-
нуло яркимъ пламенемъ. Хотя въ послѣдніе годы Шамиль
потерпѣлъ значительныя потери и русскимъ удалось почти
окончательно завладѣть Дагестаномъ, тѣмъ не менѣе фа-
натикъ-мюридъ сумѣлъ побудить жителей Дагестана и
Чечни къ новой борьбѣ; борьба эта загорѣлась съ неслы-
ханной силой и была кровопролитнѣе, чѣмъ когда-либо.
Русскимъ приходилось бороться въ скалистыхъ ущельяхъ

и непроходимыхъ лѣсахъ Чечни съ непобѣдимыми трудностями; ряды ихъ быстро рѣдѣли отъ смертоносныхъ пуль чеченцевъ, прятавшихся за скалами. За каждымъ деревомъ дѣвственнаго лѣса скрывался врагъ; невидимый до тѣхъ поръ, онъ вдругъ съ дикимъ крикомъ выскакивалъ изъ своего убѣжища и сотни русскихъ падали подъ ударами острыхъ сабель и кинжаловъ точно изъ земли выросшихъ враговъ. Русскіе тѣмъ не менѣе неуклонно двигались впередъ, оставляя позади себя кровавый слѣдъ, брали аулы и разоряли одну горную крѣпость за другой, такъ что Шамиль вынужденъ былъ искать послѣдняго убѣжища въ скалистомъ гнѣздѣ Гунибѣ.

— Я ѣхалъ офицеромъ въ дѣйствующую армію... но не суждено мнѣ было туда попасть и воспоминаніе о томъ, что я сдѣлалъ—жгучимъ стыдомъ покрываетъ меня до настоящаго времени... Въ Оренбургѣ я познакомился съ однимъ киргизомъ. То былъ весьма вліятельный бій, аулъ котораго лежалъ у подошвы Ала-Тау. Его соблазнительныя описанія романической жизни своей родины заставили меня принять приглашеніе посѣтить его *комъ**). Племя, біемъ котораго онъ былъ, расположилось въ это время со своими кибитками около озера Кара-Куль. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и прожилъ... цѣлый годъ въ его гостепріимной палаткѣ, пока, наконецъ, такое однообразіе не надоѣло мнѣ: страсть къ путешествіямъ гнала меня впередъ. Въ то время я научился уже довольно порядочно говорить по-киргизски. Это обстоятельство вдругъ натолкнуло меня на мысль проникнуть въ глубь Азіи... Мнѣ удалось сдѣлать то, чего не удавалось быть можетъ ни одному европейцу. Одѣтый въ киргизское платье, хорошо вооруженный, я прошелъ по берегу Аму-Дарьи почти всю центральную Азію, отъ Кара-Куля до Герата, при чемъ долгое время жилъ въ Хивѣ, Бухарѣ и Самаркандѣ. Цѣлью моего путешествія была Персія, я на-

*) Кочевье.

мѣревался дойти до Тегерана и поступить въ Персидскую службу... Не судите меня строго. Поймите, что я былъ молодъ и притомъ честолюбивъ до болѣзни... Тянуть лямку въ русской арміи мнѣ казалось скучнымъ, а я рѣшилъ во что бы то ни стало добиться высокихъ степеней... Играла тутъ судьба какую-нибудь роль, или на этотъ путь меня притягивала романическая струнка? Можетъ быть, то и другое... Какъ бы то ни было, но съ этого времени со мной произошла перемѣна, и вся жизнь моя получила другое направленіе.. Изъ множества горныхъ проходовъ я выбралъ тотъ, который велъ черезъ хребетъ Боноръ-Дагъ. Какъ-то, помню, я остановился во время полуденной жары подъ тѣнью скалистой горы. Вдругъ на дорогѣ, круто сворачивавшей въ этомъ мѣстѣ въ сторону, я услышалъ галопъ сначала одной лошади, а потомъ еще нѣсколькихъ, казалось, слѣдовавшихъ за нею въ нѣкоторомъ разстояніи. Въ ту же минуту, на поворотѣ дороги показался всадникъ, раздался выстрѣлъ, лошадь его упала, а три другіе, преслѣдовавшіе ея всадника, бросились на него съ обнаженными саблями. Упавшій вытащилъ длинный кинжалъ, но такъ какъ онъ лежалъ подъ лошадью, то и не могъ освободить своей ноги изъ-подъ тяжести мертваго животнаго. Трое противъ одного!—для меня этого было довольно. Я вскочилъ въ сѣдло, не медля ни минуты. Одинъ изъ преслѣдователей подошелъ къ упавшему всаднику и замахнулся надъ головой несчастнаго своей кривой саблей. Я схватилъ берданку, прицѣлился, выстрѣлилъ и — негодяй упалъ; двое другихъ сдержали лошадей, повернули ихъ моментально и ускакали во весь опоръ. Подѣхавъ къ упавшему, я помогъ ему освободиться изъ-подъ тяжести лежавшей на немъ лошади; преслѣдователя я должно быть убилъ на повалъ, потому что онъ даже не шевелился; тотъ же, кого я спасъ, былъ, если судить по сѣдой длинной бородѣ, уже старикъ, хотя въ его широкоплечей, мускулистой фигурѣ и блестящихъ темныхъ глазахъ сказывались чисто юношеское мужество и сила.

— Аллахъ да будетъ милостивъ къ тебѣ *здѣсь* и да ниспослетъ тебѣ всѣ радости неба *тамъ*, незнакомецъ! Ты спасъ мнѣ жизнь!—сказалъ старикъ, упирая на слово *тамъ*.

— Тебѣ нечего благодарить меня,—отвѣчалъ я,—ты былъ одинъ противъ троихъ, и я долженъ былъ заступиться, потому что моя вѣра велитъ мнѣ такъ дѣлать.

— Твоя вѣра! Но кто же ты?

— Я христіанинъ.

— Все равно, ты уже не чужой бей-Ахмету, ты можешь повелѣвать мною, я твой рабъ. Клянусь бородой пророка, что все, что я имѣю, принадлежитъ тебѣ; требуй отъ меня чего хочешь и тебѣ ни въ чемъ не будетъ отказано!—въ подтвержденіе своей клятвы онъ положилъ на бороду правую руку.—Прежде всего ты мой гость,—продолжалъ онъ—палатки моего аула находятся недалеко отсюда, въ долину... Га, разбойники!—сказалъ онъ, вскакивая на сѣдло свободной лошади и бросая сверкающій взглядъ на убитаго,—это не настоящіе узбеки, которые вздумали подкараулить меня здѣсь... Пускай же онъ тутъ валяется какъ собака, пускай хищныя птицы растащутъ его тѣло!—вскричалъ Ахметъ, плюнувъ на покойника.—Поѣдемъ!

Мнѣ нельзя было не принять приглашенія, потому что наступалъ уже вечеръ, и когда мы достигли аула Ахмета, то на небѣ зажглись первыя звѣзды.

— Въ эти сѣ палаткахъ — сказалъ Ахметъ, когда мы сошли съ лошадей передъ одной изъ нихъ—живетъ мое семейство, мои жены, дочери и внуки; надѣюсь, ты не откажешься войти въ мою собственную палатку, а я отправлюсь къ сыновьямъ.

Въ эту минуту изнутри палатки отдернулся войлокъ, замѣнявшій дверь и на порогѣ ея появилась молодая дѣвушка ослѣпительной красоты; позади ея стояла пожилая женщина съ факеломъ въ рукахъ, свѣтъ котораго падалъ на прелестную фигуру молодой красавицы. Я вижу ее какъ теперь, хотя тому прошло много лѣтъ. Длинные золотистоблѣкурные волосы доходили у нея почти до пятъ, а глаза

были черныя, при чемъ черты лица вовсе не указывали на ея киргизское происхожденіе. Какъ быстро она явилась предо мною, такъ же быстро и исчезла изъ моихъ глазъ; она опустила занавѣсъ и я только могъ слышать ея дѣтскій смѣхъ.

— Это моя внучка, Фатима,—сказалъ Ахметъ,—она испугалась при видѣ посторонняго. Теперь моя палатка свободна, да благословитъ Аллахъ тотъ часъ, когда ты перестунишь ея пороги!—добавилъ онъ, откидывая занавѣсъ.

И Аллахъ услышалъ старика. Съ этой минуты въ моей жизни взошла звѣзда счастія и мое сердце наполнилось такимъ блаженнымъ чувствомъ, какого я еще никогда не испытывалъ и о которомъ даже не смѣлъ мечтать. Къ чему рассказывать вамъ о времени, которое началось тогда для меня? Позвольте мнѣ быть краткимъ.

— Женщины и особенно дѣвушки пользуются у киргизовъ и узбековъ большей свободой, чѣмъ предписывается кораномъ. Я еще разъ увидѣлъ Фатиму и полюбилъ это дитя природы со всею страстью молодого сердца, а вскорѣ узналъ, что и самъ былъ любимъ взаимно. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Я сопровождалъ узбековъ на охотѣ, принималъ участіе въ ихъ походахъ, жилъ въ одной палаткѣ съ Ахметомъ, который обращался со мной, какъ съ членомъ своего семейства, словомъ, я, незамѣтно для самого себя, превратился въ настоящаго узбека. Ахметъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ томъ, что удерживало меня въ его палаткѣ, такая мысль должна была казаться невозможною ему, строгому магометанину. Я не могъ долѣе злоупотреблять его довѣріемъ, откровенно признался ему въ своей любви къ Фатимѣ и просилъ ея руки.

— Счастье наше въ твоихъ рукахъ, — сказалъ я ему—потому что внучка твоя тоже любитъ меня. Я не желаю большаго счастія на землѣ, какъ жить съ нею подъ однимъ кровомъ; твой аулъ навсегда сдѣлается моимъ отечествомъ.

Ахметъ спокойно выслушалъ меня.

— Располагай моею жизнью,—отвѣчалъ онъ,—ты спась ее, но не требуй отъ меня того, что я, какъ правовѣрный, не могу сдѣлать для христіанина. Все, все, только не это!..

— Ты поклялся бородой пророка—возразилъ я—неужели же эта клятва имѣетъ для тебя такъ мало значенія?

— Но ты требуешь отъ меня болѣе, чѣмъ жизнь!—произнесъ Ахметъ послѣ небольшого раздумья,—однако, пусть будетъ по твоему, да простить мнѣ пророкъ этотъ грѣхъ! Я поклялся и сдержу свою клятву, но съ однимъ условіемъ: прими нашу вѣру и ты сдѣлаешься мнѣ любезнымъ сыномъ!..

При этихъ словахъ Зубаревъ опустилъ голову на грудь и замолчалъ.

— Любовь создала мнѣ рай на землѣ, обладаніе Фатимой было для меня блаженствомъ,—продолжалъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ,—что значилъ для меня свѣтъ, съ которымъ я расстался навсегда, что значили человѣческіе предразсудки? Моя любовь была моею религіей! Кто не любилъ, какъ я, пускай бросаетъ въ меня камень!.. Однимъ словомъ, я сдѣлался магометаниномъ, а Фатима—моей женой.

— А что же вы теперь?—невольно спросилъ я, сильно заинтересованный разсказомъ.

— Я теперь то, чѣмъ былъ всегда и чѣмъ умру—человѣкъ!—гордо отвѣчалъ Зубаревъ.

— Я вполне понимаю васъ, другъ мой—произнесъ я—хотя, мнѣ кажется, на вашемъ мѣстѣ я не поступилъ бы такъ... Но что же случилось съ вами потомъ?

— Три года прошли для насъ въ полномъ, ничѣмъ не омрачаемомъ счастьи. Къ концу третьяго года у Фатимы родилась дочь—вылитый портретъ матери... И все это похитили у меня въ одно мгновеніе, все мое счастье было разбито въ прахъ, я лишился всего и не понимаю, какъ перенесъ постигшій меня ударъ... Господь Богъ тяжело, хотя и справедливо, наказалъ меня за великій грѣхъ отступничества...

— Но какъ-же это произошло?—съ нетерпѣніемъ спросилъ я задумавшагося спутника,—и онъ продолжалъ.

— Я разбилъ себѣ палатку въ одной боковой долинѣ, потому что мы не хотѣли, чтобъ кто-нибудь былъ свидѣтелемъ нашего счастья. Однажды Ахметъ пригласилъ меня сопровождать его на далекую охоту; обыкновенно Фатима отправлялась вмѣстѣ съ нами, но такъ какъ въ этотъ разъ мы должны были пребыть въ отсутствіи нѣсколько дней, то я уговорилъ ее остаться съ ребенкомъ дома... Вернувшись черезъ педѣлю съ охоты, я нашелъ свою палатку сгорѣвшею, Фатима же исчезла безъ всякаго слѣда. Женщина, жившая у насъ въ качествѣ няньки, разсказала, что на другой день послѣ нашего отъѣзда, не задолго до солнечнаго заката, на палатку напала толпа вооруженныхъ всадниковъ и разграбила все до основанія. Она же, нянька, спряталась съ ребенкомъ въ кусты и видѣла похищеніе Фатимы. Разбойники, накинувши на голову войлочное одѣяло, посадили Фатиму на лошадей и, поджегши палатку, ускакали. Такъ какъ въ аулѣ оставалась одна женщина, то преслѣдовать похитителей было некому. Недолго думая, я рѣшилъ отправиться по слѣдамъ разбойниковъ, въ сопровожденіи двухъ молодыхъ узбековъ-одноаульцевъ. По описанію няньки разбойники направились къ югу. Мы догадались, что то были кашгарцы, и поскакали въ указанную сторону. Цѣлыя недѣли скитались мы въ горахъ и, судя потому, что намъ иногда сообщали пастухи, слѣдовало заключить, что мы напали на настоящій слѣдъ. Вскорѣ мы перешли границу и продолжали свой путь вдоль подошвы горы, по болотистой, покрытой кустарникомъ, низменности. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ показался дымъ, а еще немного погода раскинулся аулъ. Спутники мои спѣшили, чтобъ дать немного отдохнуть утомившимся лошадямъ, я поѣхалъ впередъ. Вдругъ до меня донесся издали звукъ человѣческаго голоса; я сталъ прислушиваться: то былъ голосъ женщины, она напѣвала одну изъ монотонныхъ узбекскихъ пѣсенъ, полныхъ печали и грусти, ту самую пѣсню, которую дома часто пѣла Фатима. Точно ослѣпленный молніею, я быстро прищипорилъ лошадь. Не боже

какъ въ ста шагахъ сидѣла въ пыли дороги женщина, завернутая въ лохмотья, съ распущенными волосами. Великій Боже! я узналъ ее... это была Фатима... Фатима, любовь моя!—вскричалъ я, становясь передъ ней на колѣна.—Неужели я нашелъ тебя?.. Я схватилъ ее похудѣвшія руки и началъ покрывать ихъ поцѣлуями, называя ее нѣжнѣйшими именами. По тѣлу несчастной пробѣжалъ судорожный трепетъ, она взглянула на меня своими темными, глубоко впавшими глазами, въ которыхъ свѣтилось лихорадочное пламя, но ничего не отвѣчала: она не узнавала меня. Разсѣянная улыбка блуждала на ея блѣдныхъ устахъ; протянувъ руки, она чуть слышно прошептала: „онъ придетъ отсюда! вѣрно онъ прислалъ тебя, чтобъ спасти меня изъ огня! Ухъ! они обернули мою голову пылающимъ обручемъ... я горю!“ — И она опять взглянула на меня и улыбнулась. Увы! то были взоры, то была улыбка сумасшедшей!..

Потрясенный воспоминаніями, Зубаревъ закрылъ лицо руками и замолчалъ.

— Да, Фатима сошла съ ума... сошла съ ума!..—продолжалъ онъ послѣ непродолжительной паузы.

— Сумасшедшая! это одно слово должно объяснить вамъ ужасъ и боль, которые я испытывалъ при ея видѣ... Послѣ того прошло много лѣтъ, но когда я вспоминаю это время, раны мои открываются и болятъ снова...

— Не дотрогивайся до меня! — вскричала Фатима, отталкивая меня, когда я взялъ ее на руки и посадилъ на лошадь.

— Оставь меня тутъ въ пыли! Чего ты хочешь отъ меня? Посмотри на меня, неужели тебя прельщаетъ моя красота? Вѣдь я не Фатима, Фатима умерла... умерла. А ты? прочь, прочь отсюда! Развѣ ты не видишь, какъ орлы носятся надъ нами и простираютъ свои когти къ моему трупу?.. И она обняла руками мою шею; голосъ отказывался ей повиноваться, она, какъ безчувственная, закрыла глаза и голова ея спустилась ко мнѣ на грудь...

Наконецъ, мы вернулись домой. Вся нѣжная заботливость

и уходъ, которыми я старался окружить любимое существо, не могли прорвать сумрака ночи, въ который была погружена ея душа. Она не узнавала меня, хотя въ бреду нѣрѣдко то звала меня по имени, точно обращаясь къ моей помощи, то горько жаловалась на стыдъ и позоръ, котораго сдѣлалась жертвой. Лихорадка уносила ея послѣднія силы и она быстро приближалась къ роковому концу... Передъ смертью разсудокъ, казалось, вернулся къ ней. Она открыла глаза... блаженная улыбка освѣтила ея уста, — она узнала меня. „Это, ты, мой возлюбленный?“ произнесла она едва слышно. „Ахъ, какой я видѣла ужасный сонъ! я видѣла... видѣла“... и она приложила свою прозрачную, бѣлую какъ воскъ, руку ко лбу.

— Успокойся, моя дорогая! сновидѣніе миновало, ты была больна, теперь я съ тобою — сказалъ я, между тѣмъ какъ слезы душили меня. Она схватила мою руку, губы ея шевелились, какъ будто она хотѣла что-то сказать, дыханіе становилось все слабѣе и слабѣе и она тихо перешла въ вѣчность.

Сказавши это, спутникъ мой замолчалъ и я замѣтилъ, какъ на глазахъ его показались слезы. Тяжело видѣть слезы мужчины! Только сильное, развѣдающее горе способно ихъ вызвать. Желая чѣмъ-нибудь отвлечь Якова Николаевича отъ грустныхъ воспоминаній, я спросилъ:

— Удалось ли вамъ, по крайней мѣрѣ, узнать, кѣмъ была похищена ваша жена?

— Да. Болѣе того, я узналъ даже—для кого она была похищена. Фатиму приказалъ украсть для своего гарема бадагманскій бей Мазафаръ; а потомъ, когда она помѣшалась, негодай выгналъ ее вонъ. Но бей Мазафаръ жилъ не въ томъ аулѣ, около котораго я нашелъ Фатиму, значитъ несчастная скиталась прежде по степи и наконецъ упала отъ усталости. Все племя узбековъ готово было отомстить за позоръ, нанесенный Ахмету въ лицѣ внучки его, но я не хотѣлъ этого допустить. Я поклялся на могилѣ Фатимы отомстить за нее, мнѣ одному принадлежало это право. Эта

клятва даже какъ бы смягчала мое горе. Какъ я поклялся, такъ и случилось; узбеки отпустили меня одного. Я достигъ аула Мазафара. Собравъ свѣдѣнія объ образѣ жизни бея, я узналъ, что онъ часто ѣздитъ охотиться въ лѣсъ одинъ, со своимъ соколомъ. Цѣлые дни лежалъ я, спрятавшись въ кустарникѣ, на единственной дорогѣ, которая вела въ этотъ лѣсъ. Наконецъ, я увидѣлъ его однажды, уже издали. Когда онъ былъ отъ меня во ста шагахъ, я бросился на лошадь и загородилъ ему проѣздъ по узкой тропинкѣ. Бей, увидѣвъ меня, остановился; я подѣхалъ къ нему ближе.

— Кто ты такой?—гнѣвно воскликнулъ онъ—какъ осмѣлился ты проникнуть сюда, въ мѣсто моей охоты?

— Кто я—ты сейчасъ узнаешь это, несчастный!—отвѣчалъ я.—Я мститель Фатимы, негодный похититель чужихъ женъ! Часъ твой пробилъ, бездѣльникъ!.. Мазафаръ выхватилъ пистолетъ, но въ то же мгновеніе мое лассо засвистало въ воздухъ; не успѣла петля обвиться вокругъ его шеи, какъ бей спустилъ курокъ, но пуля просвистѣла надъ моей головой. Я стащилъ его съ лошади. Пришпоривъ лошадь, въ дикомъ галопѣ понесся я черезъ кусты и острые камни, наполнявшіе дорогу, не обращая вниманія ни на какія препятствія и не оглядываясь назадъ, съ привязаннымъ къ сѣдлу арканомъ, на которомъ волочилась моя жертва. Я скакалъ все дальше и дальше, не останавливаясь ни на минуту до тѣхъ поръ, пока, по моимъ соображеніямъ, на лассо не висѣла безформенная кровавая масса. Тогда я отвязалъ лассо и бросилъ его на дорогѣ; вившіеся въ воздухѣ коршуны могли теперь приниматься за свою трапезу.. Я знаю,—продолжалъ Зубаревъ помолчавъ,—что въ вашихъ глазахъ, юноша, я долженъ казаться дикимъ сыномъ степей и можетъ быть вы правы, осуждая меня, тѣмъ болѣе, что съ этой минуты я дѣйствительно превратился въ дикаря.

— Помилуйте, я вполне оправдываю вашу месть; и то, что вы утверждаете дальше, кажется мнѣ напраснымъ самообвиненіемъ. Вы хотите представить себя хуже, чѣмъ вы есть на самомъ дѣлѣ.

— Вы думаете? Въ такомъ случаѣ вы не знаете человеческой природы. Каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ болѣе или менѣе кровожадный инстинктъ. Этотъ инстинктъ вдругъ проснулся во мнѣ и я сталъ похожимъ на тигра, когда онъ отвѣдаетъ крови. Я сдѣлался настоящимъ узбекомъ, война и кровопролитіе были для меня наслажденіемъ и даже воспоминаніе о моей прежней счастливой жизни блѣднѣло въ сравненіи съ переменчивой боевой жизнью слѣдующаго года. Я искалъ смерти и не находилъ ея. Вдругъ, однажды, на нашъ аулъ напало враждебное племя, мы вышли побѣдителями изъ кровопролитнаго боя, я былъ тяжело раненъ и безъ чувствъ отнесенъ въ палатку. Сколько времени пролежалъ я въ постели — не помню, но когда пришелъ въ себя, то первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это стоявшій около моей постели ангелъ. Да, дочь моя сдѣлалась ангеломъ-хранителемъ, возвратившимъ меня къ жизни. До этой минуты я мало заботился о ребенкѣ и даже избѣгалъ его по причинѣ поразительнаго сходства съ матерью (Бываютъ такіа противорѣчія въ человеческой натурѣ). Теперь же, когда дочь, при возвращеніи ко мнѣ сознанія, вдругъ явилась предо мной во всей своей прелести и миловидности, такъ напоминавшихъ мнѣ Фатиму, и взглянула на меня своими темными глазами, точь въ точь такими же, какъ у матери, въ моемъ сердцѣ произошла внезапная переменна. Мнѣ казалось, что съ него свалилась точно какая-то кора, точно я освободился изъ-подъ вліянія злого духа, державшаго меня до тѣхъ поръ въ своихъ цѣпяхъ... Я снова сдѣлался самимъ собою, снова сталъ человѣкомъ. И пока не всталъ съ постели, я не отпускаялъ съ тѣхъ поръ Райханъ (такъ зовутъ мою дочь) отъ себя ни на минуту. Въ слѣдующемъ году умеръ Ахметъ. Ничто не удерживало меня болѣе въ Азіи; воспитать свою дочь магометанкой не входило въ мои взгляды и я захотѣлъ вернуться въ Россію... Болѣе мнѣ нечего прибавлять. А что будетъ впереди—не знаю!..

XXIII. Снова со своими.

Вдали передъ нами показалось облако густой пыли. Спутникъ мой обладалъ настолько прекраснымъ зрѣніемъ, что безъ труда разсмотрѣлъ караванъ, но я, кромѣ пыли, ничего не могъ разглядѣть. Мы прищипорили лошадей и помчались маршъ-маршемъ. Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно я убѣдился, что то былъ караванъ. Издали онъ походилъ на раненую птицу, которая рѣя и разсѣкая воздухъ однимъ крыломъ, другимъ судорожно взмахиваетъ по временамъ, чтобъ не упасть; такъ и видите, что если упадетъ она, то уже не подыметься. Я никакъ не могъ понять, отчего это происходитъ. Неужели верблюды устали, но почему? Отъ каравана отдѣлился всадникъ и по великолѣпной вороной лошади я узналъ Левашева. Сердце мое вдругъ забилося сильно—сильно, и мнѣ стало несказанно пріятно, что опять вижу этого грубаго, но добродушнаго казака. Только въ эту минуту мнѣ ясно, до малѣйшей подробности, представилось, какой ужасной, по своимъ послѣдствіямъ, опасности я подвергался. Плѣнъ, рабство, невольничья жизнь, быть можетъ, на многіе годы, гдѣ-нибудь среди дикихъ и свирѣпыхъ туркменъ, ихъ звѣрства по отношенію къ *кафирамъ*, — все это быстро промелькнуло предо мной и я готовъ уже былъ впасть въ минорный тонъ подъ вліяніемъ созданныхъ разстроеннымъ воображеніемъ ужасовъ, какъ вдругъ лошадь моя шарахнулась, испуганная крикомъ. То спутникъ мой Яковъ Николаевичъ, пронзительно гикнувъ, понесся къ каравану, и Богъ знаетъ чего не заключалось въ этомъ его крикѣ: и радость скорого свиданія съ дочерью, и опасеніе—встрѣтитъ-ли онъ ее, найдетъ-ли. Да, иногда крикъ человѣка, при особенныхъ обстоятельствахъ, заключаетъ въ себѣ такъ много различныхъ оттѣнковъ, что передать этого на бумагѣ совершенно невозможно.

Между тѣмъ Левашевъ приблизился ко мнѣ. Сильное ли перенесенное потрясеніе, или я невольно разнѣжничался—

нервы не выдержали,—только рыданія, буквально дѣтскія горькія рыданія огласили эту мертвую степь. Когда же я успокоился, то увидѣлъ, что меня окружали и Кебековъ, и Зубаревъ, и Левашевъ, и многіе другіе члены нашего каравана. Мнѣ опять сдѣлалось такъ весело, такъ хорошо, что я готовъ былъ обнять и перецѣловать ихъ всѣхъ, этихъ дорогихъ моихъ друзей. Я не буду описывать ни упрековъ съ моей стороны—почему меня бросили, ни резонныхъ доводовъ караванъ-баша, по весьма естественному чувству, боявшагося за цѣлость ввѣреннаго ему каравана болѣе, нежели за жизнь одного какого-либо изъ членовъ этого каравана,—все объяснилось, уладилось, я былъ опять среди своихъ. Отсутствіе вѣроломнаго таджика, лежащаго теперь въ скалистыхъ ущельяхъ съ прострѣленнымъ лбомъ, было незамѣтно, благодаря присутствію Зубарева; не доставало одного повара Кулпашки, но и тутъ меня утѣшилъ начитанный, всезнающій и мудрый Нысанъ философской фразой: *Воля Аллаха! такъ видно написано было ему въ книгѣ судьбы!* Семенъ Никитичъ даже подтвердилъ это евангельскимъ изреченіемъ, что „безъ воли Божіей ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка“.

Кстати о немъ. Если вѣрить увѣреніямъ Семена Никитича, то это положительно онъ одинъ спасъ караванъ отъ угрожавшей опасности: когда онъ соскочилъ съ верблюда и (на что не рѣшишься въ минуту жизни трудную!) выругалъ злодѣевъ, эти послѣдніе, видя, что въ караванѣ не мало *русскихъ*, поспѣшили убраться. На мое замѣчаніе, что вѣроятно это произошло отъ иныхъ причинъ, Семенъ Никитичъ съ такимъ азартомъ принялся доказывать свою храбрость, что я рѣшительно долженъ былъ ему повѣрить, хотя жало сомнѣнія и рисовало въ моемъ воображеніи совсѣмъ инныя картины.

А какая была прелестная дѣвочка Райханъ! Представьте себѣ херувима съ свѣтлыми кудрями и длинными темными рѣсницами, съ розовымъ, словно выточеннымъ рѣзцомъ

художника, личикомъ, прелестныя черты котораго поражали своею правильностію. Одѣтая въ черкесскій костюмъ, она чрезвычайно походила на мальчика. Я невольно удивился странной игрѣ природы, создавшей отъ киргизки такого дивно-красиваго ребенка. Яковъ Николаевичъ, однако, увѣрялъ, что Райханъ (какое чудное имя!) двѣ капли вылитый портретъ матери. Вскорѣ мы сдѣлались съ красавицей Райханъ большими друзьями, да и всѣ въ караванѣ переродились съ появленіемъ этого ребенка. Басантіевъ окончательно одурѣлъ и для удовольствія Райханъ выдѣлывалъ такіе курбеты, что восхищенные зрители только хлопали руками о полы своихъ засаленныхъ чапановъ. Надо было видѣть, въ какую широчайшую улыбку расплывалось лицо добродушнаго Левашева, съ какой осторожностью онъ бралъ ребенка въ свои заскоруженныя лапищи, — и слова, исполненные нѣжности, сыпались тогда съ языка Иванъ-бая, словно горохъ изъ прорваннаго мѣшка. Дѣвочка слушала и серьезно смотрѣла своими большими темными глазами на бородатаго пѣстуна, а врожденное каждой дочери Евы кокетство уже начинало замѣтно проглядывать въ этомъ семилѣтнемъ ребенкѣ, какъ бы сознававшимъ всю неотразимую силу своей красоты.

Когда я подъѣхалъ къ каравану, дѣвочка наговорившись до сыта съ отцемъ, что-то бойко лепетала на родномъ своемъ языкѣ Левашеву. Видимо, она о чемъ-то просила, но эта просьба скорѣе походила на приказаніе, потому что Иванъ-бай моментально соскочилъ съ лошади и прилегъ на землю, которая была сплошь изрыта норами сурковъ и полевыхъ мышей. Теперь мнѣ сдѣлалось понятнымъ, почему верблюды такъ ковыляли при моемъ приближеніи къ каравану: они остунались, ежеминутно попадая въ вырытыя норы, которыхъ была такая масса, что почва представлялась какъ бы нарочно вспаханной, или подработанной какими-нибудь невидимыми гномами. Норы сурковъ подъ землей испещрены разными переходами, на поверхности же повсюду, отъ норы къ норѣ, протоптаны дорожки. Я ви-

дѣлъ, какъ у каждой норы сидѣлъ на заднихъ лапкахъ сурокъ и посвистывалъ; при нашемъ приближеніи они моментально разбѣгались по своимъ жилищамъ. Однако Левашеву удалось одного словить и онъ принесъ его въ своемъ малахѣ торжествующей Райханъ.

XXIV. Въ киргизскомъ аулѣ.

Дорога стала изрѣдка пересѣкаться увалами, почва была какъ бы взволнована небольшими горными отрогами тянувшейся на сѣверо-востокъ гряды возвышенностей Кара-сай, которая сливалась въ свою очередь съ горами Мурджакъ, довольно скалистыми, оставшимися, впрочемъ, влѣво отъ насъ. За то передъ глазами гора Джулюсъ становилась все виднѣе и виднѣе, хотя до нея оставалось еще три дня пути, какъ сообщилъ мнѣ Кебековъ. Въ степи подобныя обманы зрѣнія — совершенно нормальное явленіе. Кто бывалъ въ городѣ Вѣрномъ до землетрясенія, тотъ, конечно, хорошо знаетъ, что Алматинскій пикъ видѣнъ совершенно отчетливо, съ произрастающимъ на немъ лѣсомъ, за семьдесятъ верстъ. Я не берусь объяснить, отъ какихъ причинъ происходитъ подобный фокусъ, но хорошо помню, что кажущаяся близость Алматинскихъ горъ ввела въ заблужденіе какую-то ученую экспедицію англичанъ, задумавшую въ 1883 году изслѣдовать глетчеры горъ, окружающихъ Вѣрный. Экспедиція эта, отправившись налегкѣ и съ малымъ запасомъ пищевого довольствія, чуть было не погибла, а достигъ даже половины уступовъ не могла, хотя члены экспедиціи пренаивно считали не болѣе полуторыхъ миль до заинтересовавшаго ихъ пункта. Наконецъ почтенные англичане попали въ какой-то предательскій уступъ, съ вершины котораго сорвалась огромнѣйшая лавина и чуть не погребла подъ собою сыновъ Альбіона.

Долина, на которой расположена г. Джулюсъ, увѣчанная лѣсомъ и изрытая темными буераками, гдѣ гнѣздятся дикія козы и джейраны (родъ газелей), — одна изъ прекраснѣйшихъ, какія мнѣ случалось видѣть во всемъ Туркестанскомъ краѣ.

У подошвы горы всюду зелень и разнообразный веселый видъ. Невдалекѣ извивается змѣйкой черная рѣчка Кара-су (совершенно горнаго характера), поросшая тростникомъ, съ ярко зелеными лугами, представлявшими для нашего каравана обильное пастбище.

Опускаю описаніе всего переѣзда до горы Джулюса, куда мы прибыли часамъ къ восьми вечера. Въ сторонѣ, у рѣчки, расположился аулъ, состоявшій изъ 10—12 желомеекъ, пропитанныхъ нищетой,—вотъ и все населеніе этой роскошной и привольной мѣстности. Это было первое киргизское становище, встрѣченное нами во время долгаго пути. Возчики наши и аульцы чрезвычайно обрадовались, словно родные встрѣтились послѣ долгой разлуки, хотя до этого они даже не видали никогда другъ-друга. То и дѣло слышались привѣтствія.

— Аманъ сысъ-ба?

— Аманъ-ба.

— Малъ аманъ-ба?

— Аманъ.

— Катынъ аманъ-ба?

— Аманъ *).

Такимъ образомъ, киргизы являются не особенно вѣжливыми кавалерами: сначала спросятъ о здоровьи другъ друга, потомъ о здоровьи скота и затѣмъ уже освѣдомляются о своихъ прекрасныхъ половинахъ. При этомъ еще на вопросъ—здоровы-ли бабы?—отвѣчаютъ обыкновенно такимъ тономъ, который ясно доказываетъ, что де: „чортъ-ли имъ дѣлается, понятно здоровы“. Хотя женщины у киргизовъ и не занимаютъ положенія рабынь въ смыслѣ свободы воли, за то въ домашнемъ обиходѣ онѣ стоятъ на ступени вьючнаго животнаго: на нихъ сваливается вся тяжесть хозяйства, тогда какъ мужчины абсолютно ничего не дѣлаютъ, ибо излюбленное ихъ занятіе—скотоводство почти не требуетъ

*) Здоровъ-ли?—Здоровъ. Скотъ здоровъ-ли?—Здоровъ. Бабы здоровы-ли?—И бабы здоровы.

никакого труда. Про хлѣбопашество въ степи вы и не услышите.

Заговоривъ о тяжелой долѣ киргизской женщины, какъ хозяйки, я не могу обойти молчаніемъ того обычая, который практикуется при родахъ. Узнавъ, что одной изъ женщинъ въ семьѣ наступаетъ время родить, мужчины той семьи, а нерѣдко и сосѣди, окружаютъ родильницу и не даютъ ей не только пособія, но никакого покоя и отдыха. Такимъ образомъ, процессъ родовъ предоставляется естественному его порядку, и только при трудныхъ родахъ номады употребляютъ насильственные мѣры, приближаясь въ этомъ послѣднемъ отношеніи къ нашимъ простолюдинамъ, гдѣ, впрочемъ, руководящую роль играютъ бабки-повитухи, грубыя въ своемъ невѣжествѣ, хотя и сердобольныя по натурѣ. Тьма—вездѣ тьма. Киргизка-мать пользуется только однимъ правомъ—дать имя своему ребенку. Если родившійся ребенокъ мальчикъ, то въ аулѣ поднимаются крики изступленной радости, если же—дѣвочка, то киргизы, какъ бы недовольные, расходятся отъ родильницы.

Караванъ нашъ пестрѣлъ народомъ. Киргизы скакали взадъ и впередъ, тѣснились у юртъ и вообще, повидимому, были несказанно рады провести сутки-другія около кочевья, гдѣ можно и кумысу попить вволю, и даже приволокнуться за молоденькими киргизками. Въ этомъ отношеніи киргизы имѣютъ весьма характерную черту: они, давая ночующему гостю отдѣльную палатку, посылаютъ туда своихъ женъ, обязанныхъ прислуживать и исполнять всѣ желанія гостя; если же эти желанія окажутся по отношенію къ дамамъ нескромными, то этимъ не только не наносится безчестія дому, но, напротивъ, доставляется удовольствіе хозяину. Эти обычаи, правда, нынѣ стали уже выводиться, но между нѣкоторыми родами киргизовъ упорно держатся и до сихъ поръ.

Ко мнѣ подъѣхалъ верхомъ на ослѣ какой-то чрезвычайно курьезный индивидуумъ. Представьте себѣ двухъ-аршиннаго толстенкаго человѣка съ огромнѣйшей головой

обмотанной разъ тридцать въ бѣлую ткань (чалма). Этотъ головной уборъ воочію доказывалъ, что прибывшій—былъ мулла, а стало быть—ученый человѣкъ. Ноги оригинальнаго всадника буквально волочились по землѣ, потому что оселъ подъ нимъ былъ микроскопической величины. И эта огромная чалма, и солидный халатъ, и вообще вся фигура ученаго мужа были пропитаны сознаниемъ собственнаго достоинства. Ко всѣмъ такимъ качествамъ надо было прибавить еще одно, это—даръ необыкновеннаго краснорѣчія. Мы познакомились и разговорились; мулла довольно сносно изъяснялся по русски, хотя и выговаривалъ вмѣсто „верблюды“—„серблюды“, вмѣсто „вѣра“—„бѣра“ и проч. Желая сразу изумить меня своею ученостью, онъ, послѣ первыхъ же привѣтственныхъ фразъ, обратился ко мнѣ съ такой рѣчью: „Душа человѣческая, подобно ушамъ слона, находится въ вѣчномъ движеніи, дай же покой хоть тѣлу, не изнурай его, отдохни между нами, дай время душѣ скрыться въ свою оболочку, подобно черепахѣ, скрывающейся при видѣ опасности подъ защиту своей крѣпкой коры и успокоиться внутреннимъ созерцаніемъ“.

Окружавшіе насъ киргизы самодовольно глядѣли, желая прочесть на моемъ лицѣ, какой эффектъ произведутъ эти звучныя и, вѣроятно, заранѣе приготовленныя слова.

На первый разъ тѣмъ и обошлось. Мулла наговорилъ массу любезностей и затѣмъ пригласилъ въ свой *кош*, гдѣ тотчасъ-же, какъ только мы расположились, онъ преподнесъ громаднѣйшую деревянную чашку, наполненную вплоть до краевъ кумысомъ, который я долженъ былъ выпить весь, а иначе могъ бы обидѣть хозяина въ лучшихъ его чувствахъ.

— Вы давно здѣсь кочуете?—обратился я къ нему, желая вызвать на разговоръ этого ученаго мужа.

— Рано бесной кочевали ишшо.

— Скажи пожалуйста, тамыръ, развѣ такъ ужъ хороша кочевая жизнь, что вы вѣчно переѣзжаете съ мѣста на мѣсто? Отчего вы не заведете себѣ домовъ и не живете подобно намъ, русскимъ?

— Ишшо належусь на одномъ мѣстѣ, когда умру!—отвѣчалъ мулла и нарисовалъ мнѣ изображеніе кочевой жизни такими яркими красками, представилъ ее въ такомъ радужномъ свѣтѣ и говорилъ такъ краснорѣчиво, что невольно увлекъ меня, сообщивъ часть того восторга, которымъ была преисполнена его душа.

И не одинъ онъ разсуждаетъ такимъ образомъ о прелестяхъ кочевой жизни! Какой-то изъ восточныхъ поэтовъ, кажется Гафизъ, сравниваетъ кочевой народъ съ тучами, безопасно гуляющими по небу, пока судьба, въ лицѣ какого-нибудь Чингисъ-хана, не сольетъ ихъ воедино или не разразитъ ураганомъ надъ землею.

XXV. Отдыхъ отъ трудовъ.

Хозяинъ очистилъ намъ приличное мѣсто въ кибиткѣ и попросилъ садиться, а самъ между тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы зарѣзали лучшаго барана. Когда Левашевъ перевелъ мнѣ это приказаніе, отданное по киргизски, я хотѣлъ было отклонить, такую любезность, но старикъ лаконически на это отвѣтилъ, что *гость въ рукахъ хозяина*, и мнѣ поневолѣ пришлось замолчать. Привели барана, зарѣзали и опалили. Опаленный баранъ, какъ палатъ русскіе свинью, всегда вкуснѣе, чѣмъ приготовленный безъ шкуры. Разрѣзавъ всего барана на части, положили его въ котелъ, подъ которымъ тотчасъ же и запылалъ камышъ; вокругъ огня на кошмахъ и подушкахъ сѣли гости, которыхъ изображали члены нашего каравана; женщины, набравшіяся въ кибитку муллы, помѣстились въ тѣни, на второмъ планѣ: магометанскій обычай не терпитъ женщинъ въ обществѣ мужчинъ.

Пока продолжался о томъ—о семъ разговоръ съ хозяиномъ, баранъ сварился. Котелъ сняли съ тагана и хозяинъ велѣлъ подать большой мѣдный тазъ и кумганъ, а также длинное холщевое полотенце и началось обмываніе рукъ. Безъ этого обряда номады за пищу не принимаютъ, что очень понятно: у нихъ нѣтъ ложекъ и всякую пищу

они ёдятъ пальцами, а жидкую пьютъ изъ большихъ деревянныхъ чашекъ прямо черезъ край. Хозяинъ подалъ мнѣ первому самые почетные куски: голову, часть грудины, небольшой кусокъ печенки и чуть не полкурдюка сала. Все это было поднесено въ чашкѣ, остальнымъ подавалась одна чашка на двоихъ. При каждой чашкѣ былъ положенъ ножъ азіатскаго издѣлія (псякъ). Меня часто называлъ хозяинъ таксырь (господинъ) и я спросилъ, почему же онъ думаетъ, что я таксырь: костюмъ мой во всякомъ случаѣ не напоминалъ ничего господскаго. На такой вопросъ умный мулла только улыбнулся себѣ въ бороду, что можно было перевести фразой:— „Я не ребенокъ! понимаю, дескать, что ты такое!“

Началось дружное истребленіе мяса; ёли прямо пальцами, облизывая ихъ по временамъ. Я пригласилъ къ своей чашкѣ хозяина. Признаться сказать, мнѣ гораздо было бы пріятнѣе, еслибъ трапезу граздѣлила со мной одна особа, звонкій голосъ и красивые глаза которой давно уже обратили мое вниманіе, но пригласить женщину было бы непростительнымъ нарушеніемъ киргизскаго этикета; я это зналъ хорошо, а потому и довольствовался лишь посматриваніемъ искоса на эту степную красавицу.

Наѣвшись *по этимъ мѣстамъ*, я уже готовъ былъ оставить ёду, или, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, какъ хозяинъ взялъ въ горсть кусокъ печенки, мяса и сала, поднесъ къ моему рту, который я принужденъ былъ открыть, и все втиснулъ туда, подгоняя пальцами; я чуть не подавился и едва-едва проглотилъ эту дозу и то минутъ черезъ десять. Отъ такой любезности нельзя отказаться, не обидѣвъ хозяина, такъ какъ она служить у киргизъ выраженіемъ радости хозяина гостямъ. Разумѣется, я тотчасъ отплатилъ ему тѣмъ же.

По окончаніи ёды, опять явились на сцену тазъ, кумганъ съ горячею водою и снова началось обмываніе рукъ. Послѣ этого подали въ нѣсколькихъ чашкахъ *шурпу* (отваръ изъ свареннаго барана), которую мы и начали пить на манеръ чая, при чемъ чашки переходили изъ рукъ въ руки. Въ концѣ концовъ, хозяинъ сложилъ ладони обѣихъ рукъ,

поднялъ ихъ передъ лицомъ, что сдѣлали тоже и всѣ остальные киргизы, и прочиталъ молитву: „Ля, иляга, иль Алла, Мухамедъ рясуль, Аллахъ акъ беры!“ *). Затѣмъ каждый обѣими руками погладилъ лицо.

Ужинъ кончился и всѣ разбрелись по разнымъ мѣстамъ, мнѣ, однако уснуть, долго еще не удалось, благодаря не обыкновенной болтливости хозяина. Не было, кажется, такой вещи, о которой бы онъ не разспросилъ меня самымъ подробнымъ образомъ; удовлетворяя его любознательность, я однако едва сидѣлъ, до того сонъ клонилъ меня. Наконецъ, мулла отдалъ распоряженіе, чтобы мнѣ приготовили постель. Замѣченная мною еще давеча скуластая красавица бойко начала вытаскивать изъ разныхъ закоулковъ войлоки, одѣяла и подушки, и вскорѣ соорудила мнѣ такую заманчивую постель, что я заранѣе предвкушалъ удовольствіе, съ какимъ завалюсь въ объятія храповицкаго.

— Какая у тебя хорошенькая жена, тамыр!—обратился я къ своему хозяину,—смотришь на нее просто люби!

Отпустивъ такой комплиментъ я однако тотчасъ же спохватился, боясь, что онъ не понравится и даже еще пожалуй, наведетъ старика на разные ревнивыя подозрѣнія, но, къ удивленію моему, онъ самодовольно погладилъ свою бороду и отвѣтилъ мнѣ извѣстной киргизской поговоркой: „Когда женишься, то бери красивую женщину, такъ какъ если она и окажется лишенною всѣхъ душевныхъ качествъ, то красота все таки останется“.

Поговоривъ еще кое о чемъ, онъ, наконецъ, оставилъ меня и вышелъ изъ кибитки, а вскорѣ я заснулъ какъ убитый.

На утро я проснулся очень поздно. За стѣной кибитки уже раздавался немолчный шумъ: блеяли бараны, ревѣли верблюды и... Богъ знаетъ, какихъ еще не было звуковъ, нарушавшихъ погожее ясное утро.

Какъ я говорилъ выше, мы рѣшили отдохнуть подольше

*) Нѣтъ Бога кромѣ Бога, Магометъ пророкъ Его. Свѣтлый Богъ одинъ.

въ этомъ аулѣ. Напившись кумысу, я уже началъ подумывать о томъ, чтобы повеселѣе провести день, какъ Яковъ Николаевичъ сообщилъ, что въ камышахъ, окружающихъ рѣчку, есть фазаны и не дурно бы отправиться на охоту. Съ восторгомъ принявъ это предложеніе, я спросилъ:

— Откуда же вы знаете, что есть фазаны?

— Помилуйте, да пока вы спали, мы съ Иванъ-боемъ все досконально разузнали. За этой горой не болѣе, какъ въ трехъ-четырехъ верстахъ, есть озеро *Арызъ-Куль*, поросшее громаднымъ камышемъ, а въ немъ фазановъ видимо-невидимо.

Ученый мулла, столь любезно насъ пріютившій, въ свою очередь, подтвердилъ: „сюзъ джекъ, калай копъ анда каргауловъ“ *).

— Ну, а джубарсовъ (тигровъ) въ этихъ камышахъ нѣтъ?

— Не слышали. Да, признаться сказать, мы и ходили туда, въ камыши, боимся. Это звѣрь такой, что всегда надо быть отъ него насторожѣ: *отъ друга и отъ тигра всегда нужно имѣть за поясомъ кинжалъ* **). До озера Арызъ-Куль дѣйствительно оказалось не болѣе трехъ съ половиной верстъ, мы (Зубаревъ, Левашевъ и я) вскорѣ достигли его береговъ, но охота при первомъ же взглядѣ не обѣщала ничего путнаго, ибо собакъ у насъ не было, а лѣзть въ „джунгли“ (заросли) не представляло особаго удовольствія, значитъ если бы кто и убилъ фазана, то достать его не такъ-то было легко.

Фазанъ Туркестанскаго края—красавецъ; австралійскія райскія птицы по красотѣ найдутъ въ немъ соперника, онъ много красивѣе кавказскихъ фазановъ и сразу отличается отъ нихъ бѣлымъ на шеѣ галстукомъ. На чистыхъ мѣстахъ при видѣ человека, фазанъ стоитъ всегда молодцомъ, почти въ вертикальномъ положеніи и только золотистый хвостъ

*) Даже сказать нельзя, какъ много тамъ фазановъ.

**) Этой пословицей киргизы характеризуютъ довольно мѣтко шаткость дружбы.

его разстилается по землѣ; въ излюбленныхъ имъ джунгляхъ поднимается съ земли почти изъ-подъ ногъ охотника, летитъ плавно, тихо, подставляетъ вѣрную цѣль и промаху по немъ почти дать нельзя. По полету фазанъ—чистая дворовая курица; перелеты его недалеки: рѣдко фазанъ улетитъ до 200 сажень и если ему не дать отдыха, а поднять сію же минуту снова, онъ перелетитъ сажень 50, садится и уже болѣе летѣть не можетъ; тогда его берутъ руками безъ сопротивленія. Но только для этого надо имѣть хорошую, быструю лошадь, чтобы не потерять мѣсто, гдѣ онъ опустился; довольно опоздать на одну или двѣ минуты, чтобы фазанъ въ травѣ убѣжалъ далеко и пропалъ совсѣмъ, а бѣгаетъ онъ быстро, неутомимо, какъ и всѣ плохо летающія птицы (наприм., страусъ) и хитро обманываетъ, къ тому же всегда держится въ мѣстахъ, поросшихъ камышомъ и густымъ колючимъ кустарникомъ. Въ Туркестанѣ, около Сыръ-Дарьи и ея рукавовъ, этимъ родомъ охоты занимаются киргизы обыкновенно по новому снѣгу (т. е. по порошѣ), чтобы удобнѣе находить фазана по слѣдамъ.

Самка фазана некрасива, пестро-песочнаго цвѣта, менѣе самца смѣтлива, и на открытыхъ мѣстахъ, при видѣ охотника, прижимается къ землѣ, чтобы не быть видимой, чего самецъ не дѣлаетъ. Вьютъ гнѣзда и выводятъ дѣтей фазаны на землѣ и въ такихъ густыхъ камышевыхъ заросляхъ, что найти ихъ гнѣздо или поймать выводокъ представляетъ очень большую рѣдкость.

Проѣздивши часа два, мы, къ благополучію фазановъ и къ великому своему огорченію, не нашли ничего. Да это было и совершенно повѣрно: со второй половины іюня фазаны обыкновенно линяютъ и въ это время поднимаются очень трудно, предпочитая, вѣроятно, спастись отъ приближающагося врага пѣшкомъ.

Возвращаясь съ пустыми руками ужасно было грустно и досадно. Мы двигались шагомъ, усталые, голодные и недовольные. Въ воздухѣ слышался храпъ и дыханіе лошадей и болѣе ничего не нарушало тишины...

„Измѣнилъ священну клятву,
Самъ женился на другой“.

Вдругъ запѣлъ Левашевъ тонкимъ фальцетомъ и пѣсня его какъ-то странно зазвучала среди этой невозмутимой тишины. Не знаю, на долго ли хватило бы желанія у Иванъ-бая упражняться въ развитіи своихъ голосовыхъ связокъ, если бы мы не были вдругъ поражены какимъ-то страннымъ звукомъ: казалось, что гдѣ-то вдали ѣдутъ цѣлыя сотни телѣгъ, глухо стуча колесами по землѣ; гулъ шелъ откуда-то сверху; онъ не уменьшался и не увеличивался въ своей силѣ и въ этомъ постоянствѣ и ровности звука слышалась какая-то зловѣщая нота, чѣмъ-то могучимъ, неотразимымъ и неизбежнымъ звучалъ этотъ странный гулъ. Мы долго не могли понять причины звука, пока наконецъ Левашевъ случайно поднялъ вверхъ голову, откуда шелъ этотъ звукъ: причина объяснилась—то летѣла саранча.

Въ вышинѣ было видно, какъ она двигалась медленно но безостановочно; саранча летѣла довольно рѣдкими рядами, но правильно соблюдая направленіе. Все кругомъ было тихо, лишь шумъ отъ этого войска, этого „бича Божія“, висѣлъ въ воздухѣ, наполняя души неизъяснимымъ чувствомъ безсилія передъ этой ужасной бѣдой.

Здѣсь, среди необъятныхъ песковъ, некому было особенно бояться этихъ видимыхъ враговъ, но представьте себѣ положеніе землепашцевъ. Что саранча есть бѣдствіе повсемѣстное—этого никто отрицать не станетъ, но врядъ ли гдѣ является она въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ на Кавказѣ и въ Туркестанскомъ краѣ. Едва ли также еще гдѣ-либо природа столь ожесточенно вооружается противъ землепашца, какъ опять же въ Туркестанѣ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сельское хозяйство принимаетъ характеръ азартной игры, въ которой выигрышъ сплошь да рядомъ зависитъ отъ случайностей, ни угадать, ни предупредить кои человѣкъ не въ силахъ. Заброшенный судьбой въ эту забытую и Богомъ, и людьми страну, предоставленный своимъ слабымъ единичнымъ силамъ, онъ

чувствуетъ, что всецѣло зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей. Почва туго поддается его усиліямъ, не награждаетъ хорошими урожаями его трудъ; она безъ орошенія—тотъ же камень; суглинокъ и солончакъ безъ влаги едва въ состояніи возратить хлѣбопашцу сѣмена. Мало влаги въ этихъ пустыняхъ, мало ея на поверхности; скудно падаетъ она съ небесъ.

Упорство человѣка сдумѣло, однако, побороть это зло. Прорылъ онъ степь въ различныхъ направленіяхъ арыками, съ цѣлью утилизаціи горныхъ рѣкъ и ключей и не страшна ему сдѣлалась жара. Пусть въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ восходитъ солнце на безоблачное небо, посылая на землю свои убійственные лучи и гоня все живое: засуха не страшитъ болѣе! Спустятъ воду съ горъ, напитаетъ она землю и вновь все отдыхаетъ, но... печаль и иные опустошенія грозятъ землепашцу: маленькій сѣренкій звѣрекъ-сусликъ производитъ новыя невѣроятныя бѣды. Борются съ этимъ врагомъ нѣтъ средствъ и горе тому, чье поле хоть разъ посѣтятъ эти мелкіе, но могучіе звѣрки! Въ одну ночь они уничтожаютъ нѣсколько десятковъ десятинъ, и вчерашній богачъ на утро встаетъ нищимъ, лишившись всего своего достоянія. У суслика врожденная страсть къ опустошеніямъ; онъ не столько сѣдаетъ хлѣба, сколько губитъ его, высыпая зерно и, какъ серпомъ, срѣзая колосья. Но самое главное, самое тяжелое зло—саранча, съ которой уже совсѣмъ невозможна никакая правильная борьба и надежда на побѣду. Прежде чѣмъ человѣкъ успѣетъ опомниться, она уже исчезнетъ, оставивъ послѣ себя пустыню, какъ выжженную огнемъ.

Есть среди номадовъ преданіе, будто Магометъ на крыльяхъ саранчи прочелъ такую надпись: „сила наша необъятна; каждый годъ мы кладемъ по 99 яицъ, если же мы клали бы ихъ по 100, то завладѣли бы всѣмъ міромъ“.

Да, горе землепашцу, на поле котораго сидеть эта громада съ крѣпкими челюстями, съ голоднымъ желудкомъ... Тутъ нѣтъ и не можетъ быть надежды на спасеніе...

Мы поспѣшили вернуться къ стану. Тамъ тоже замѣтили

летающую саранчу, но, какъ я уже и раньше сказалъ, особенно этимъ никто не былъ смущенъ, частью потому, что на далекомъ разстояніи не было пашень, а главнѣйше потому, что полчища саранчи держали направленіе къ востоку и, по увѣренію Зубарева, должны были опуститься на снѣжныя вершины *Колъ-Ярасъ-Казана*, а стало быть и погибнуть, не причинивъ вреда нивамъ.

Дѣйствительно, весьма нерѣдко случается, что вѣтромъ сгоняетъ саранчу на глетчеры горъ, она опускается, буквально покрывая ярко бѣлыми снѣжныя вершины, и погибаетъ. Иногда даже и не въ вѣтренную погоду, а напротивъ въ самую тихую и ясную, саранчу какъ бы что гонить впередъ, она пролетаетъ зеленѣющія пашни и опускается на озера или снѣговья горы, но отчего это происходитъ, рѣшать не берусь.

Поговоривъ на тему о саранчѣ, мы возымѣли весьма понятное намѣреніе закусить,—и гостепріимный мулла вновь распорядился предать скорой смерти барана.

Вѣроятно, это распоряженіе очень пришлось по вкусу многимъ, потому что, въ ожиданіи обѣда, молодежь затѣяла игры.

Изъ игръ киргизовъ особенно заслуживаютъ вниманія *кокъ-бури* и *кызъ-кагаръ*. Въ послѣдней, кромѣ мужчинъ, приняли участіе и дѣвушки и, надо имъ отдать справедливость, въ искусствѣ верховой ѣзды онѣ нисколько не уступали первымъ. Я какъ сейчасъ вижу предъ собой смуглую степную амазонку, ловкую и поразительно смѣлую. Она скакала на бѣломъ поджаромъ конѣ, возбуждая удивленіе всей толпы, необыкновенно быстро увертываясь отъ догонявшихъ ее молодыхъ людей. Не одинъ уже изъ нихъ получилъ изрядный ударъ камчи, а поймать красавицы еще не удавалось. Разгорѣлись глаза у джигитовъ, одолѣла ихъ страсть раздѣловать смѣлую наѣздницу и снова началась головоломная скачка. Но вотъ появился какой-то *ойлянчи*—степной пѣвецъ импровизаторъ, настроилъ свою трехструнную думбру и запѣлъ. Скачки прекратились. Сконфуженные молодцы и торжествую-

щая амазонка, а за ними и весь народъ собрались въ густую кучу, притихли и съ глубокимъ вниманіемъ, боясь проронить слово, слушали вдохновенную импровизацію. А онъ пѣлъ про подвиги какого-то султана Кенисары и его храбраго сподвижника Буканъ-бая, кости которыхъ теперь уже разсѣяны по Голодной степи; пѣлъ о чудныхъ красавицахъ, уведенныхъ Кенисарой въ плѣнъ, о разрушенныхъ городахъ и невидимо вѣявшей надъ всѣми смерти. „О, смерть любитъ храбрыхъ,—пѣлъ старый ойлянчи,—она не падитъ и красавицъ, которыя проносятся предъ нашими глазами, какъ падающія звѣзды... Гдѣ стояли цвѣтушіе города, тамъ сейчасъ мертвая пустыня, а гдѣ стоятъ сейчасъ цвѣтушіе города, тамъ въ свое время будетъ пустыня. Кенисара, ты много пролилъ человѣческой крови, но тебѣ не мягче отъ этого лежать въ своей могилѣ... Послѣдній бѣднякъ и самъ великій ханъ равны въ общей судьбѣ. Жить страшно только людямъ несправедливымъ, а смерть любитъ храбрыхъ... Не умереть только одна слава худыхъ дѣлъ и святыхъ пѣсней, въ которыхъ пѣвцы оплакиваютъ свою родину“... Кончилъ пѣвецъ эпопею, весело пробѣжалъ по струнамъ и замолкъ, а слушатели все еще сидѣли какъ очарованные.

Мало по малу всѣ разошлись. Безпечная молодежь, обезкураженная неудачей, первая нарушила очарованіе, произведенное пѣсней ойлянчи. Имъ было каждому до себя и они предложили снова устроить скачки, надѣясь на этотъ разъ получить отъ красавицы уже не удары ногой, а поцѣлуй.

— Гдѣ вамъ за мной гоняться! да и лошади ваши не годны для этого, а вотъ пусть кто осмѣлится проѣхать на ишакѣ муллы, того я сама поцѣлую сейчасъ же...—предложила веселая амазонка.

Мысль эта принята была съ удовольствіемъ.

Все равно, за что бы не сорвать поцѣлуй съ сочныхъ губъ дѣвушки, лишь бы сорвать его.

Джигиты подошли къ ослу ученаго муллы, стоявшему

около кибитки въ самомъ спокойномъ состояніи, но должно быть имъ суждено было сегодня терпѣть неудачи и насмѣшки. Сколько ни находилось желающихъ вскочить на спину длинноухаго аргамака, никому это не удавалось. При каждой попыткѣ нецивилизованный братъ Вааламскаго осла сбрасывалъ всадника въ песокъ, къ необычайному восторгу гоготавшей толпы.

Я боялся, что мулла разсердится за такія продѣлки съ его любимцемъ, но онъ добродушно расхохотался и даже самъ предлагалъ всякому, кто сумѣетъ проѣхаться, дать три ложки барабьяго жира. Поцѣлуй и жиръ—очень заманчивые призы и многіе прельщались перспективой выигрыша, но и упрямство осла есть весьма упорное чувство... Неизвѣстно, сколько бы времени продолжалась эта, своего рода азартная игра, еслибъ пикантный ароматъ барана, варившагося неподалеку въ казанѣ, не отвлекъ неудачниковъ. Мулла подалъ знакъ и всѣ, какъ по мановенію жезла волшебника, опустились на колѣни для молитвы.

Но вотъ молитву кончили. Казань, который былъ такой громаднѣйшей величины, что безъ всякаго вмѣшательства чуда, могъ напитать пять тысячъ человѣкъ,—сняли съ огня и мулла опять собственноручно сталъ раздавать куски мяса. Я съ удивленіемъ замѣтилъ стоявшаго въ сторонѣ Телѣжникова, съ какой-то особенной гадливостью наблюдавшаго за нами.

— Садись, пажалста, ашай кой! *)—предложилъ ему мулла, но тотъ отрицательно затрясъ головой и сплюнулъ.

— Вы что же, въ самомъ дѣлѣ, не принимаете участія въ общей трапезѣ, Семенъ Никитичъ?—спросилъ я.

— Нѣшто съ кыргызомъ можно того, этого изъ одной посуды ѣсть?..

— А почему же?

Но Телѣжниковъ ничего не отвѣтилъ и пошелъ прочь отъ насъ.

*) Ашай—ѣшь; кой—баранъ.

— Губа толще—брюхо тоньше!—резонно замѣтилъ Левашевъ и началъ добросовѣстно обглаживать какую-то мостолыгу.

А гостепріимный мулла должно быть задался цѣлью накормить насъ до отвала, ибо кушанья слѣдовали одно за другимъ: послѣ мяса, намъ притащили громаднѣйшій тур-сукъ кумысу, потомъ айрану и, наконецъ, послѣдовалъ кирпичный чай, сваренный вмѣстѣ съ козьимъ молокомъ.

Вѣжливый Левашевъ, въ совершенствѣ знавшій всѣ этикетки, уже нѣсколько разъ рыгнулъ, что выражало полное его довольство и благодарность хозяину. Мулла ликовалъ. Повидимому, душа его была преисполнена счастьемъ.

— Я здѣсь дома,—сказалъ онъ, смѣясь,—а вы у меня въ гостяхъ,—и онъ захохоталъ пуще прежняго.

Мнѣ тоже сдѣлалось смѣшно, но болѣе надъ странностью выраженія. Въ самомъ дѣлѣ, называть мѣсто, открытое отовсюду и для всѣхъ, своимъ домомъ—очень любопытно.

Неугомонный мулла опять, какъ и вчера, завелъ разговоръ о вопросахъ политики и „бѣры“. Но такъ какъ и на этотъ разъ плотный завтракъ не вызывалъ меня на дебаты, то скоро и было порѣшено, что *акъ надша* (бѣлый царь) властитель, которому нѣтъ равнаго по славѣ и великолѣпію, что *Худай* (Богъ)—одинъ, что Магометъ—пророкъ и святой человѣкъ, что *Иса* (Иисусъ) безспорно великій пророкъ и очень святой человѣкъ, потому что написалъ русскій ко-ранъ, что всѣ хорошіе люди угодны Богу, независимо отъ націи, будь они даже *джибраи*, вѣдь *Ибраимъ* (Авраамъ) тоже былъ джибрай (еврей).

Наступалъ вечеръ. Зазвенѣлъ кобузъ, тамъ и сямъ начали раздаваться звуки пѣсенъ и даже иногда слышались сочные поцѣлуи.

Ко мнѣ подошелъ Семенъ Никитичъ. Онъ былъ точно чѣмъ-то взволнованъ, глаза его шмыгали болѣе обыкновеннаго и вообще замѣчалась не совсѣмъ обычная, даже нѣсколько нервная возбужденность. На мой вопросъ—что съ нимъ—Телѣжниковъ промолчалъ и только шумно вздохнулъ.

— Вы отчего же давеча отказались обѣдать?

— Помилуйте, Николай Иванович! нѣшто это возможно, знаете?—отвѣтилъ онъ вопросомъ.

— Я рѣшительно не понимаю и не вижу тутъ ничего невозможнаго.

— Кыргызы, обнаковенно, это.... кобылятину жрутъ и прочее тому подобное, словомъ сказать, знаете, собаки поганыя...

Верблюды были отпущены въ степь подъ присмотромъ лаучей, которые развели невдалекѣ костеръ, чтобы не давать надежды ночнымъ бродягамъ покушать на даровщину. Озлобленные голодомъ, волки тоскливо завывали, сначала отдѣльными нотами, а затѣмъ и цѣлымъ хоромъ. Я долго не могъ уснуть и вышелъ изъ кибитки на воздухъ. Костеръ свѣтился огненной точкой, словно волчій глазъ среди темноты ночи. Подойдя къ костру и приказавъ подбросить сухаго бурьяну, я растянулся возлѣ и сталъ смотрѣть на огонь. Пламя то потухало, то разгоралось, отбрасывая длинные полосы свѣта. Дымъ бѣловатыми клубами поднимался вверхъ; лаучи молча дремали, лѣнливо позѣвывая, и съ ожесточеніемъ принимаясь искать блохъ въ своихъ заскоружлыхъ и до невѣроятія грязныхъ лохмотьяхъ. Мало по малу затихло все и надъ ауломъ спустился сонъ...

Не помню, сколько времени пролежалъ я у костра (не то спалъ, не то задумался), но должно быть порядочно. Огонь едва тлѣлся, сдѣлалось холодно и я опять побрелъ въ кибитку. Подходя къ тюкамъ хлопка, сложеннымъ около аула, мнѣ почудился какой-то шепотъ. Въ напуганномъ воображеніи опять мелькнули разбойники, и я хотѣлъ уже закричать, какъ знакомый голосъ остановилъ меня отъ этого намѣренія.

— Минь тебѣ акча это подарю, знаете... кель сюда того этого...

Я чуть не лопнулъ со смѣху. Оказалось, что Семень Никитичъ пустился въ амурныя объясненія съ какой-то красавицей и отчаянно смѣшивалъ излюбленные свои фразы

съ киргизскимъ языкомъ, познаніями котораго онъ вообще не могъ похвалиться.

Вотъ тебѣ и „кобылятина“!

XXVI. Подъ вязами.

Мы отдыхали еще цѣлыя сутки, наконецъ оставили аулъ и двинулись далѣе, щедро расплатившись съ хозяиномъ. Почва опять начала измѣняться: первые десять верстъ дорога извивалась по уваламъ и между холмами была довольно твердая, но затѣмъ невысокія гряды холмовъ повернули къ востоку, а передъ нами открылась обширнѣйшая равнина, едва замѣтно поднимающаяся впереди. На всемъ этомъ протяженіи гладь была удивительная, точно выстланная бѣлымъ изразцомъ. Ъхать солончаками ужасно надоѣдаетъ и день этотъ показался намъ необычайно длиннымъ. Но вотъ, наконецъ, солончаки стали прерываться, равнина зазеленѣла и чѣмъ далѣе мы поднимались по довольно отлогому подъему, тѣмъ зелень становилась гуще. Впереди даже показались какія-то деревья. Я не могу передать, съ какимъ чувствомъ нетерпѣнія ожидалъ я, да и всѣ другіе, момента, когда можно будетъ отдохнуть подъ тѣнью этихъ, какимъ-то чудомъ выросшихъ, деревъ. Къ сожалѣнію, близость ихъ была кажущаяся. Давно уже миновалъ обычный часъ остановки, а караванъ все двигался впередъ; солнце скрылось за чертою горизонта, на перламутровомъ фонѣ вечерней зари силуэты деревъ казались почти совершенно черными. Зоркимъ взглядомъ всматривается степенный Кебековъ, какъ бы желая проникнуть сквозь небольшой колокъ лѣса въ вечернюю тѣнь, гдѣ весьма легко укрыться шайкѣ придорожныхъ каракчей.

Но вотъ мы, наконецъ, на мѣстѣ.

Деревья оказались вязами. Я съ наслажденіемъ пошелъ подъ ихъ зелень, чтобы послушать, что говорятъ они здѣсь, въ безпредѣльной пустынѣ, столь весело шумяціе своими многолиственными и широколиственными вѣтвями на на-

шемъ сѣверѣ. Я еще издали увидѣлъ, какъ жмутся эти деревья къ горамъ; вѣтви ихъ начинаются очень высоко отъ корней, выдававшихся наружу. Корни эти, обглоданные верблюдами, торчатъ словно обнаженные кости; они рвутся внизъ, ища въ землѣ пищи, которой тщетно просятъ изсохшія листья, но каменистая почва не пропускаетъ влаги. Пенъ, корявый, грубый, ничѣмъ не защищенный, противостоявшій натиску бурь и песковъ и сильно отъ нихъ пострадавшій,—пенъ почтенный, дающій жизнь многимъ вѣтвямъ, хотя, впрочемъ, жалкую жизнь. Не житье этимъ отшельникамъ лѣсовъ, этимъ уединеннымъ обитателямъ степей. Какъ уныло шумятъ ихъ жидкіе, мелкіе, поблеклые листья! Сражаясь съ вѣтрами, они не знаютъ торжества побѣды, не въ силахъ отразить нападенія непогоды отъ своихъ молодыхъ побѣговъ; нѣтъ, здѣшнія деревья дико гудятъ, хлопая полуобнаженными вѣтвями, какъ погибающій корабль безъ наруса—своими веревками; вѣтеръ свободно свищетъ сквозь нихъ; тутъ онъ вездѣ герой и побѣдитель, свободно разгуливающій по безбрежнымъ степямъ и дикимъ воемъ торжествующій побѣду. Наслушался я въ былое время его пѣсенъ и теперь онѣ отдаются у меня въ ушахъ!

Киргизы вполнѣ сочувствуютъ грустному положенію этихъ несчастныхъ деревьевъ и не трогаютъ ихъ.

— „Кто срубитъ хотя одну вѣтвь, на того обрушатся всѣ печали, изъ каждого листка разовьется бѣда, изъ каждого прутика—гибель!“—сказалъ мнѣ Кебековъ, когда я спросилъ его, какъ сохранились эти деревья.

Проѣзжіе возчики-киргизы изукрашили ихъ разноцвѣтными лоскутками, изъ которыхъ иные съ молитвами, другіе просто повѣшаны для красоты, и эти лоскутыя перешептываются жалобой съ листьями, поражаемые вмѣстѣ съ ними вѣтромъ и засыпаемые пескомъ. Особенно два дерева, выросшіе изъ одного корня (въ Малороссіи такіа деревья называются братьями) пользовались ласками: отъ одного къ другому былъ протянутъ тонкій арканъ, какъ бы для того

чтобы связать ихъ еще больше между собою, на этомъ шнуркѣ были навѣшаны лоскутки, бараньи лопатки съ молитвами и другіе признаки свидѣтельства почтенія и любви. Нѣсколько деревьевъ, ушедшихъ въ небольшое ущелье, еще жили болѣе или менѣе порядочно, такъ какъ находились немного въ тѣни, а ужъ десятокъ другихъ, имѣвшихъ неосторожность выйти въ степь, владели самымъ жалкое существованіе.

Тутъ ихъ бичуютъ иногда по цѣлымъ суткамъ бури и пески. Непостижимо, какъ еще могли они вырасти! Хотѣ бы росли-то вмѣстѣ, все бы общими силами противостояли непогодамъ и охраняли другъ друга, а то ихъ разбросало, какъ бѣдныхъ странниковъ на безбрежномъ морѣ океанѣ. Вотъ и теперь нѣсколько порослей думаютъ подняться вверхъ, но ихъ ломаетъ и коробитъ, и торчатъ одни голыя прутья или побѣги, состарѣвшіеся приземистыми кустами, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ они разрослись бы вѣтвистыми деревьями.

Бѣдные вязы! какъ не жалѣть о нихъ и что мудренаго, что киргизы окружили ихъ такимъ состраданіемъ и почтеніемъ! Еще бы немилосердая рука человѣка коснулась ихъ, на которыхъ напали всѣ стихіи!.. Почтенныя деревья, много пострадавшія, много перенесшія, нельзя не уважать васъ!

Я долго прислушивался къ ихъ шуму и говору, но не то говорятъ онѣ здѣсь, что на моей далекой родинѣ, гдѣ растутъ въ холѣ, среди роскошнаго сада, охраняя корни свои густою жимолостью и гордо возвышаясь надъ другими деревьями... Впрочемъ, можетъ быть и знакомое что шептали онѣ, но вѣтеръ разносилъ ихъ говоръ, или заглушалъ его, какъ бы боясь, чтобъ не пожаловались на него.

Съ каждой минутой вѣтеръ крѣпчалъ все болѣе и болѣе. Я лежалъ и смотрѣлъ, какъ облака, изорванныя какими-то клочками, бѣшено неслись по небу, закрывая собою по временамъ блѣдный дискъ луны. Но вотъ ее заволокло совсѣмъ, звѣздъ тоже не видать... загудѣла степь, гдѣ-то

далеко-далеко прогремѣлъ громъ, глухо такъ, а затѣмъ и затихло все на малое время. Запахло сѣрою и дышать сдѣлалось тяжело...

Рвануло еще разъ, сильнѣе прежняго и... загулялъ *катаджиль* *) по степи, да такой, какого мнѣ ни раньше, ни послѣ не случалось видѣть, а я таки довольно испыталъ бурь на своемъ вѣку. Цѣлыя массы песку неслись съ сѣверо-запада и бичевали все, что попадалось имъ на встрѣчу; луна опять вышла и освѣтила тучи, летавшія по небу туда и сюда, ища мѣста, гдѣ бы разрѣшиться чѣмъ были полны, — градомъ или дождемъ; но буря не давала имъ покоя, гоня все дальше и дальше... Верблюды ревѣли, звеня колокольцами, киргизы что-то кричали, но что — такъ я и не разобралъ. Суета была страшная, это продолжалось съ полчаса, и заключилось проливнымъ дождемъ, послѣ котораго вѣтеръ нѣсколько стихъ....

Дожди въ Туркестанскихъ степяхъ вообще рѣдки и обыкновенно бываютъ только слѣдствіемъ грозы. По близости горъ они падаютъ чаще, но, сравнительно съ другими странами, все же довольно рѣдко; только въ возвышенныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ Уральскаго хребта дожди обильны и постоянны; они идутъ здѣсь иногда по нѣсколькимъ недѣлямъ сряду.

Восточные вѣтры, господствующіе въ цѣломъ Оренбургскомъ краѣ и дующіе въ продолженіи почти $\frac{7}{8}$ года, иссушаютъ воздухъ; этотъ вѣтеръ то отходитъ къ сѣверу, то къ югу. вмѣстѣ съ юго-восточнымъ вѣтромъ онъ приноситъ обыкновенно ведро, ясную погоду, а зимою ясную стужу. Сѣверо-восточный вѣтеръ осенью нерѣдко сопровождается холодомъ и дождемъ, а зимою — сильною стужей и свойственными степямъ вьюгами, извѣстными здѣсь подъ именемъ бурановъ; это бичъ и, нерѣдко, гибель путниковъ. Бураны, кажется, происходят оттого, что холодный, сѣверо-восточный вѣтеръ, смѣняя собою западный или юго-западный,

*) Въ буквальный переводъ — ураганъ.

превращаетъ поднявшіеся при тепломъ западномъ вѣтрѣ водяные пары въ снѣгъ. Теплыя вьюги несутся отъ юго-запада; западный вѣтеръ приноситъ тепло и оттепель. Есть еще такъ называемый буранъ снизу; имъ даже обыкновенно начинается всякая мятель: вѣтеръ подымаетъ, мятетъ и гонитъ вьюгою снѣгъ съ землею. Но эта вьюга далеко не такъ опасна и гибельна, какъ первая — буранъ сверху. Трудно вообразить себѣ, до какой степени человекъ и даже самыя животныя, у которыхъ есть обыкновенно какое-то чувство познанія мѣстности, лишаются во время жестокаго бурана всякаго соображенія. Люди замерзаютъ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ жилья, выбившись изъ силъ и почти не сходя съ мѣста, а плутая все вокругъ да около. Скотъ бѣжитъ по вѣтру, забѣгаетъ безъ остановки за сотни верстъ и нерѣдко мечется прямо и безъ оглядки въ пропасть и крутояры, гдѣ погибаетъ. Степной киргизъ, который ведетъ въ темную ночь, какъ въ ясный день, на любое урочище, рѣшительно отказывается быть вожакомъ во время зимняго бурана, а если послѣдній застаетъ его на пути, то онъ слѣзаетъ на мѣстѣ съ лошади, зарывается если можно, въ снѣгъ, и выжидаетъ ведра. Въ 1827 году киргизы Внутренней орды лишились во время жестокаго бурана 10,500 верблюдовъ, 280,500 лошадей, 75,480 головъ разнаго скота и 1.012,000 овецъ, всего слишкомъ на сумму до 13 милліоновъ рублей асс. Весь скотъ шарахнулся къ сѣверу, въ Саратовскую губернію, частью попадалъ въ овраги и рытвины, частью замерзъ въ голой степи, частью былъ утаенъ поселянами разныхъ деревень. Въ 1846 году было тамъ же подобное происшествіе. Лѣтнею порою въ степяхъ также часто образуются вихри, занимающіе весьма небольшое пространство: вихрь кружится на одномъ мѣстѣ и уноситъ съ собою пыль, песокъ, сухія травы до значительной высоты. Вихри эти, будучи замѣтны глазу по поднявшейся столбомъ пыли, пробѣгаютъ нѣсколько сотъ и даже тысячъ шаговъ и вдругъ ложатся, исчезаютъ. Нерѣдко два или три столба подымаются вдругъ въ небольшомъ раз-

стоянии. Происхождение ихъ объясняютъ, обыкновенно, предполагаемою встрѣчею двухъ противоположныхъ вѣтровъ; но объясненіе это, кажется, недостаточно. По близости столбового вихря воздухъ бываетъ совершенно тихъ: можно подойти вплоть къ столбу и вѣтеръ слышенъ только внутри черты самага вихря.

XXVII. Защита стараго быта.

— Джюхлай, джюхлай, бала! Куркъ-ма, куркъ-ма, ми-неке чагарамъ, джаманъ-адамъ, кара-аю шюнда джекъ!*)—тихимъ, заунывнымъ голосомъ пѣлъ Яковъ Николаевичъ, укачивая свою хорошенькую дочурку.

Уныло, безлюдно кругомъ, а эта заунывная пѣсня навѣваетъ что-то близкое къ сердцу, родное, знакомое и невольно переноситъ изъ степи туда, на родину, къ семейному очагу, гдѣ въ давнее время собиралась дорогая мнѣ, теперь уже не существующая, семья, гдѣ за круглымъ семейнымъ столомъ мы были всѣ вмѣстѣ, слушали дивныя сказки матери и подъ напѣвъ няниной пѣсни, тутъ же за столомъ и засыпали, уносясь мечтами въ волшебный міръ, только что нарисованный матерью...

— Скоро вотъ, Яковъ Николаевичъ, родину свою увидите, немного уже осталось мѣсить пески сыпучіе!—обратился я къ Зубареву, желая вызвать его на разговоръ: очень скучно становилось играть въ молчанку. Ничего на это не отвѣтилъ Тюра Якубъ и только глубоко-глубоко вздохнулъ.

— Эхъ, если бы не ребенокъ, не вернулся бы я къ вамъ... Родиной моей сдѣлалась та страна, гдѣ я провелъ лучшіе годы жизни и гдѣ, такъ или иначе, видѣлъ и испытывалъ счастье,—задумчиво проговорилъ онъ послѣ паузы и опять тяжело вздохнулъ.

— Помилуйте, да развѣ можно это говорить серьезно

*) Колыбельная киргизская пѣсня, въ переводѣ: «Спи, спи, дитя! Не бойся, не бойся, свѣтикъ мой! злого человѣка, медвѣдя чернаго здѣсь нѣтъ».

Жить вдали отъ цивилизаціи, среди дикихъ, необразованныхъ, полулюдей, полуживотныхъ,—воля ваша, не понимаю.

— А почему же сами вы удалились въ эти окраины, если имѣете объ нихъ такое представленіе?

— Я дѣло другое! Во первыхъ, я живу временно, съ русскимъ народомъ, наконецъ въ такіе годы, когда уже Россія вторглась въ эту страну и внесла съ собой и цивилизацію, и культуру, смягчила, такъ сказать, нравственно-бытовую порочность туземцевъ....

XXVIII. Причины упадка киргизской народности.

Въ Россіи большіе переѣзды—дѣло обычное. Путешествіе, напримѣръ, отъ Петербурга въ Восточную Сибирь въ наши дни не представляетъ ничего необыкновеннаго; этотъ путь если не съ особыми удобствами, то все же и не съ такими ужъ лишеніями можно совершить въ 20—22 дня. Въ смыслѣ разнообразія для ѣдущаго хотя бы въ Иркутскъ найдется много интереснаго: города, рѣки, горы, живописныя мѣста Урала, мрачные берега Иртыша и Оби, вѣковыя дубровы Сибири—все это мелькаетъ словно въ калейдоскопѣ, поражая своимъ величіемъ глазъ путешественника. Намъ же путь предстоялъ почти все время, т. е. въ теченіе тридцати трехъ дней, чрезъ пустыню, одно названіе которой прекрасно можетъ объяснить, что это за милая мѣстность: *Голодная степь*.

Взять на все время путешествія съ собой какихъ либо припасовъ—дѣло не легкое вообще, а въ караванѣ, приспособленномъ исключительно для перевоза хлопка—въ особенности. Да и какого рода продуктовъ мы могли взять, коли въ иные дни жарыща доходила до 40° R.?

Сначала, правда, у насъ было кое-что, но въ такомъ, сравнительно, небольшомъ количествѣ, что почти въ первую же недѣлю все и вышло. Сухарей могло хватить до самага Оренбурга, но подобное кушанье набило оскомину до того,

что даже привычные ко всякой пищѣ киргизы и тѣ *вожжи* *рыло*. А я такъ всѣ свои зубы проѣлъ на сухаряхъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что большую часть зубовъ я изломалъ объ сухари...

Этотъ продуктъ—дѣло первой важности для всякой экспедиціи въ пустынные края и потому на него должно быть обращено весьма большое вниманіе путешественника. Всякому извѣстно, какъ вредны заплѣснѣвшіеся сухари, но далеко не всѣмъ извѣстно, что если сухари дурно засушены, то современемъ въ нихъ появляется родъ красноватой плѣсени, въ которой ученый Пеенъ (Paupen) открылъ присутствіе микроскопическихъ грибковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *oidium auranticum*; эти грибки чрезвычайно ядовиты, и только нагреваніе хлѣба до 140° можетъ совершенно и безвозвратно истребить зародышъ ихъ. Совѣтую всѣмъ путешественникамъ принять къ свѣдѣнію замѣчаніе Пеена, не только какъ открытіе ученаго, но какъ имѣющее важное практическое значеніе...

— Эхъ теперь, то ишь ежели бы знаете этого того, горяченькаго похлебать довелось, кажись бы съ крыши прыгнулъ за такую прокламацію!..—заявилъ неожиданно Телѣжниковъ и своей безсвязной глупой фразой пробудилъ у всѣхъ такое непреодолимое желаніе *похлебать горяченькаго*, что даже слюнки потекли. Но, увы! кромѣ сухарей и воды у насъ ничего не оставалось. Даже ромъ у Семена Никитича изсякъ и это окончательно добило бѣднаго малаго. Какъ всѣ слабыя натуры, онъ началъ роптать, направляя свои жалобы туда, къ безоблачному небу, какъ будто оно было виновато въ нашемъ несчастіи.

Сумерки густились; золотая кайма на вершинахъ сосѣднихъ горъ давно погасла, только на западѣ чуть мерцали розовые отблески...

Мы проходили послѣдніе Тусумскіе пески, далѣе слѣдовала Тургайская область, гдѣ характеръ мѣстности совершенно измѣнялся и терялъ свой унылый, мрачный колоритъ.

Мы остановились у небольшого кургана съ камнемъ на верху; на камнѣ—подобіе креста: это могила христіанина—русскаго казака М., умершаго лѣтъ 30 тому назадъ, изъ числа тѣхъ великихъ русскихъ людей, которые составили славу и гордость нашей дорогой родины...

Я опять разговаривалъ съ Зубаревымъ на тему о современномъ состояніи киргизовъ, при чемъ у меня невольно сорвался съ языка упрекъ, что онъ, говоря о русскихъ, употребляетъ выраженія „вы“, „ваши“, какъ бы не признавая себя за русскаго.

— О, Господи, какъ горько мнѣ слышать это!—воскликнулъ Зубаревъ.—Нѣтъ, я никогда, ни на одну минуту не переставалъ быть русскимъ, даже и тогда, когда роковое стеченіе обстоятельствъ столь легкомысленно вырвало у меня согласіе перемѣнить вѣру отцовъ. Но, увы! я боюсь, что это отступленіе навсегда отрѣзало мнѣ путь... быть опять русскимъ... Нѣтъ, это невозможно... съ каждымъ шагомъ, приближающимъ меня къ Россіи, я все болѣе и болѣе прихожу въ отчаяніе и если бы не ребенокъ, то ни за что не рискнулъ бы возвращаться въ столь безбожно поруганную мною страну...

— Ну, полноте отчаяваться! Кто же будетъ знать и допытываться у васъ о прошломъ? Вычеркните его изъ своей памяти, какъ будто оно никогда и не существовало. Вы можете поступить на службу, начать новую жизнь: вѣдь у васъ такая обязанность по отношенію къ дочери, что не время опускать руки.

— Да, вы правы!.. Я начну новую жизнь, жизнь для моей милой дорогой дѣвочки. Но прошлаго скрыть невозможно, оно должно долго-ли, коротко-ли открыться, вѣдь на примѣръ, ребенокъ мой не имѣетъ даже христіанскаго имени. Ее надо будетъ окрестить, а какъ я объясню все то, что объяснялъ вамъ?!

— Ничего, этого можно и не объяснять: скажите, что вы были взяты въ плѣнъ, что теперь бѣжали, а про вашу дочь тоже можно придумать какую-нибудь подходящую исторію, въ родѣ того, что вы приютили брошеннаго ре-

бенка, затѣмъ привязались къ нему какъ къ родному и теперь желаете его записать на свое имя и окрестить.

— Да, вы еще разъ правы!.. Но, впрочемъ я подумаю, еще время есть обсудить все...

— Скажите мнѣ, Яковъ Николаевичъ, если, конечно, это не тайна, у васъ имѣются какіи-нибудь деньги?.. Вѣдь жизнь въ Россіи это не то, что въ степи—тутъ безъ денегъ и шагу не ступишь.. а особенно, если вы имѣете въ виду воспитаніе дочери...

— У меня есть деньги и, по моему, достаточныя, но я еще не знаю, какъ устроюсь, чѣмъ займусь и, вообще, мало или почти вовсе не думалъ о будущемъ, но на первое время во всякомъ случаѣ будетъ чѣмъ прожить...

Зубаревъ замолчалъ и впалъ въ задумчивость, что было такъ естественно въ положеніи этого любопытнаго человѣка.

Вечеръ опустился на землю. Видъ темносиняго неба при быстро наступавшей темнотѣ сдѣлался строже, точно оно облеклось въ мундиръ и надѣло всѣ свои звѣздыя регалии. Въ такія ночи какой-то особенный, безотчетный страхъ нападаетъ на человѣка и доходитъ до крайнихъ размѣровъ ужаса. Отойти на одинъ шагъ въ сторону отъ каравана— все равно, что выйти изъ уютнаго, надежнаго дома въ безотрадную, безвѣстную пустыню. Въ дневную стоянку всякій выбираетъ себѣ мѣсто поудобнѣе. Ночью же, напротивъ, всѣ располагаются по указанію караванбаша...

XXVIII. Еще о киргизахъ.

Дорога отъ озера Кагалы-Куль переходитъ гряду горъ, тянущуюся по восточной сторонѣ Обалы-Томсука и идетъ по ея волнистому скату. Мы спустились въ привольную долину; она тянется съ юга на сѣверъ, въ началѣ довольно широка, потомъ суживается въ тѣсную ложину. Горы очень живописны, мѣстами покрыты березнякомъ; травы въ долинахъ

превосходныя; у подошвы восточныхъ горъ прокрадывается ручей *Талдыкъ*, укрываясь въ широкомъ и глубокомъ оврагѣ поросшемъ высокой и густой травой и березнякомъ. До лощины верстъ 7, лощиною—пять. Она замыкается уваломъ крутымъ и высокимъ. Отсюда до самой рѣки Эмбы широкое и прямое ущелье, постепенно спускающееся. Верстахъ въ двухъ отъ увала, влѣво—ключъ, журчанье котораго слышно издалека; теперь уже намъ нечего было опасаться за то, что нѣтъ воды. На переѣздѣ отъ сопки Кызы-Имчикъ мы встрѣтили огромное стадо дикихъ козъ (джейраны), которыя выскочивъ изъ за холма, вдругъ наткнулись на нашъ караванъ и, на минуту ошалѣвъ, кинулись въ разсыпную. На бѣду ни у кого изъ насъ не было наготовѣ ружей, а пока мы доставали ихъ, джейраны умчались уже далеко.

Вскорѣ намъ стали попадаться аулы, состоящіе иногда изъ пяти-шести юртъ, а иногда число послѣднихъ доходило до 30 и болѣе.

Климатъ и растительность здѣшнихъ мѣстъ, очень благоприятныя для скотоводовъ и кочевого образа жизни, прельстили киргизъ поселиться здѣсь. Но, какъ истые скотоводы, они уничтожили мало-по-малу почти всю древесную растительность. Для нихъ излишни рощи, не нужны красоты природы, а нуженъ просторъ для скота, просторъ для ихъ дальнозоркаго глаза, слѣдящаго съ какой-нибудь горки за пасущимися на волѣ стадами и оберегающаго ихъ отъ хищничества своихъ же родичей и волковъ. Тамъ, гдѣ прежде горныя рѣчки, питаемыя многочисленными ключами и сохранявшимися въ ущельяхъ и лѣсахъ снѣгомъ, не высыхали во все лѣто, цвѣтчная растительность веселила взглядъ кочевника, какъ и тучныя стада скота, пасшіяся на этихъ благодатныхъ мѣстахъ, а теперь встрѣтишь лишь вырытыя ямы-колодцы допотопнаго образца, да рѣдко-рѣдко мѣстечки, сохранившія прежнюю прелесть природы, веселящія усталый взоръ человѣка послѣ утомительнаго путешествія по однообразно-холмистой или гористой степи. И едва-ли догадываются старики-киргизы, воспоминающіе о прошломъ...

что умеренный климатъ зависѣлъ отъ лѣсовъ, которые— по ихъ же рассказамъ—ютились по всѣмъ ущельямъ горъ и склонамъ ихъ, и отъ которыхъ остались только жалкіе пни. Они, какъ живые укоры истребителямъ, обезобразившимъ природу киргизамъ, напоминаютъ о быломъ... о другой жизни, можетъ быть кипѣвшей здѣсь. И только изрѣдка сохранившіеся оазисы зелени съ чудными цвѣтами смягчаютъ душевное настроеніе и муки людей, но кочевники мало знакомы съ этими муками и настроеніями.

Мы остановились въ аулѣ Аннау, расположенномъ возлѣ шихана того же имени. Пока сотоварищи мои хлопотали около верблюдовъ, развьючивали ихъ и затѣмъ знакомились съ хозяевами, я наводилъ справки относительно существованія дикихъ воловъ. Встрѣча послѣднихъ не столько пробудила во мнѣ аппетитъ, сколько раздражила охотничьи инстинкты. Справки, однако, были мало утѣшительны, ибо оказалось, что джейраны чрезвычайно осторожны и не подпускаютъ даже на выстрѣлъ изъ винтовки. За то киргизы утѣшили меня сообщеніемъ, что въ камышахъ рѣки Эмбы водится множество донгузовъ *). Въ этотъ день идти на кабановъ было поздно, да и раздражающій запахъ варившагося козленка, котораго гостепріимные хозяева уже успѣли заколотъ, давалъ мнѣ понять, что пока можно обойтись и безъ охоты.

По понятіямъ киргизовъ (да и вообще всѣхъ мусульманъ) употреблять въ пищу свиней—величайшій грѣхъ и поэтому они никогда не рѣшатся убить „донгуза“, даже если бы стада послѣднихъ и причиняли вредъ кочевникамъ. А такъ какъ еще при этомъ охота на кабановъ не всегда и безопасна, то станеть понятнымъ, почему узкоглазые сыны степей столь энергично уклонялись отъ моихъ предложеній отправиться на охоту вмѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, указать мнѣ—въ какомъ именно мѣстѣ безконечно тянувшихся побережныхъ камышей водятся кабаны.

*) Донгузъ—значитъ кабанъ.

— А вы имъ того-этого, какъ его, знаете, Николай Ивановичъ, посулите денегъ, такъ небось согласятся, знаете!—предложилъ Телѣжниковъ, который вообще глубоко и непоколебимо вѣрилъ въ силу рубля.

Я, однако, возрѣній его не раздѣлялъ, а потому и не рискнулъ обижать честныхъ аульцевъ. Хорошо и сдѣлалъ, такъ какъ, по словамъ Кебекова: „смерть отъ кабана даже самаго благочестиваго мусульманина дѣлаетъ *недши*, т. е. отправляетъ на тотъ свѣтъ нечистымъ и даже 500-лѣтнее горѣніе въ чистилищномъ огнѣ не можетъ очистить его отъ этой скверны“. Послѣ такихъ убѣжденій, всосанныхъ съ молокомъ матери, соваться съ предложеніемъ „рубля“ было, по меньшей мѣрѣ, не тактично.

Старикъ Аннау оказался также весьма гостепріимнымъ хозяиномъ, хотя, какъ я узналъ послѣ, любезность его происходила главнымъ образомъ отъ коммерческихъ видовъ, а именно: имѣя громадный запасъ джебаги *), онъ давно поджидалъ какой-нибудь караванъ, чтобы промѣнять свой товаръ на мануфактуру бухарскаго производства, вполне резонно рассчитывая, что таковая должна быть у каждаго караванбаша. Правда, на этотъ разъ расчеты стараго козелника не оправдались, но за то и караванъ нашъ былъ совершенно исключительный.

Чтобы сдѣлать болѣе понятными написанныя строки я долженъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ такъ-называемыхъ бухарскихъ каравановъ.

По линіи границы Оренбургскаго края со степью есть много пунктовъ, черезъ которые провозится азіатскій товаръ. По существующимъ таможеннымъ правиламъ бухарскій товаръ не можетъ быть распакованъ нигдѣ, кромѣ таможенъ, такъ что заставы собираютъ пошлину лишь съ ввознаго товара киргизскаго производства, и пошлину съ вывознаго товара изъ Россіи въ степь; что же касается товара бухар-

*) „Джебагой“ называется скатанная баранья шерсть.

скаго, то пошлина съ него взимается исключительно въ таможенныхъ (каковы—Троицкая и Оренбургская), промежуточные же заставы обязаны караваны принимать, тюки клеймить и отправлять ихъ въ таможи партіями, подъ надзоромъ надсмотрщика изъ заставныхъ же таможенныхъ солдатъ. Мѣра эта принята затѣмъ, чтобы бухарцы не имѣли возможности продавать свой товаръ на пути слѣдованія въ таможи, т. е. товаръ не оплаченный пошлиной.

Ловкіе бухарцы находятъ, однако, средства сбывать часть своего товара и въ Орскѣ; въ этомъ случаѣ пошлина конечно немислима, почему и товаръ можно купить гораздо дешевле. Является къ вамъ, на примѣръ, бухарецъ и спрашиваетъ—не угодно-ли купить канаусу; вы говорите: „пустъ принесетъ“. Но у бухарца товаръ съ собой, хотя въ рукахъ онъ ничего не держитъ и изъ-подъ халата ничего не торчитъ; секретъ скорѣ объясняется: бухарецъ распоясываетъ свой широкій поясъ, а изъ него вытягивается кусковъ пять-шесть шелковой матеріи, которую вы охотно покупаете, потому что она 25-ю %о дешевле оплаченной пошлиною. Такимъ точно образомъ продаются и дорогіе халаты, восемь или десять экземпляровъ которыхъ умудряется надѣть на себя иной бухарецъ, безъ всякаго подозрѣнія со стороны таможенного солдата, караулящаго у такъ называемыхъ Азіатскихъ воротъ. Само собой разумѣется, что подобныя продѣлки имѣютъ мѣсто лишь по приближеніи къ таможеннымъ и заставамъ, дорогой же подобнаго рода контрабандный товаръ везется безъ всякаго опасенія въ тюкахъ, такъ какъ бухарскіе, кокандскіе и хивинскіе караваны, двигаясь къ таможеннымъ Оренбургскаго края, прорѣзываютъ степь въ различныхъ направленіяхъ.

Степь эта населена оренбургскими киргизами и киргизами внутренней, или букеевской орды. Проходя степь, караваны останавливаются въ различныхъ ея пунктахъ и производятъ дѣятельную мѣновую торговлю съ киргизами. При такихъ условіяхъ всякій киргизъ бросается къ бухарцу. Главный продуктъ потреленія между киргизами—халаты,

выбойка и мата, бѣлая или синяя. Все это выдѣлывается въ Бухарѣ въ громадномъ количествѣ и при условіяхъ гораздо меньшей стоимости, чѣмъ въ Россіи. Хлопчатая бумага получается русскимъ фабрикантомъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, и, хотя обработка гораздо тщательнѣе и прочнѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, но провозъ изъ фабрикъ степь стоитъ несравненно больше, чѣмъ изъ Бухары, наконецъ, русскій купецъ долженъ платить вывозную пошлину въ то время, когда бухарецъ расхода этого не несетъ. Все это и составляетъ столь громадную разницу въ цѣнѣ бухарскаго товара сравнительно съ русскимъ. Киргизъ покупаетъ у бухарца 80 аршинъ матеріи за ту же цѣну, за какую у русскаго купца онъ можетъ купить не болѣе 40 аршинъ; положимъ, русская матерія добротнѣе бухарской, но киргизу до этого нѣтъ ровно никакого дѣла, онъ видитъ только, что за одну и ту же сумму онъ можетъ купить и 80 и 40 аршинъ, и конечно, предпочитаетъ взять 80. При такихъ условіяхъ конкуренціи быть не можетъ, а недостатокъ подобнаго условія въ торговой операціи не можетъ не отзываться какъ на вывозной степной торговлѣ, такъ и на мануфактурной промышленности цѣлаго края. Взглянемъ же теперь, сколько наше правительство теряетъ отъ настоящаго положенія дѣлъ.

Всякій киргизъ и киргизка ходятъ въ бухарскихъ халатахъ. Халатъ стоитъ minimum 1 р. 50 к., нижняя и исподняя одежда дѣлаются ими изъ выбойки, или изъ маты того же бухарскаго производства; стоитъ это не какъ не меньше 2 руб. сер. въ годъ; кромѣ того, у рѣдкаго киргиза нѣтъ праздничнаго халата, который онъ обновляетъ ежегодно—цѣна такому халату не ниже 3 руб. сер. Есть и богатые киргизы, султаны, бии, которые носятъ шелковые халаты, надѣвая ихъ по два и по три въ разъ, такіе же чамбары и прочія принадлежности одѣянія. Взявъ все это въ соображеніе, выйдетъ, что киргизъ тратитъ въ среднемъ въ годъ не меньше 6 руб. сер. Положимъ пошлину по 25%, какъ она и существуетъ, съ 6 руб. сер. выходитъ 1 р. 50 к.

Киргизовъ степи Оренбургскаго вѣдомства и внутренней орды считается около 400 т. кибитокъ. Если въ кибиткѣ положить среднимъ числомъ по четыре человѣка, то всего населенія выйдетъ 1 мил. 600 т. Киргизы внутренней орды не столь дѣятельно торгуютъ съ Бухарой; во внутренней ордѣ считается до 100 т. кибитокъ (400 тысячъ жителей), мы ихъ отбросимъ и у насъ остается населеніе въ 1 м. 200 т. На каждого жителя, какъ указано выше, приходится пошлины 1 р. 50 к., слѣдовательно на 1 м. 200 т. жителей—1 м. 300 т. рублей серебромъ. Съ выбойки и маты пошлина 15%, а не 25%, скинемъ 300 т. и у насъ останется цифра въ 1¹/₂ мил. чистаго правительственнаго дохода, который ежегодно дарится киргизамъ и бухарцамъ, изъ которыхъ послѣдніе и такъ вывозятъ изъ Россіи громадное количество звонкой монеты.

Если при этомъ обратить вниманіе на наемную цѣну съ верблюда, которая мало отклоняется отъ слѣдующей:

отъ Бухары до г. Оренбурга . . .	160 тенгъ *)
„ „ „ „ Орска	140 „
„ „ „ „ форта Казалы . . .	70 „
„ ф. Казалы до Орска	8 руб. сер.

то станетъ понятно, почему возчики постоянно набираютъ съ собой продукты потребленія, перечисленные выше.

Сильно разочарованный остался бабай Аннау, когда, караванъ нашъ двинулся въ путь, не оставивъ у него, по неимѣнію, ни одного изъ предметовъ, кои онъ очевидно рассчитывалъ вымѣнять на заготовленную джебагу.

— Теперь, старая собака, ругать насъ цѣлую недѣлю будетъ!—промолвилъ Левашевъ, усиленно насасывая свою обгорѣлую люльку.

— Этого того, какъ его... напрасно, знаете, мнѣ ранѣе не сказали господинъ Левашевъ, что дорогой такъ выгодно

*) Тенгъ—бухарская серебряная монета = 20 коп. серебр., по курсу на наши деньги.

можно заняться комерцией, знаете! Я бы того, какъ его, халатиковъ десятка три-четыре захватилъ съ собой.

— Да вѣдь вы, Семенъ Никитичъ, говорили что не при деньгахъ, а 40 халатовъ составляютъ кушъ порядочный.

Но Семенъ Никитичъ не счелъ нужнымъ отвѣтить на мою шпильку, а только что-то заворчалъ про себя, дѣлая выкладки на пальцахъ,—барыши должно быть подсчитывалъ, какіе могли бы ему достаться.

Иванъ-бай, повидимому, сильно разсердился на „господина“ и такъ грозно посматривалъ на мизерную фигуру Телѣжникова, что я невольно расхохотался, представляя себѣ картину, если бъ могучій кулакъ Левашева опустился на неудачнаго коммерсанта.

— Зачѣмъ у насъ нѣтъ той быстрой предприимчивости, которой обладаютъ сѣверо-американцы или англичане?!—вдругъ задалъ вопросъ Яковъ Николаевичъ, ни къ кому въ сущности не обращаясь.

Меня это восклицаніе удивило и я спросилъ, чѣмъ оно было вызвано.

— Помилуйте, да развѣ стали бы таскаться на верблюдахъ англичане или американцы, обладая такой рѣкой какъ Сыръ? Развѣ стали бы они безпощадно убивать и время, и здѣловье, и деньги, когда переѣздъ водою несравненно дешевле караванныхъ странствованій.

— Позвольте, а вы забыли, Яковъ Николаевичъ про мели на Сырѣ и Джаманъ-Дарьѣ? *) Вѣдь существуютъ же у насъ Аральскіе пароходы, а какой отъ нихъ толкъ?

— Стара пѣсня! Можно завести пароходы болѣе сильныя, которые могли бы преодолевать быстроту теченія въ Кара-Узякѣ.

— Но вѣдь очистить отъ камыша Кара-Узякъ — дѣло

*) Въ 16 верстахъ ниже форта Перовскаго отдѣляется отъ Сыра притокъ Кара-Узякъ, который верстъ черезъ сто снова впадаетъ въ Сыръ, образуя между началомъ и устьемъ Джаманъ-Дарью (т. е. дурную рѣку) отличающуюся мелководьемъ.

лигантскихъ работъ и, кромѣ того, требуетъ громадныхъ затратъ, не говоря уже о гидротехнической сторонѣ.

— Э, батюшка, все это ерудна! Развитие пароходства по Сыру заключается вовсе не въ принципѣ невозможности, или трудности осуществленія этой идеи, а все въ той же медленности въ преслѣдованіи полезныхъ цѣлей, которую я и называю непредпримчивостью и отъ которой тормозится у насъ всякое предпріятіе. Поѣзжайте на Волгу, на востокъ Россіи, тамъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь вы съ каждымъ шагомъ станете убѣждаться въ томъ, что земля наша велика и обильна, но что много трудовъ, много работъ нужно, чтобы оживить ее и призвать къ производительности всѣ тѣ громадныя пространства, которые тамъ раздольно разстилаются предъ глазами... Э, да что тутъ!..— Яковъ Николаевичъ махнулъ рукой и замолчалъ.

— Знаете, Яковъ Николаевичъ, вы сейчасъ обмолвились и мнѣ очень пріятно было слышать эти: *наши*, у насъ и проч. Значитъ, въ васъ сохранился русскій духъ, который по мѣрѣ приближенія къ Россіи все ярче и ярче вспыхиваетъ. Дай-то Богъ! А то что, въ самомъ дѣлѣ, за отреченіе?! Ну, мало ли что было, про то надо забыть, и смотрѣть какъ на непріятное сновидѣніе...

— А это что!—сказалъ Зубаревъ, указывая на свою киргизочку и тяжело вздохнулъ.

XXIX. На свадьбѣ.

Еще два-три перехода и мы будемъ у цѣли нашего путешествія.

Какъ надоѣли пески, эта гладкая, словно скатерть, степь съ своимъ однообразно унылымъ видомъ, эти солончаки съ тонкой глинистой почвой и это пекущее съ утра до вечера солнце!!

А хуже всего отравляло путешествіе отсутствіе нищаго довольствія. Сухари опротивѣли, баранина, дурно сва-

ренная, часто безъ соли*), безъ приправъ, прѣсная, словно трава, кумысъ подозрительной чистоты,—все это довольно чувствительно отражалось и на здоровьи, и на состояніи духа. Ко всему этому надо прибавить и одурляющее расквашиваніе на „корабляхъ пустыни“. Со мной даже сдѣлалось что-то вродѣ морской болѣзни. Еще немного,—и пришлось бы окончательно слечь, но, къ моему счастью, утомительное путешествіе приходило къ концу.

Черезъ нѣсколько дней мы достигли Григорьевской станицы, отъ которой то по правую, то по лѣвую сторону рѣки Илека направились до урочища *Бичиг-Тамакъ*. Съ одной стороны рядъ холмовъ, закрытыхъ сплошною массою яркой зелени; съ другой — извилистые, красивые берега Илека. Множество мелкихъ ручейковъ и рѣчекъ, притоковъ Илека, пересѣкаютъ дорогу; впрочемъ, для каравана они не составляли большаго затрудненія, такъ какъ всѣ легко переходились въ бродъ. Отъ верховьевъ рѣчки Караганды**) мы свернули къ урочищу Уркачъ.

Долина Караганды составляетъ послѣдній уголокъ степи; по ея бокамъ холмы, постепенно возвышаясь, составляютъ двѣ непрерывныя цѣпи, которыя, въ свою очередь, слившись вмѣстѣ, образуютъ плоскую возвышенность. Песчаный и глинистый грунтъ замѣняется твердымъ, каменистымъ. Утесы всевозможныхъ формъ и оттѣнковъ, высокія тѣнистыя деревья придаютъ природѣ болѣе суровый видъ. Совершенно уединенно, въ сторонѣ отъ урочища, возвышается, на подобіе сахарной головы, гора Ишали. Отъ Уркача дорога спускается въ богатую пастбищами долину рѣки Эмбы и, перерѣзавъ ее поперекъ, доходитъ до подножія *Мугоджарскихъ* горъ. Больше всего нашъ караванъ встрѣтилъ затрудненій при перевалѣ черезъ Мугоджары: приходилось

*) Киргизы рѣдко употребляютъ соль. Говорятъ, что это отлично сохраняетъ зрѣніе, но насколько такое предположеніе—основательно, судить не рѣшаюсь, хотя долженъ замѣтить, что зрѣніе у киргизъ поразительно хорошее.

**) Притокъ Илека.

пробираться узкимъ извилистымъ ущельемъ. Дно этого ущелья устлано мелкими, гладко отшлифованными камнями, которые, перекашиваясь на мягкомъ сыпучемъ пескѣ, дѣлаютъ хожденіе по нимъ весьма неудобнымъ, почти непреодолимымъ для верблюдовъ: несчастныя животныя едва удерживаются на своихъ неуклюжихъ ногахъ, подвигаются съ трудомъ и то лишь послѣ большихъ усилій, часто оступаются и падаютъ.

Утесы и вѣтвистыя деревья не пропускаютъ солнечныхъ лучей, отчего въ ущельѣ царствуетъ полумракъ и прохлада; есть и просвѣты, но тамъ обрывы, овраги и пропасти по бокамъ узенькой тропинки дѣлаютъ проходъ очень опаснымъ. По срединѣ ущелья стоитъ гора Аюрукъ, отъ которой дорога начинаетъ спускаться и снова растягивается по степи, доходя до Орска.

Отъ Мугоджарскихъ горъ и почти вплоть до самаго г. Орска дорога можетъ развлекать глазъ путешественника живописными видами. Толстый карагачъ, стройный таль, джида и другія деревья густо разрослись въ этомъ уютномъ уголкѣ степи и образовали маленькіе лѣсочки. Среди этой роскошной зелени, чуть замѣтно чернѣются киргизскія юрты, словно гигантскія круглыя шапки.

Во время одного перехода къ намъ подъѣхало нѣсколько человѣкъ киргизовъ и стало упрашивать Кебекова свернуть съ дороги, чтобы остановиться лагеремъ близъ ихъ аула; оказалось, что они приглашали всѣхъ насъ принять участіе въ свадьбѣ, назначенной въ этотъ же день. Мы, разумѣется, съ удовольствіемъ приняли приглашеніе и отправились на *той* *), который устраивалъ отецъ невесты.

Къ сожалѣнію, мы опоздали къ самому процессу свадьбы и попали уже прямо на брачный пиръ.

*) Такъ называется праздникъ, который отецъ невесты устраиваетъ отцу жениха. Послѣ всевозможныхъ угощеній, гости забавляются скачкою, или же игрою *кыз-кагаръ*, о которой много уже сказано выше.

Насъ встрѣтила сама „молодая“ со своимъ женихомъ. Это была полная, высокая дѣва, одѣтая въ какой-то невообразимо пестрый нарядъ. Бойко смотрѣли ея большіе черные глаза, обрамленные дугообразными бровями. Лицо невесты можно было бы назвать красивымъ, еслибъ не сильно выдавшіяся скулы. Безъ всякой застѣнчивости подошла она къ намъ и, протянувши руку, весело проговорила: „Аманъ, тюр!“ При этомъ хитрая улыбка раскрыла ея мясистыя сладострастныя губы и выставила на показъ два ряда ровныхъ, ослѣпительной бѣлизны, зубовъ. Подъ стать былъ и женихъ, стройный и оригинально-красивый молодецъ лѣтъ двадцати двухъ. Глаза его блестѣли неподдѣльнымъ счастьемъ; здоровый румянецъ пробивался сквозь загаръ красиваго лица, мало напоминавшаго своими формами монгольскій типъ.

— Ассаламалейкумъ!— привѣтствовалъ онъ насъ и также протянулъ руку.

— Аманъ!.. Калай турасызъ?

— Джексы, алларезаусымъ!.. саламатъ сызма? *).

— Пажалста, тамыръ, будишь гостю!—привѣтливо приглашалъ насъ молодой, отчаянно коверкая русскій языкъ.

— Спасибо, спасибо, пріятель!.. съ удовольствіемъ гостями будемъ.

Прямымъ столбомъ высоко взвивался то черный, то бѣлый дымъ изъ тюндюка юрты и исчезалъ въ безоблачно-голубомъ небѣ; вокругъ этой юрты толпились кочевники и довольно равнодушно заглядывали во внутренность, гдѣ готовились брачныя кушанья. Этотъ процессъ, очевидно, болѣе интересовалъ гостей, нежели церемонія свадьбы, которая, кстати сказать, крайне не сложна у киргизовъ.

— Ишь, собака, знаете, какую, того-этого, подцѣпилъ хозяйку-то важнецкую... проворчалъ Телѣжниковъ, съ вожделѣніемъ поглядывая своими рачьими глазами на молодуху.

*) Приблизительный переводъ: здравствуйте, какъ поживаете?— Хорошо, благодарю васъ.

— А вамъ завидно?—задалъ вопросъ Яковъ Николаевичъ, но такъ и не дождался отвѣта. Семенъ Никитичъ только шумно вздохнулъ и по своему обыкновенію началъ что-то ворчать про себя.

Между тѣмъ, изъ толпы выступилъ почтенной наружности старецъ (отецъ невесты) и важно произнесъ:

— Будьте у насъ гостями, дѣлайте, что хотите, и просите, чего желаете! Сейчасъ у насъ начнется байга—сдѣлайте ей честь своимъ участіемъ или присутствіемъ.

Съ этими словами насъ поставили на самомъ видномъ мѣстѣ, около помѣстились наиболѣе сановитыя личности аула, а за ними старики, женщины и пѣшіе киргизы; конные же составили передъ нами полукругъ, ожидая знака для начала состязанія. Вскорѣ былъ зарѣзанъ молодой баранъ, у котораго тотчасъ же отрубили голову, а тушу подали привѣтствовавшему насъ старику; старикъ въ свою очередь поднесъ обезглавленнаго барана ко мнѣ и сказалъ:

— Бросай!

Я не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Это вамъ особый почетъ дѣлаютъ, Николай Ивановичъ, — объяснилъ Зубаревъ, — бросьте передъ собой барана въ самую турбу (толпу) и увидите, что будетъ.

Я послѣдовалъ совѣту.

Мгновенно всѣ всадники ринулись съ мѣста къ брошенному барану; лошади и всадники смѣшались въ одну кучу, въ которой трудно было разглядѣть что-нибудь; дикіе возгласы, брань, топотъ копытъ, щелканье ногаеъ—имѣли что-то сверхъестественное и совсѣмъ оглушили меня. Свалка все болѣе и болѣе усиливалась, но вотъ изъ облака пыли, на маленькой сивой лошаdkѣ, вырвался одинъ всадникъ и понесся по степи; у его сѣдла, подъ правымъ колѣномъ, висѣлъ баранъ. За нимъ, словно свора борзыхъ, съ крикомъ помчалась вся толпа. Всадникъ, однако, уфхалъ не далеко: съ обѣихъ сторонъ къ нему подскакали два другихъ всадника и у нихъ началось состязаніе въ силѣ и ловкости.

Между тѣмъ, какъ боролись эти трое, подошли и

остальные и свалка возобновилась еще съ большимъ ожесточеніемъ.

Но вотъ одинъ киргизъ разомъ отдѣлился отъ прочихъ; его гнѣдой аргамакъ легко удалялся отъ преслѣдователей. Далеко занося тонкія, словно выточенные ноги, гордо поднявъ красивую, благородную голову и широко расшпиривъ красныя ноздри, несся легкій скакунъ; волнистая грива развѣвалась по вѣтру, а пушистый длинный хвостъ замѣталъ слѣдъ; конь едва касался земли, какъ будто невидимая сила поддерживала его въ воздухѣ.

Нетерпѣніе всадника усиливалось по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Всѣмъ тѣломъ подавшись впередъ, почти стоя на плоскихъ стременахъ, сдерживая дыханіе, онъ пристально смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ происходила борьба и только изрѣдка пощелкивалъ языкомъ, чтобы подогнать своего бойкаго карабаира; ногайка безъ употребленія висѣла на лукѣ сѣдла: къ ней прибѣгать было излишне, такъ какъ благородное животное добросовѣстно исполняло свою обязанность. Въ нѣсколько секундъ молодой киргизъ очутился въ серединѣ толпы.

Растолкать, пере нать всѣхъ, отнять барана, совсѣмъ почти разорваннаго и оставить далеко позади себя всѣхъ соперниковъ—было дѣломъ шуточнымъ для ловкаго джигита. Преодоливъ всѣ препятствія и проскакавъ опредѣленный кругъ, онъ бросилъ барана къ ногамъ судей, а самъ, окинувъ торжествующимъ взглядомъ присутствующихъ, гордо подбоченился и терпѣливо началъ ожидать отзыва судей...

Послѣ этого были зарѣзаны еще нѣсколько барановъ и брошены на арену байги; когда состязавшіеся порядкомъ поутомились, всѣ двинулись къ аулу, чтобы принять участіе въ угощеніи, приготовленномъ отцомъ невесты.

Кушанья киргизовъ, какъ мною замѣчено уже ранѣе, не отличаются разнообразіемъ, а все вниманіе обращается лишь на обиліе. Поэтому я не буду описывать ихъ, чтобы не повторяться.

Не безъ удовольствія я прослушалъ пѣсни, которыя

далеко раздаваясь по широкой степи, невольно проникали въ душу. Я до такой степени замечтался подъ вліяніемъ дикихъ напѣвовъ, что не замѣтилъ, какъ наступили сумерки.

Поблагодаривъ за гостепріимство и дружбу новыхъ своихъ знакомыхъ, я отправился къ каравану, чтобы на утро по возможности раньше тронуться въ путь.

XXX. Въ Орскѣ.

Проѣзжая Губерлинскими горами, каменистыя гряды которыхъ (сажень до 80-ти вышиной) начинаются станціи за три до Орска, мнѣ еще разъ пришлось убѣдиться, что Россія могла бы извлечь громадныя выгоды изъ благодѣтнаго азіатскаго края—этого баснословнаго эльдорадо—еслибы Ташкентъ былъ соединенъ съ Оренбургомъ желѣзной дорогой и... еслибы было побольше энергіи *).

— Вотъ тутъ желѣзная руда есть!—сказалъ Левашевъ, указывая вправо отъ дороги.

— Желѣзная руда? гдѣ желѣзная руда?—воскликнулъ Яковъ Николаевичъ, пробужденный этой новостью отъ дорожной дремоты.

— Да вотъ тамъ, въ той горѣ, что стоитъ поодаль отъ сосѣднихъ.

— Что-жъ, разрабатываютъ руду? добываютъ желѣзо?

— Кому разрабатывать, знамо нѣтъ...

— Вотъ, вотъ; не правду я говорилъ!—обратился ко мнѣ Зубаревъ, — нѣтъ сомнѣнія, что тутъ всюду много богатствъ. Помилуйте, мѣловыя, известковыя, гранитныя, яшмовыя и другія породы, разнаго рода лѣсъ, ключи,—и никого, никого, кто могъ бы оживить эти пустыни!

Въ самомъ дѣлѣ, странно, почему Оренбургскіе казаки,

*) Ко да былъ писанъ мною этотъ правдивый очеркъ, я далеко былъ отъ мысли, что въ недалекомъ будущемъ мечты мои осуществятся и сѣтъ желѣзныхъ дорогъ покроетъ Туркестанъ во всѣхъ его направленіяхъ.
Авторъ.

какъ мѣстные жители, не разрываютъ гранитныхъ скалъ на матеріалъ для устройства своихъ жилищъ, подобно финляндцамъ, у которыхъ почти всюду встрѣтите постройки изъ рванаго камня? Вѣдь вышли бы отличные домики, не чета тѣмъ мазанкамъ и деревяннымъ избушкамъ, что теперь нагромождены въ станицахъ.

Известъ подъ рукой—ея цѣлыя горы, только разрабатывай. И нельзя было не согласиться съ Зубаревымъ, что большую роль играетъ славянская лѣнь вообще и непредпріимчивость въ особенности.

Казаки иногда довольно порядочную известковую гору отдаютъ какому-нибудь мелкому промышленнику рублей *а пять* въ годъ. Спросите ихъ: отчего же они сами не строятъ каменныхъ домовъ? Скажутъ вамъ: „этого де, молъ, не заведено, да и мастеровъ такихъ нѣту; изба у насъ всегда строится изъ лѣсу“, и тому подобный вздоръ. А между тѣмъ и каменные горы подлѣ, и известъ тутъ-же... Должно быть, некому объяснить имъ этихъ выгодъ...

Близокъ, близокъ конецъ пути! Мы уже слышали русскія привѣтствія, и при звукѣ роднаго языка быстро испарились всѣ дорожныя неприятности и безпокойства. Былъ забытъ и палящій зной, и недостатокъ воды, и консервы, и сухоядѣніе.

Черезъ четыре дня мы прибыли въ Орскъ и остановились въ таможенномъ караванъ-сараѣ.

Суматоха тутъ была страшная: ревъ верблюдовъ, крики киргизовъ, разноголосые колокольчики и всеобщая разладица—стономъ стояли въ воздухѣ.

— Чохъ, чоухъ!—слышалось въ одномъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько киргизовъ старались поднять на ноги упрямившагося верблюда.

— Держи, держи!—во всю мочь орали другіе, гоняясь за „кораблемъ пустыни“, быстро удиравшимъ отъ своихъ преслѣдователей.

А дувона, наэлектризованные фаватизмомъ, во всю глотку распѣвали свои проповѣди:

— О...о...о...ву... и ульянъ-кчи джаксылары!.. Мы всё уйремъ. Этотъ міръ кончится, откроется новый міръ, не такой, какъ настоящій. Земля тамъ будетъ бѣлая, такая, на которой никто не дѣлалъ грѣховъ; она будетъ горячая, какъ безводный котелъ, раскаленный на сильномъ огнѣ; солнце будетъ печь такъ, что наши мозги въ головѣ закипятъ, какъ сурпа...

— Ой-бай!.. Кудаяй сактой кюръ!.. *)—благочестиво вздыхали слушатели.

А дувона продолжалъ:

— И будемъ мы стоять и ждать очереди. Аллахъ не беретъ за свой судъ кулунмъ **), какъ это дѣлаютъ наши бии. Аллахъ судитъ справедливо, не разбирая богатаго и бѣднаго... Начнетъ Аллахъ спрашивать насъ; и (удетъ намъ тяжело, такъ какъ свидѣтелями придутъ наши скоты и скажутъ: хозяинъ билъ насъ и отводилъ намъ дурныя мѣста для кочевокъ. Верблюды скажутъ: на меня навьючивали болѣе положеннаго вѣса тяжести и заставляли дѣлать кичъ (кочевки) болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по адату... ***).

— Барекяльда! барекяльда! Бай-бай, Мульдекъ, мульде Икянь!.. ****)—воскликали присутствовавшіе, сокрушаясь о своихъ грѣхахъ.

А благоученный человѣкъ совсѣмъ ужъ дошелъ до неистовства; онъ не говорилъ, а только дико взвизгивалъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ и закрывъ глаза. Это, однако, не помѣшало ему подставить свой малахай, куда щедро посыпались коканы (двадцатикопѣечная серебряная монета) восторженной толпы.

Въ Орскѣ *****) съ первыхъ шаговъ васъ поражаетъ восточный характеръ; шпицы мечетей и минареты придаютъ

*) О, Боже! сохрани насъ!

**) Вятки.

***) Обычай (законъ иногда).

****) Да благословитъ тебя Богъ! Какой благоученный человѣкъ!

*****) Этотъ городъ лежитъ при сліяніи рѣки Урала, текущаго съ сѣвера, съ рѣки Орою, направляющагося съ юга. Авторъ.

городу оригинальный видъ. А какое разнообразіе фигуръ и костюмовъ! Вотъ идетъ русскій солдатъ выправленной походкой, вотъ пылкій и отважный уральскій казакъ. Далѣе попадается бухарецъ съ длинной бородою, человѣкъ степной и важный, носящій чалму, длина которой необъятна, если развернуть ея складки...

Почти въ самой срединѣ города возвышается обширное зданіе Мѣноваго Двора, служащаго главнымъ мѣстомъ свиданій кочующихъ жителей, которые стекаются сюда со всѣхъ сторонъ, пріѣзжая иногда издалека верхомъ на лошадяхъ или верблюдахъ. Этотъ дворъ—своего рода биржа. Огромное зданіе Мѣноваго двора представляетъ почти правильный квадратъ, съ большою площадью въ центрѣ. Дворъ этотъ всегда наполненъ толпою народа; давка ужасная, шумъ оглушительный: покупатели и продавцы говорятъ и кричатъ всё вмѣстѣ и еще каждый старается перекричать своего сосѣда. Всѣ двигаются взадъ и впередъ, хлопаютъ въ ладони, выкрикиваютъ свою цѣну, которая всегда оказывается рѣшительною и недопускающею уступки.

Купцы, оживляющіе этотъ своеобразный базаръ, принадлежатъ къ различнымъ національностямъ. Они продаютъ всякую всячину, но главнымъ образомъ одежду, изъ которой чапаны (халаты) занимаютъ первое мѣсто, такъ какъ эта простая одежда получила право гражданства на границѣ степей. Рядомъ съ этимъ предметомъ, который продается въ мѣновомъ дворѣ на огромную сумму, купцы выставляютъ большой запасъ войлочной ткани, затѣмъ разные женскіе наряды, стеклянныя и металлическія украшенія, дешевая цѣна которыхъ соблазняетъ дочерей Евы.

Войлочные ткани киргизской выдѣлки бываютъ весьма хорошаго качества и потому тоже имѣютъ большой сбытъ. Въ общемъ Орскъ не принадлежитъ къ числу городовъ, производящихъ пріятное впечатлѣніе: въ немъ вы видите одни низенькіе полуразвалившіеся домишки, а восточная неряшливость дѣлаетъ его совсѣмъ непригляднымъ.

Въ первый день по пріѣздѣ въ Орскъ я, ошеломленный

этой безтолково-суевающейся толпой, совершенно растерялся и не зналъ, какъ и кому сдавать товаръ, но меня выручилъ всезнающій Левашевъ. Онъ отправился розыскивать довѣреннаго и вскорѣ притащилъ его за собой. Я не буду описывать порядка сдачи хлонка, такъ какъ это въ сущности далеко не сложная вещь: когда мы доставили товаръ въ Орскую таможенную заставу, тамъ тотчасъ же наложили на него клейма и послѣ этого я по особымъ накладнымъ сдалъ товаръ новому приѣмщику и этимъ окончилась моя обязанность. Теперь я былъ совершенно свободенъ, а такъ какъ путь мнѣ лежалъ еще далѣе, въ Акмоллы, по уже одному, по своимъ личнымъ дѣламъ, то я и сталъ готовиться къ отъѣзду на почтовыхъ. Я никакъ не предполагалъ, что встрѣчу новое большое затрудненіе въ полученіи лошадей. Отправившись на почтовую станцію, я долго и безплодно старался отыскать хоть одну живую душу, но не могъ никого встрѣтить, точно всѣ вымерли.

Нечего дѣлать, пришлось ждать. Наконецъ, неизвѣстно откуда, явился киргизъ и ломаннымъ русскимъ языкомъ спросилъ, что мнѣ нужно.

— Какъ что нужно? Разумѣется, лошадей.

— Лошадей нѣтъ.

— Нѣтъ! Когда-же онѣ будутъ?

— Завтра.

Положеніе печальное, но дѣлать нечего, поневолѣ пришлось ждать. Въ сущности, я догадывался, что киргизъ вретъ, недостатка въ лошадяхъ не могло быть, но такова ужъ особенность условій на почтовыхъ станціяхъ. Разумѣется, въ подобныхъ обстоятельствахъ лучше всего пригрозить, если вы имѣете видъ офицера или чиновника, или опустить руку въ карманъ, если ваша скромная наружность обличаетъ самаго простаго гражданина. Но и доставъ лошадей, вы не считайте свой отъѣздъ дѣломъ рѣшеннымъ: начинается новая возня съ уздой, возжами, оглоблями и т. д. безъ конца.

Когда я рассказалъ Левашеву свои затрудненія, то онъ

началъ такъ ожесточенно ругаться, что я совершенно пересталъ сомнѣваться и былъ совершенно увѣренъ, что завтра уже найду лошадей. Бородатый мой спутникъ общалъ на русскомъ и киргизскомъ діалектахъ „переломать всѣ ребра этимъ собакамъ“, „согнуть ихъ въ бараній рогъ“, „истолочь въ порошокъ“ и т. д. и т. д.

Чтобы прервать потокъ брани, я спросилъ, гдѣ наши спутники. Оказалось, что Яковъ Николаевичъ съ самаго приѣзда лежалъ и о чемъ-то отчаянно думалъ, а Телѣжниковъ бѣгалъ по городу и уже не скрывалъ что онъ *не при деньгахъ*, а, напротивъ, у всѣхъ и каждого освѣдомлялся что бы ему купить новыгоднѣе, чтобы увезти въ свой Великій Устюгъ.

— Я того этого, Николай Ивановичъ, думаю, знаете, маты купить; какъ вы, то ись, полагаете, этого-какъ его, не будетъ убыточно?

Я увѣрилъ, что, вѣроятно, это будетъ выгодно и обрадованный Сементъ Ивановичъ снова куда-то убѣжалъ *по своему дѣлу* и, признаться, я его больше не видалъ.

На утро Левашевъ дѣйствительно мнѣ досталъ лошадей и я сталъ собираться въ путь.

— Ну-съ, прощайте, дорогой мой Яковъ Николаичъ, не унывайте, не падайте духомъ, авось Господь поможетъ вамъ устроиться въ новой жизни, не забывайте, что у васъ есть дочь! — говорилъ я, пожимая руку своему новому другу.

— Благодарю васъ, постараюсь! — отвѣчалъ какъ-то вло мой знакомецъ, но видно было, что онъ не совсѣмъ равнодушно расстается со мной. Поцѣловавши маленькую Райханъ и еще разъ простившись со всѣми спутниками, я сѣлъ въ повозку.

— Вы, Николай Ивановичъ, въ случаѣ чего, въ зубы его мерзавца, лупите! — совѣтывалъ Левашевъ, недружелюбно кивая на ямщика.

Когда уже было все готово, отъѣздъ мой еще замедлился: степенныя лошади, не привыкшія къ оглоблямъ, съ безпокойствомъ поводили ушами, *глубоко* дышали и вздрагивали. Я,

признаться, со страхом сѣлъ въ повозку. Но вотъ ямщикъ подобралъ возжи, крикнулъ что-то въ родѣ: „Гюй, гюй! Тси... Гріау, гріау“... лошади взвились на дыбы, сильно встряхнувъ головами и затѣмъ помчались во весь духъ, экипажъ немилосердно прыгалъ и подскакивалъ, я еще разъ успѣлъ махнуть платкомъ и затѣмъ плотнѣе усѣлся въ глубь тарантаса, готовясь каждую минуту вылетѣть вонъ. Однако-жъ, мало по малу, бѣгъ становился ровнѣе, экипажъ пересталъ прыгать, очевидно, горячія лошади устали и мы поѣхали ровнѣе, хотя все еще довольно быстро.

Я погрузился въ задумчивость, мнѣ было жаль своихъ спутниковъ, къ которымъ я успѣлъ привязаться, сдружиться съ ними. Впрочемъ (думалось мнѣ), мало ли человѣку съ кѣмъ приходится встрѣчаться въ жизни! Встрѣтишься, познакомишься, привяжешься къ кому-нибудь и вдругъ житейская волна отброситъ и далеко унесетъ этого знакома. И опять новыя встрѣчи, новая обстановка, новыя условія и интересы...

— Горе, и радость, и время, и люди —
Все это лишь мимо летитъ!..

А утомившіяся дикія лошади уносили меня все далѣе и далѣе. Теперь дорога пошла гладкая, степная, впечатлѣнія мало по малу укладывались, меня начала одолевать дремота,—и вскорѣ я погрузился въ сонъ...

XXX. Чрезъ двѣнадцать лѣтъ.

Насха въ 1884 году была ранняя. Не смотря, однако на то, что былъ еще только конецъ марта, фруктовые деревья распустились; а черемуха уже цвѣла, испуская пріятный ароматъ. Я жилъ тогда въ Ташкентѣ, но уже послѣдніе дни, такъ какъ долженъ былъ ѣхать въ Россію; на этотъ разъ я оставлялъ Туркестанскій край навсегда: смерть отца требовала, чтобы я принялъ на себя попечительство надъ семьей. Сложивъ и упаковавъ всѣ свои вещи, я остался въ дорожномъ костюмѣ и хотѣлъ часовъ въ десять утра от-

правляться. Скоротавъ кое-какъ вечеръ, я отправился къ заутренѣ при первомъ ударѣ колокола; народъ съ радостными лицами сновалъ по улицамъ, направляясь въ церкви, освѣщенные множествомъ огней. Соборъ въ Ташкентѣ былъ очень маленькій и не вмѣщалъ десятой доли всѣхъ собравшихся; усѣвшись на скамейку въ саду, противъ самаго собора, я отъ нечего дѣлать сталъ наблюдать публику, среди которой встрѣчалось, разумѣется, не мало знакомыхъ.

— А, Николай Ивановичъ! съ наступающимъ праздникомъ! — раздался около меня грубоватый голосъ, и когда я поднялъ глаза, то увидѣлъ передъ собою своего спутника Ивана Левашева. Онъ все еще былъ бодръ по прежнему, но волосы и борода его посѣдѣли до бѣлизны, а всевластное время нѣсколько сгладило грубоватыя черты, превративъ этого колосса въ добродушнаго старика. Костюмъ, по случаю такой торжественной ночи, былъ на Левашевѣ совершенно новый, съ иголочки; хорошій, туземнаго покроя, бешметъ плотно облегалъ его коренастый корпусъ, а сѣдую голову украшала новенькая фуражка, съ краснымъ околышемъ (Иванъ-бай, по казацкой привычкѣ, въ особо важныхъ случаяхъ всегда надѣвалъ форменную фуражку).

— Здравствуй, Иванъ Варфоломѣичъ! И тебя равнымъ образомъ. А мнѣ вотъ и праздника здѣсь захватить не придется, думаю часовъ въ 10 выѣзжать.

— Что-жъ, коли дѣло такое! Слышалъ я въ конторѣ про вашъ отъѣздъ; батюшка, сказывали, у васъ померши...

— Да, Иванъ Варфоломѣичъ. Прощай видно совсѣмъ!

— Ну, пошто совсѣмъ, никто какъ Богъ, авось свидимся.

— Едва-ли. Думаю поселиться на родинѣ, да и будетъ ужъ, попутешествовалъ, пора къ семейному очагу.

— Оно точно, жениться подитъ-ка думаете, Николай Ивановичъ?

— Нѣтъ, пока не собираюсь еще, невѣсты не выросли.

— Хе-хе-хе! шутить изволите! Для васъ невѣстъ сколько угодно найдется, разумѣется не здѣсь.

Мало по малу мы пустились въ разсужденія о томъ, о семъ и перешли къ воспоминаніямъ о прошломъ. Многихъ уже не было на свѣтѣ, многое измѣнилось и вообще наступали другія времена, появились новые люди и новыя пѣсни. Левашевъ сообщилъ мнѣ, что Нысанъ-Кебековъ умеръ года два назадъ, Казанджиковъ по прежнему занимается под-рядами и только про одного не могъ ничего сказать, это про Зубарева.

— Какъ разстался я съ нимъ въ тѣ поры въ Орскѣ, такъ болѣе и не видѣлъ!—заклучилъ свой разговоръ Иванъ-бай и набожно перекрестился: въ эту минуту раздалось торжественное пѣніе клира, вышедшаго изъ церкви.

Праздничный, малиновый звонъ мелодичными переливами поплылъ надъ городомъ.

Высоко, высоко въ темномъ небѣ вспыхнула едва замѣтная звѣздочка... за ней другая, третья,—и вскорѣ весь необъятный куполъ неба усѣялся безчисленными блестящими звѣздами...

Сама природа какъ бы присоединилась къ людямъ, чтобы почтить торжество Воскресенія Великаго Богочеловѣка.

— *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!*.. запѣлъ клиръ.

— *Воистину воскресе!*—отвѣтилъ на эту радостную вѣсть немолчный гомонъ толпы.

— „Воистину воскресе!“—откликнулось и далекое, емо-снее небо съ мірадами звѣздъ.

— „Воистину воскресе!“—отозвалась вся природа, словно не рѣшавшаяся заснуть въ эту великую ночь всеобщаго „торжества изъ торжествъ“...

— Похристосуемся и мы, Николай Ивановичъ,—сказалъ Левашевъ, и голосъ его былъ тихъ и радостенъ.

Въ нашемъ поцѣлуѣ было все: и поздравленіе съ Великимъ Днемъ, и прощанье. Вскорѣ я пошелъ, чтобы окончательно приготовиться къ отъѣзду...

Локомотивъ тяжело пыхтѣлъ, какъ уставшее гигантское чудовище. Поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, подходилъ къ станціи и видны уже были станціонныя постройки, а вскорѣ показали громадныя, казарменнаго типа, вокзалъ. Первое,

что бросилось въ глаза, была красная фуражка начальника станціи, шагавшаго по платформѣ въ сопровожденіи жап-дармовъ и немногочисленной публики.

— Станція Медвѣдская, буфетъ, поѣздъ стоитъ 35 минутъ!—крикнулъ кондукторъ.

Вотъ и отлично,—подумалъ я,—съ удовольствіемъ поѣду здѣсь чаю.

Начальникъ станціи подошелъ опять и началъ что-то рассказывать машинисту, а я, отъ нечего дѣлать, сталъ оглядывать мѣстность.

По мѣрѣ удаленія отъ Ташкента природа измѣнялась и за три сотни верстъ уже не было и помину о цвѣту-щихъ деревьяхъ, а еще далѣе я нагналъ остатки зимы.

Мѣстность около Медвѣдской станціи почти сплошь еще была покрыта снѣгомъ, правда, мѣстами уже сильно чернѣвшимъ подъ дыханьемъ наступающей весны.

Выйдя изъ вагона и вновь наткнувшись на красную фуражку, я впервые обратилъ вниманіе на ея обладателя.—Что за чудо,—думалось мнѣ,—я гдѣ-то видѣлъ этого госпо-дина, но гдѣ?

— Ваше высочеродіе, пожалуйста на минуту въ кабинетъ васъ спрашиваютъ!—отрапортовалъ сторожъ.

— Хорошо, Сидоренко, скажи, что сейчасъ буду!

Не успѣлъ еще закончить этой фразы начальникъ станціи какъ я уже узналъ его. Да, не было ни малѣйшаго сомнѣнія,—передо мной находился Зубаревъ.

— Яковъ Николаевичъ! Вы ли это? Какими судьбами?—радостно завопилъ я и бросился было съ объятіями.

Господинъ въ красной фуражкѣ вздрогнулъ, затѣмъ обернулся ко мнѣ и, пристально посмотрѣвъ въ самые мои глаза, холодно произнесъ:

— Вы, вѣроятно, ошиблись, я вовсе не Яковъ Николаевичъ...

— Но, позвольте, какъ же.

— Бога ради молчите... потомъ поговоримъ...—тихо шепнулъ онъ и быстро отправился на станцію.

Черезъ полчаса и уже сидѣлъ въ квартирѣ Зубарева (такъ какъ это былъ онъ) и рѣшилъ, что останусь у него до слѣдующаго поѣзда.

Изъ разговора съ Яковомъ Николаевичемъ выяснилось, что онъ живетъ въ Медвѣдской уже три года и служить подъ чужимъ именемъ—Дмитрія Ивановича Лахтина; дочь его, давно уже окрещенная, кончила N—скую гимназію и въ настоящее время находится въ С.-Петербургѣ на курсахъ.

— Во имя всего святаго, умоляю васъ Николай Ивановичъ, ради Бога никому не говорите моего настоящаго имени, иначе я погибъ!

— Полпоте, Яковъ... то бишь Дмитрій Ивановичъ, я хорошо понимаю ваше положеніе и повѣрьте, стѣмлю быть скромнымъ.

Много и обо всемъ мы переговорили съ случайнымъ моимъ знакомцемъ. Онъ вновь, съ полной откровенностью, рассказалъ мнѣ шагъ за шагомъ всю жизнь съ момента разлуки нашей въ г. Орскѣ. Я душевно радовался, что эта мятущаяся душа нашла, наконецъ, себѣ успокоеніе...

Зимой того же года я какъ-то случайно попалъ на спектакль въ Большой театръ; зала была буквально полна. Бель-этажъ сіялъ роскошными туалетами дамъ, фраками и мундирами мужчинъ. У оркестра, въ первыхъ рядахъ креселъ, красовались тузы столицы, военные генералы и въ парадныхъ національных костюмахъ татары, персы и армяне. Верхнія логи и раекъ кишѣли, какъ улей. Внизу виднѣлись англійскіе проборы, благородныя лысины и смѣло закинутыя назадъ кудри, а чѣмъ выше поднимался глазъ, тѣмъ онъ чаще встрѣчалъ иные типы, начиная отъ мелкаго чиновника и кончая девятипудовой купчихой, вознесшейся подъ самыя облака и съ наслажденіемъ грызущей орѣхи. Мужчины, какъ тѣни, сновали изъ логи въ ложу, а надо всѣмъ этимъ, кромѣ чудныхъ звуковъ оркестра, царилъ непрерывный шумъ, словно вѣтеръ гудѣлъ по верхушкамъ гремучаго лѣса словно поднялись съ тревожнымъ жужженіемъ вспугнутые со своихъ ульевъ безчисленные рои пчелъ.

— Вонъ она, въ бель-этажѣ, лѣвая ложа, смотрите смотрите!—раздался около меня восторженный возгласъ и бинокли сосѣдей направились на поминутую ложу. Я тоже невольно взглянулъ и остоленѣлъ: предо мной была Райханъ. Не та, разумѣется, дѣвочка, съ которой я 12 лѣтъ назадъ путешествовалъ вмѣстѣ на верблюдахъ, а чудная молодая дѣвушка въ изящномъ черномъ шелковомъ платьѣ, плотно обтягивавшемъ ея гибкую фигуру, съ блѣднымъ, словно восковымъ, личикомъ, озареннымъ большими, столь хорошо мнѣ памятными черными глазами, полузакрытыми длинными рѣсницами. Я долго, противъ своей воли, не сводилъ глазъ съ этого профиля, и съ восторгомъ разсматривалъ темную, дугой очерченную бровь, изящный носикъ съ тонкими подвижными ноздрями, граціозный выгибъ бѣлаго, какъ мраморъ, подбородка, маленькое розовое ухо, въ которомъ блестящими огнями переливалась брилліантовая стрѣлка, а воображеніе вновь переносило меня въ степь, въ то чудное прошлое, когда я съ этой чаровницей пробирался по пескамъ на „корабляхъ пустыни“...

КОНЕЦЪ.

